

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

Впервые на русском!

ИГРА С ОГНЕМ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Annotation

В полутемном антикварном магазинчике в Риме скрипачка Джулия Анделл натывается на пожелтевший листок с нотной записью – вальс неизвестного ей композитора. Джулия приходит в восторг от этой музыки, полной страдания и страсти. Вернувшись домой в Бостон, она начинает разучивать вальс, но внезапно обнаруживает, что эта мелодия оказывает необъяснимое, пугающее воздействие на маленькую дочь Джулии. Убежденная в том, что гипнотические звуки вальса навевают какие-то злые чары, Джулия решает раскопать всю правду о человеке, создавшем музыку, которая ставит под угрозу само существование ее семьи...

*В книгу вошли также два рассказа о Джейн Риццоли и Мауре Айлз.
Впервые на русском языке!*

- [Тесс Герритсен](#)
 -
 - [Игра с огнем](#)
 - [Джулия](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Лоренцо](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Джулия](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Лоренцо](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [Джулия](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [Лоренцо](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
- [Джулия](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
- [Исторические замечания](#)
- [Рассказы](#)
 - [Паутина смерти](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Неопознанное тело](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Тесс Герритсен

Игра с огнем

© Г. Крылов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Игра с огнем

Уже от дверей я чувствую запах старых книг, аромат крошащихся страниц и тронутой временем кожи. Я заходила и в другие антикварные магазины этого мощеного проулка: там работают кондиционеры, двери плотно закрыты, чтобы не пускать внутрь жару, а здесь дверь распахнута и заклинена, она словно приглашает меня войти. Сегодня мой последний вечер в Риме, последняя возможность купить что-нибудь на память о поездке. Я уже нашла шелковый галстук для Роба и платице с умопомрачительными рюшами для нашей трехлетней дочери Лили, но для себя так пока ничего и не отыскала. Но вот в витрине антикварного магазинчика я вижу именно то, что мне нужно.

Я делаю шаг за порог; внутри темно, и несколько секунд мои глаза привыкают. На улице духота невыносимая, но здесь почему-то прохладно, я словно вошла в пещеру, куда не проникают ни жара, ни свет. Постепенно в сумраке проявляются формы предметов: я различаю шкафы, набитые книгами, старый кофр, а в углу – отполированные рыцарские доспехи. На стенах картины маслом, все они аляповатые, уродливые, отмечены пожелтевшими ценниками. Я не вижу хозяина, который стоит в нише, а потому вздрагиваю, когда он обращается ко мне по-итальянски. Поворачиваюсь и замечаю крохотного человечка с бровями, похожими на поседевших гусениц.

– Прошу прощения, – отвечаю я. – Non parlo italiano.

– Violino? – Он показывает футляр для скрипки, висящий у меня за спиной.

Инструмент слишком ценный, и я не могу оставить его в номере отеля, я всегда ношу его с собой.

– Musicista? – спрашивает он и начинает играть на воображаемой скрипке, его правая рука двигается туда-сюда с невидимым смычком.

– Да, я музыкант. Из Америки. Я выступала сегодня утром на фестивале.

Он вежливо кивает, но, думаю, не понимает моих слов. Я показываю на привлечший мое внимание предмет на витрине:

– Могу я посмотреть эту книгу? Libro. Musica.

Он вытаскивает из витрины ноты и протягивает мне. Я понимаю, что

книга старая, по тому, как кромки листов крошатся под моими пальцами. Издание итальянское, на обложке вижу слово «Zingari»^[1] и изображение вихрастого мужчины, играющего на скрипке. Я раскрываю ноты на первой вещи, написанной в миноре. Это незнакомая мне жалобная мелодия, пальцы уже покалывает от желания сыграть ее. То самое, что я всегда ищу, – старинная музыка, забытая, но заслуживающая того, чтобы ее открыли заново.

Я просматриваю другие мелодии, и тут из книги выпадает листок и, вспорхнув, опускается на пол. Не страница, просто лист бумаги, плотно исписанный нотами. Название композиции выведено изящными размашистыми буквами.

«Incendio»^[2], Л. Тодеско».

Я читаю музыку, слышу звучание нот у себя в голове, и мне хватает нескольких тактов, чтобы понять, насколько прекрасен этот вальс. Начинается он с простой мелодии в ми миноре, но с шестнадцатого такта становится сложнее. С шестидесятого такта ноты начинают громоздиться на ноты, сталкиваться. Я переворачиваю листок, каждый такт здесь плотно исписан карандашом. Цепочка проворных арпеджио закручивает мелодию безумным водоворотом нот, при виде которых мурашки бегают по коже.

Я непременно должна купить эти ноты.

– Quanto costa?^[3] – спрашиваю я. – Лист с записью вместе с книгой.

Хозяин смотрит на меня с коварным огоньком в глазах:

– Cento.

Он вытаскивает авторучку и пишет число у себя на ладони.

– Сто евро? Вы шутите.

– E' vecchio. Старая.

– Но не настолько же!

Торговец пожимает плечами, давая понять: либо я соглашаюсь на его цену, либо ухожу. Он уже увидел голодный блеск в моих глазах и знает, что может стянуть безумные деньги за потрепанный томик цыганских мелодий, а я заплачу столько, сколько он попросит. Музыка – моя единственная блажь. Меня не волнуют ни ювелирные изделия, ни дизайнерская одежда, ни туфли, единственная моя ценность – изготовленная сто лет назад скрипка в футляре у меня за спиной.

Он дает мне чек, я выхожу из магазина в предвечернюю жару, и она обволакивает меня, как сироп. Странно, но внутри у меня холодок. Я оглядываюсь на дом, но не вижу ни одного кондиционера, только закрытые окна и пару горгулий над щипцом. Солнечные зайчики слепят глаза, они

отражаются от дверной колотушки в виде головы Медузы. Дверь теперь закрыта, но через пыльное стекло я замечаю хозяина, он смотрит на меня, но тут же опускает жалюзи и исчезает из виду.

Мой муж Роб в восторге от галстука, который я привезла из Рима. Он стоит перед зеркалом в нашей спальне, умело завязывая шелковую петлю у себя на шее.

– Вот такая штука мне и нужна, чтобы хоть как-то оживить скучные заседания, – говорит он. – Может, яркие цвета развевут их сон, когда я перейду к цифрам.

В свои тридцать восемь он так же строен и привлекателен, как и в день нашей свадьбы, хотя последние десять лет и добавили седины его вискам. В крахмальной белой рубашке с золотыми запонками мой бостонский кровей муж выглядит точно так, как и должен выглядеть педантичный бухгалтер. У него в голове одни цифры: прибыли и убытки, активы и пассивы. Роб видит мир глазами математика, даже движения его геометрически выверены: хвост галстука описывает дугу и вплетается в идеальный узел. Какие же мы разные! Из цифр меня волнуют лишь номера симфоний, опусов и музыкальных размеров. Роб всем говорит, что именно поэтому и влюбился в меня: в отличие от него, я – художник, воздушное существо, танцующее в луче солнца. Прежде я боялась, как бы различия не разрушили наши чувства и Робу, твердо стоящему на земле, не надоело удерживать свою похожую на воздушный шарик жену, постоянно воспаряющую к облакам. Но вот прошло уже десять лет, а мы по-прежнему влюблены.

Он улыбается мне в зеркале, затягивая узел на шее:

– Джулия, ты сегодня проснулась чертовски рано.

– Я все еще живу по римскому времени. Там уже двенадцать часов. Вот в чем плюс смены часовых поясов – ты только представь, сколько всего я успею переделать!

– Вот тебе мой прогноз: к полудню ты свалишься с ног. Лили в садик отвезти?

– Нет, пусть сегодня останется дома. А то я чувствую себя виноватой – целую неделю не была с ней.

– Не терзайся. Твоя тетушка Вэл, как обычно, сразу же прилетела и все взяла в свои руки.

– Я по Лили ужасно соскучилась, проведу с ней весь день – до последней минуточки.

Он поворачивается, чтобы покрасоваться в своем новом галстуке,

идеально отцентрированном под воротником.

– Какие у тебя на сегодня планы?

– Жара ужасная – пожалуй, съезжу в бассейн. А еще заскочу в библиотеку за новыми книгами.

– Дельно.

Роб наклоняется, чтобы поцеловать меня, его чисто выбритое лицо терпко пахнет лимоном.

– Я так не люблю, когда ты уезжаешь, детка, – шепчет он. – Может быть, в следующий раз возьму недельку отпуска, и мы поедем вместе. Думаю, это будет...

– Мамочка, смотри! Смотри, как красиво!

Наша трехлетняя дочка Лили вбегает в спальню в новом платье, что я привезла ей из Рима, и начинает кружиться. Лили уже примеряла обновку вчера вечером, а теперь не хочет ее снимать. Она без предупреждения, как ракета, устремляется ко мне в руки, и мы со смехом падаем на кровать. Нет ничего слаще запаха моей девочки, и я не хочу упустить ни одной молекулы, хочу всю ее втянуть в себя, чтобы мы снова стали одним телом. Я обнимаю смеющийся клубочек светлых волос и бледно-лиловых оборок платья, а Роб тоже опускается на кровать и обнимает нас обеих.

– Передо мной две самые красивые девчонки в мире, – заявляет он. – И они мои, до последнего волоска!

– Папа, оставайся дома, – требует Лили.

– Ох, хотелось бы мне остаться. – Роб шумно целует Лили в голову и неохотно поднимается. – К сожалению, папе нужно на работу. Но смотри, как тебе повезло: ты весь день будешь с мамочкой!

– Давай-ка наденем купальники, – говорю я Лили. – Мы с тобой сегодня прекрасно проведем время.

Мы и в самом деле прекрасно проводим время. Плещемся в районном бассейне, едим на ланч сырную пиццу и мороженое, а потом отправляемся в библиотеку, где Лили выбирает две новые книжки с картинками про ее любимых животных – осликов. Но когда в три часа мы возвращаемся домой, я от усталости чуть не падаю с ног. Как и предсказывал Роб, смена часовых поясов не прошла для меня бесследно, и я хочу одного – забраться в кровать и уснуть.

Но у Лили, к несчастью, сна ни в одном глазу, и она тащит в патио коробку со своей старой одеждой, где спит наш кот Джунипер. Лили любит наряжать Джунипера. Она уже повязала чепчик ему на голову, а теперь пытается натянуть рукав на его переднюю лапку. Наш старый добродушный кот, безразличный ко всем унижениям в виде кружавчиков и

рюшечек, как и всегда, стойчески терпит мучения.

Пока Джунипер страдает во имя моды, я приношу в патио скрипку с пюпитром и открываю ноты с цыганскими мотивами. И опять из книги выскальзывает листок и падает у моих ног лицевой стороной вверх. «Incendio».

Я не заглядывала в ноты со времени их покупки в Риме, и теперь, прикрепляя листок к пюпитру, вспоминаю сумрачный антикварный магазин и хозяина, который, словно некое пещерное существо, прячется в нише. У меня вдруг кожа покрывается мурашками, словно прохлада того магазина все еще сохранилась в нотах.

Я беру скрипку и начинаю играть.

Воздух сегодня влажный, и инструмент звучит лучше, сочнее, чем обычно, тональность мягкая и теплая. Первые тридцать два такта вальса, как я и предполагала, прекрасны: скорбный баритональный плач. Но с сорокового такта начинается ускорение. Мелодия выворачивается и закручивается, сбивается диезами и бемолями, воспаряет до седьмой позиции на струне *ми*. От напряжения пот катится по лицу – я стараюсь не сбиться и в то же время поддерживать темп. Возникает впечатление, будто смычок начинает жить сам по себе, двигается как заколдованный, а я с трудом удерживаю его в руке. Ах, какая великолепная музыка! Какой будет замечательный концертный номер, если мне удастся его освоить. Стремительно несутся ноты. Внезапно я сбиваюсь, начинаю фальшивить, музыка пускается вскачь, и левую руку схватывает судорога.

Я чувствую ручонку у себя на ноге. Что-то теплое и влажное пачкает мою кожу.

Я перестаю играть и опускаю взгляд. Лили смотрит на меня, ее глаза чисты, как небесная бирюза. И даже когда я подпрыгиваю в страхе и выхватываю садовый инструмент из ее окровавленных пальцев, ничто не туманит ее спокойных голубых глаз. Ее босые ноги оставляют следы на плитке патио. Со все возрастающим ужасом я иду по следам к источнику крови.

И тут из моей груди вырывается вопль.

2

Роб помогает смыть кошачью кровь с плиток патио. Бедный старый Джунипер, завернутый теперь в черный мешок для мусора, ждет, когда его похоронят. Мы вырыли ему могилку в дальнем углу двора, за кустом

сирени, так чтобы я не видела ее каждый раз, выходя в сад. Джуниперу перевалило за восемнадцать лет, он почти ослеп, наш старый добрый друг. Он заслуживает упокоения в чем-нибудь получше мешка для мусора, но я была слишком потрясена, и ничего умнее в голову мне не пришло.

– Это наверняка случайность, – настаивает Роб.

Он швыряет грязную губку в ведро, и вода точно по волшебству приобретает тошнотворно красноватый цвет.

– Лили, наверно, оступилась и упала на него. Слава богу, она не держала эту штуку острым концом вверх, а то могла бы и глаз себе выколоть. Или еще чего похуже.

– Я заворачивала его в мешок для мусора. Видела его тело. Там не одна колотая рана, их там три. Ты думаешь, можно оступиться и упасть три раза?

Он берет оружие убийства – прополочную вилку с острыми зубцами.

– Как она вообще попала к ней в руки?

– Я пропальвала сад на прошлой неделе. Вероятно, забыла убрать ее в сарай. – На зубцах еще видна кровь, и я отворачиваюсь. – Роб, тебя не беспокоит ее реакция на все случившееся? Она заколола Джунипера, а несколько минут спустя попросила налить ей сока. Вот что меня пугает – ее абсолютное равнодушие к собственному поступку.

– Она еще слишком мала и не понимает. В три года никто не понимает, что такое смерть.

– Но она не могла не понимать, что делает ему больно. Он, вероятно, заверещал.

– А ты не слышала?

– Я играла здесь на скрипке. Лили баловалась с Джунипером в другом конце патио. Все тихо-спокойно. Пока...

– Может, он ее поцарапал? Как-то ее спровоцировал?

– Поднимись и посмотри на ее руки. Ни царапинки. И ты сам знаешь, наш кот и мухи бы не обидел. Выдерни клоч шерсти, наступи на хвост – он даже не пикнул бы. Он в жизни никого не поцарапал. Он у меня появился еще котенком, и чтобы умереть вот так...

Голос у меня срывается, и я опускаюсь на стул, обессиленная накатившей наконец волной горя и усталости. И чувства вины – ведь я не сумела защитить моего старого друга, хотя он умирал в двадцати футах от меня. Роб неловко похлопывает меня по плечу, не зная, как успокоить. Мой рациональный математический муж беспомощен, если нужно утешить плачущую женщину.

– Ну-ну, детка, – бормочет он. – Давай заведем котенка?

– Ты серьезно? После того, что она сделала с Джунипером?

– Да, пожалуй, глупое предложение. Но прошу тебя, Джулия, не вини ее. Она наверняка тоскует по нему не меньше, чем мы. Просто не понимает, что произошло.

– Мама? – кричит Лили из своей комнаты (я уложила ее поспать). – Мама!

Хотя она зовет меня, откликается Роб; он вытаскивает ее из кровати и покачивает у себя на коленях, сев в то самое кресло-качалку, в котором я когда-то кормила ее грудью. Я смотрю на них и вспоминаю вечера младенчества дочери, когда я долгими часами укачивала ее здесь в кресле и ее мягкая щечка прижималась к моей груди. Волшебные бессонные ночи, когда существовали только мы двое – я и Лили. Я заглядывала в ее глаза и шептала: «Пожалуйста, не забывай этого. Не забывай, как сильно мамочка тебя любит».

– Киски больше нет. – Лили рыдает в плечо Роба.

– Да, детка, – бормочет Роб. – Киска теперь на небесах.

– Вы считаете, такое поведение нормально для трехлетнего ребенка? – спрашиваю я педиатра неделю спустя, приехав с Лили на профилактический осмотр.

Доктор Черри обследует Лили; та смеется. Доктор пальпирует животик Лили, а потому отвечает не сразу. Похоже, он искренне любит детей, а Лили изо всех сил старается его очаровать. Она послушно поворачивает голову, чтобы он мог осмотреть ее барабанные перепонки, широко открывает рот, когда он вставляет туда ложечку. Моя хорошенькая дочка уже умеет очаровывать всех незнакомцев, с какими встречается.

Доктор выпрямляется и смотрит на меня:

– Агрессивное поведение – не обязательно повод для беспокойства. В таком возрасте дети легко озлобляются – они не умеют полностью выразить себя. А вы сами говорите, она до сих пор разговаривает преимущественно предложениями из трех-четырех слов.

– А это повод для беспокойства? То, что она говорит меньше других детей?

– Нет-нет. Возрастные вехи – понятие довольно неопределенное. Развитие детей – вещь очень индивидуальная, но развитие Лили во всем остальном в пределах нормы: рост, вес, моторные навыки. – Он сажает Лили на край смотрового стола и широко ей улыбается. – Какая же ты у нас хорошая девочка! Если бы все мои пациенты были так же терпеливы. Вы посмотрите, как она сосредоточенна, как внимательно слушает.

– А вдруг происшествие с нашим котом – только начало и она способна совершить и что-нибудь похуже, когда... – Я замолкаю, поняв вдруг, что Лили смотрит на меня и ловит каждое мое слово.

– Миссис Анделл, – тихо говорит доктор, – отведите-ка Лили в детскую, а мы с вами поговорим у меня в кабинете.

Он, конечно, прав. Моя умненькая, внимательная дочь наверняка понимает больше, чем я могу себе представить. Я снимаю ее со смотрового стола и веду, как он и сказал, в игровую комнату для пациентов. Здесь повсюду разбросаны яркие пластиковые игрушки без острых углов и мелких частей, которые могли бы оказаться в детском рту. По полу ползает малыш возраста Лили, толкая по ковру красный самосвал. Опускаю дочку, и она тут же направляется к низкому столику с пластиковыми чашками и чайником. Она берет чайник и наливает себе невидимый чай. Откуда она знает, как это делается? Я никогда никого не приглашала на чаепитие, но вот моя дочь демонстрирует типичное женское поведение, а мальчик тем временем фырчит, толкая машинку.

Когда я вхожу в кабинет доктора Черри, тот уже сидит за своим столом. Через смотровое окно мы видим двух детей в соседней комнате; с их стороны в этом месте одностороннее зеркало, а потому они нас не видят. Они играют, совершенно игнорируя друг друга, существуя в отдельных мальчишеском и девчоночьем мирах.

– Думаю, вы придаете слишком большое значение случившемуся, – говорит он.

– Ей только три года, а она убила нашего любимого котика.

– Вас прежде ничего не настораживало в ее поведении? Вы не наблюдали никаких признаков того, что девочка способна на подобные поступки?

– Абсолютно никаких. Джунипер появился у меня еще до замужества, и Лили знает его всю свою жизнь. Она никогда его не мучила.

– А что могло спровоцировать такое поведение? Она рассердилась? Что-то ее озлобило?

– Да нет, ее вроде бы все устраивало. Обстановка была такая мирная, и я позволила им дурачиться, а сама играла на скрипке.

Он задумался над последними словами.

– Насколько я понимаю, игра на скрипке требует максимальной концентрации.

– Я разучивала совершенно новую вещь. Да, я очень сосредоточилась.

– Ну вот вам и вероятное объяснение. Вы погрузились в свое занятие, а она хотела привлечь ваше внимание.

– Заколов нашего кота? – Я издаю недоуменный смешок. – Довольно радикальный способ привлечь мое внимание.

Я вижу мою золотоволосую дочку сквозь смотровое окно – она так красиво восседает на собственном вымышленном чаепитии. Мне не хочется задавать следующий вопрос, но я не могу его не задать.

– Я читала в Интернете статью о детях, которые мучают животных. Это считается очень плохим знаком. Может свидетельствовать о серьезных эмоциональных проблемах у ребенка.

– Поверьте мне, миссис Ансделл, – доброжелательно улыбается доктор, – Лили не вырастет серийным убийцей. Вот если бы она постоянно мучила животных или в семье в прошлом имели место случаи насилия, тогда я бы выразил бóльшую озабоченность.

Я ничего не отвечаю, и он хмурится.

– Вы хотели чем-то поделиться со мной? – без нажима спрашивает он.

Набрав в грудь побольше воздуха, я говорю:

– В семье в прошлом имели место случаи душевного заболевания.

– По линии вашего мужа или по вашей?

– По моей.

– Не помню ничего подобного в медицинской карточке Лили.

– Я никогда об этом не говорила. Не думала, что подобные вещи могут повторяться в семье.

– Какие вещи?

Я отвечаю не сразу, потому что, с одной стороны, не хочу лгать, а с другой – не хочу открывать ему больше, чем необходимо. Не хочу чувствовать себя потом неловко. Я смотрю через окно в соседнюю комнату на мою хорошенькую дочку.

– Это случилось вскоре после рождения моего брата. Мне тогда было всего два года, и сама я ничего не помню. Подробности я узнала уже потом, от моей тетушки. Она сказала, у моей матери случилось что-то вроде нервного срыва и ее пришлось отправить в больницу, так как врачи считали, что она может быть опасна для окружающих.

– Судя по времени срыва, мы имеем дело с постнатальной депрессией или психозом.

– Да, я слышала, матери поставили именно такой диагноз. Ее диагностировали несколько психиатров, и все они пришли к выводу о ее невменяемости и невозможности привлечения к суду за случившееся.

– А именно?

– Мой брат... мой новорожденный брат... – Я начинаю говорить тише, шептать. – Она его уронила, и он умер. Врачи сказали, она тогда не

отвечала за свои поступки. Слышала голоса.

– Глубоко вам сочувствую. Вероятно, ваша семья пережила тогда нелегкое время.

– Не могу даже себе представить, как мучился мой отец, потерявший ребенка. А потом еще и жену – ее изолировали.

– Вы сказали, ее поместили в больницу. Она потом поправилась?

– Нет. Она умерла там два года спустя от воспаления аппендикса. Я ее в общем-то и не знала, но теперь я о ней все время думаю. И спрашиваю себя: может быть, Лили... то, что она сделала с нашим котом...

Теперь он понимает мои опасения. Вздыхает и снимает очки.

– Уверяю вас, никакой связи тут нет. Генетика насилия гораздо сложнее, чем наследование Лили ваших светлых волос и голубых глаз. Мне известны лишь несколько подтвержденных случаев наследования такой склонности. Например, в Голландии есть семья, в которой почти все мужчины получили сроки тюремного заключения. И мы знаем: мальчишки, рождающиеся с лишней Y-хромосомой, более склонны к совершению преступлений.

– А наблюдается ли что-либо похожее у девочек?

– Девочки, конечно, тоже бывают социопатами. Но передается ли социопатия по наследству? – Он отрицательно качает головой. – Статистического подтверждения такой гипотезы, кажется, не существует.

Статистика. Мне на ум сразу же приходит Роб, который вечно приводит цифры. Мужчины питают поразительное доверие к цифрам. Они ссылаются на научные труды и цитируют новейшие исследования. Почему меня это не утешает?

– Успокойтесь, миссис Анделл. – Доктор Черри протягивает руку и похлопывает меня по кисти. – Ваша дочь в три года абсолютно нормальная. Она обаятельная и ласковая, и вы говорите, ничего подобного прежде она не делала. Вам не о чем беспокоиться.

Когда я подъезжаю к дому тетушки Вэл, Лили спит в своем детском кресле. Время для сна необычное, но спит она глубоко, не просыпается, даже когда я поднимаю ее с сиденья. Даже во сне она крепко держит ослика, тот неизменно путешествует вместе с ней и имеет в последнее время довольно прискорбный вид – обтрепанный, обслюнявленный и, вероятно, кишаций бактериями. Бедный старый ослик – я его столько раз латала-перелатывала, что он превратился в настоящего ослика Франкенштейна, исполосованного моими неумелыми швами. Я замечаю новую прореху, из которой уже торчит набивка.

– Ай, какая она красотка, – воркует Вэл, когда я вношу Лили в дом. – Настоящий ангелочек.

– Я положу ее на твою кровать?

– Конечно. Только оставь дверь открытой, чтоб услышать, если она проснется.

Я заносу Лили в спальню Вэл и осторожно опускаю на одеяло. Несколько секунд смотрю на нее, как всегда очарованная видом моей спящей дочери. Я наклоняюсь над ней, вдыхаю ее запах, ощущаю тепло, поднимающееся от покрасневшихся щечек. Она вздыхает во сне и бормочет: «Мама» – слово, которое всегда вызывает у меня улыбку. Слово, которое мне так мучительно хотелось услышать в течение тех горьких лет, когда я пыталась забеременеть и неизменно терпела неудачу.

– Детка, – шепчу я.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Вэл спрашивает:

– И что сказал доктор Черри?

– Он говорит, беспокоиться не о чем.

– А я тебе что говорила? Дети и домашние животные не всегда уживаются. Ты не помнишь, но ты в два года мучила моего старого пса. Когда он наконец куснул тебя, ты тут же ударила его в ответ. Я думаю, что-то в таком роде произошло между Лили и Джунипером. Иногда дети реагируют, не думая. Не понимая, какие могут быть последствия.

Я смотрю в окно на сад Вэл, маленький рай с буйной растительностью, засаженный помидорами и огурцами, усики которых цепляются за решетку. Мой покойный отец тоже любил ее сад. Он любил готовить, декламировать стихи и петь, хотя ужасно фальшивил, как и его сестра Вэл. Они на детских фотографиях даже похожи – оба худые, загорелые, с одинаковыми мальчишковыми стрижками. В доме Вэл столько снимков моего отца, что я неизменно ухожу от нее с болью в сердце. На стене напротив меня фотографии отца десятилетним мальчишкой с удочкой. В двенадцать – с маленьким радиоприемником. В восемнадцать – в мантии выпускника школы. И всегда на лице все та же искренняя, открытая улыбка.

А на книжной полке еще одна фотография – он вместе с моей матерью, снято в тот день, когда они привезли в дом своего первенца – меня. Других фотографий моей матери в доме нет – тетушка против. А эту она пропустила по единственной причине: на ней есть я.

Я подхожу и разглядываю лица на снимке.

– Как же я на нее похожа. Только сейчас поняла.

– Да, ты на нее похожа, а она слыла настоящей красавицей. Если

Камилла входила в комнату, все головы поворачивались к ней. Твоему отцу хватило одного раза взглянуть на нее – и он влюбился без памяти. У моего несчастного брата не было ни одного шанса.

– Ты ее так ненавидела?

– Ненавидела? – Вэл обдумывает мой вопрос. – Нет, я бы так не сказала. И уж определенно не поначалу. Камилла абсолютно покорила меня своим обаянием; как и всех, кто с ней сталкивался. Никогда не видела женщины, столь щедро одаренной. Красота, ум, талант. А какое чувство стиля!

– Вот уж чего я точно от нее не унаследовала, – грустно усмехаюсь я.

– Ах, детка, ты унаследовала лучшие черты обоих родителей. У тебя внешность и музыкальный талант Камиллы и щедрое сердце отца. Ты – лучшее, что случилось в жизни Майкла. Ему выпало влюбиться в нее, прежде чем ты появилась на свет, и меня это не радовало. Но, черт побери, ведь в нее влюблялись все поголовно. Она умела затягивать людей в свое силовое поле.

Я думаю о дочери, о том, как легко она обаяла доктора Черри. В три года она способна очаровать любого. Таким даром Бог меня не наделил, а Лили с ним родилась.

Возвращая фотографию родителей на полку, я спрашиваю у Вэл:

– Так что на самом деле случилось с моим братом?

Она тут же замыкается в себе и отворачивается. Ей явно не хочется продолжать разговор. Я всегда подозревала: мне чего-то недоговаривают и в истории моей матери есть что-то гораздо более темное и тревожное, да я и сама боялась спрашивать. Но сегодня решаюсь.

– Вэл? – окликаю ее я.

– Ты все знаешь, – говорит она. – Я тебе все рассказала, когда почувствовала, что ты уже выросла и сможешь понять.

– Но подробностей ты мне не сообщила.

– Кому они нужны – подробности?

– Теперь они нужны мне. – Я смотрю в сторону спальни, где спит моя дочка, моя дорогая девочка. – Я должна знать, не похожа ли на нее Лили.

– Прекрати, Джулия. Ты на ложном пути, если думаешь, что Лили хоть в чем-то похожа на Камиллу.

– Все прошедшие годы я слышала только какие-то обрывки истории о моем брате. Но я всегда чувствовала: за твоими словами кроется что-то большее, о чем ты не хочешь говорить.

– Да если даже знать все, история не станет понятнее. Даже тридцать лет спустя я не понимаю, почему она так поступила.

– А как именно она поступила?

Вэл задумалась на мгновение.

– После того случая – когда дело наконец дошло до суда – психиатры назвали ее состояние постнатальной депрессией. Твой отец тоже так считал. Хотел верить, и для него стало большим облегчением, когда ее не приговорили к тюремному заключению. К счастью для Камиллы, вместо тюрьмы ее отправили в больницу.

– Где позволили умереть от воспаления аппендикса. Вряд ли тут уместно говорить «к счастью».

Вэл по-прежнему избегает встречаться со мной взглядом. Молчание между нами сгущается, и воздух грозит окаменеть, если я не вмешаюсь.

– Ты чего-то недоговариваешь? – тихо спрашиваю я.

– Извини, Джулия. Ты права, я была с тобой не до конца откровенна. По крайней мере в том, что касается этого.

– Чего именно?

– Того, как умерла твоя мать.

– Я думала, от воспаления аппендикса. Ты и папа всегда говорили: она умерла в больнице через два года.

– Да, она умерла через два года, но не от воспаления аппендикса. – Вэл вздыхает. – Не хотела тебе говорить, но ты хочешь правды. Твоя мать умерла от внематочной беременности.

– От беременности? Но ее приговорили к изоляции как душевнобольную.

– Вот именно. Камилла так и не назвала отца, а мы так никогда и не узнали, кто он. После смерти в ее палате обнаружили всевозможную контрабанду. Алкоголь, дорогие ювелирные изделия, косметику. Я не сомневаюсь, она торговала собой, а взамен получала услуги, и инициатива исходила от нее, ведь она всегда умело манипулировала людьми.

– И все же она была жертвой. С ее психическим заболеванием.

– Да, именно так психиатры и говорили в суде. Назвали ее состояние постнатальной депрессией и психозом. Но я тебе говорю, никакой депрессией Камилла не страдала. И никаким психозом. Она просто скучала. И отличалась мстительностью. И ей надоел твой братишка: у него болел животик и он все время плакал. Она всегда хотела быть в центре внимания и привыкла к тому, что мужчины готовы перебить друг друга, лишь бы сделать ее счастливой. Камилла считала себя золотой девушкой и знала, что всегда добьется своего, но вот оказалась женой, привязанной к двум детям, которых никогда не хотела. В суде она сказала, что ничего не помнит, но один сосед все видел, и он дал показания. Он видел, как

Камилла вынесла на балкон твоего братика. Видел, как она намеренно перебросила младенца через перила. Не выронила его, а выбросила с высоты двух этажей на землю. Хорошенького трехнедельного мальчика с голубыми глазками, как у тебя. Слава богу, я в тот день сама с тобой нянькалась. – Вэл набирает в грудь побольше воздуха. – Иначе и ты, возможно, отправилась бы следом за братом.

3

Дождь молотит в окно моей кухни, его водянистые пальцы скользят по стеклу, а мы с Лили готовим на завтра овсяную кашу и печенье с изюмом для ее детсадовского праздника. В эпоху, когда, кажется, у каждого ребенка аллергия то на яйца, то на глютен, то на орехи, готовку печенья можно приравнять к диверсии, я словно пеку отравленные кружочки для хрупких деточек. Другие матери, вероятно, делают здоровые закуски, какие-нибудь фруктовые дольки или свежую морковь, а я замешиваю масло и яйца, муку и сахар, получаю вязкое тесто, и мы с Лили лепим из него комочки и выкладываем на противень. Я достаю теплое, ароматное печенье из духовки и ставлю перед Лили две штуки и стакан с яблочным соком – ее полдник. Вкуснота, сахар. Какая же я плохая мать.

Она с удовольствием принимается за еду, а я сажусь перед пюпитром. Я уже несколько дней почти не вынимала скрипку из футляра, и мне нужно подготовиться к следующей репетиции. Скрипка ложится на плечо, как старый друг, а когда я настраиваю инструмент, дерево звучит сочно, с шоколадной густотой, словно требуя для разогрева чего-то медленного и мелодичного. Я откладываю в сторону партитуру квартета Шостаковича, который собиралась разучивать, а вместо него прикрепляю к пюпитру «Incendio». Фрагменты вальса всю неделю звучали у меня в голове, а сегодня утром я проснулась с непреодолимым желанием услышать его еще раз, утвердиться во мнении, что не ошиблась и он прекрасен.

О да, так и есть. Печальный голос моей скрипки словно поет о разбитых сердцах и утраченной любви, о темных лесах и холмах, населенных призраками. Потом печаль переходит в волнение. Лейтмотив не изменился, но теперь ноты ускоряются, перемещаются по звукоряду на струне *ми*, где убыстряются до целого ряда арпеджио. Мой пульс несетя вперед вместе с безумным ритмом. Я пытаюсь выдерживать темп, пальцы спотыкаются друг о дружку. Руку сводит судорога. Неожиданно ноты начинают звучать фальшиво, дерево гудит, словно вибрируя на какой-то

запредельной частоте, от которой мой инструмент вот-вот расколется и распадется на части. Но я не сдаюсь, сражаюсь со своей скрипкой, пытаюсь подчинить ее себе. Гудение становится громче, мелодия срывается на визг.

Но я слышу собственный крик.

Я охаю от боли и смотрю на свое бедро. На сверкающий осколок стекла, торчащий из моей плоти, точно хрустальный кинжал. За собственными рыданиями я слышу чей-то голос, он раз за разом распевает три слова, голос звучит так бездушно, так механически – я его почти не узнаю. И, только увидев, как двигаются ее губы, я понимаю, что слышу голос моей дочери. Она смотрит на меня глазами спокойной, неземной голубизны.

Я делаю три глубоких вдоха, чтобы набраться мужества, и хватаюсь за осколок стекла. С криком боли извлекаю его из тела. По ноге струится алая кровяная ленточка. Дальше я уже ничего не вижу, дальше опускается темнота: я теряю сознание.

Сквозь туман болеутоляющих я слышу, как муж по другую сторону занавески в отделении скорой помощи разговаривает с Вэл. Голос его прерывается, он, похоже, неся в больницу бегом, и теперь Вэл пытается его успокоить.

– Ничего страшного, Роб. Ей наложили швы и сделали противостолбнячную прививку. И еще у нее шишка на лбу – ударилась о журнальный столик во время падения. Но когда пришла в себя, позвонила мне – попросила о помощи. Я сразу же приехала и привезла ее сюда.

– Так ничего серьезного нет? Вы уверены, что она просто упала в обморок?

– Если ты видел кровь на полу, то тебе должно быть ясно, почему она грохнулась. Рана была довольно страшная и чертовски болезненная. Но доктор из скорой помощи сказал, рана на вид довольно чистая и опасности заражения нет.

– Так я заберу ее домой?

– Да, конечно. Вот только... – Вэл переходит на шепот: – Я волнуюсь за нее. В машине она сказала...

– Мамочка? – Я слышу хныканье Лили. – Хочу к мамочке.

– Ш-ш-ш, детка, мамочка отдыхает. Шуметь нельзя. Нет, Лили, побудь здесь. Лили, нельзя!

Занавеска отлетает в сторону, и я вижу ангельское личико моей дочери, она тянется ко мне. Я отшатываюсь, от ее прикосновения меня бросает в дрожь.

– Вэл! – кричу я. – Пожалуйста, заведи ее.

Тетудшка обхватывает Лили руками.

– Она сегодня переночует у меня, хорошо? Ну-ка, Лил, давай сегодня поспишь у меня.

Лили тянется ко мне, хочет меня обнять, но я отворачиваюсь, я боюсь посмотреть на нее, боюсь увидеть нездешний взгляд ее голубых глаз. Вэл уводит мою дочь из палаты, а я лежу неподвижно на боку. Мое тело словно погружено в такую толстую ледяную оболочку, что кажется, я никогда ее не разобью и не выберусь на свободу. Роб стоит рядом, гладит мои волосы, но я даже не чувствую его прикосновения.

– Детка, давай я отвезу тебя домой? – говорит он. – Закажем пиццу, проведем тихий вечер вдвоем. У нас давно не было таких вечеров.

– История с Джунипером не случайность, – шепчу я.

– Что?

– Она напала на меня, Роб. Напала осознанно.

Его рука замирает на моей голове.

– Может быть, тебе просто показалось. Ей же всего три года. Она слишком мала, она даже не понимает, что сделала.

– Она взяла осколок стекла и вонзила мне в ногу.

– А как осколок оказался у нее?

– Утром я разбила вазу, осколки выбросила в мусорное ведро. Она, видимо, залезла туда и нашла их.

– И ты не видела, как она их доставала?

– Мне почему-то кажется, ты меня в чем-то обвиняешь.

– Я... я просто пытаюсь понять, как такое могло произойти.

– А я тебе говорю о случившемся факте. Она сделала это намеренно. И так мне и сказала.

– Что она тебе сказала?

– Три слова. Она их повторяла снова и снова, нараспев. «Мамочке сделать бо-бо».

Он смотрит на меня как на сумасшедшую, словно я сейчас вскочу с кровати и наброшусь на него, ведь ни одна нормальная женщина не должна бояться своего трехлетнего ребенка. Он отрицательно покачивает головой, не зная, как объяснить сцену, которую я описала. Даже Робу не по силам решить предложенное ему уравнение.

– Зачем? – спрашивает он наконец. – Она сейчас плакала – просилась к тебе, пыталась тебя обнять. Она тебя любит.

– Я больше ни в чем не уверена.

– Когда ей больно, когда ей плохо, кого она зовет? Всегда тебя. Ты –

центр ее вселенной.

– Она слышала мой крик. Видела мою кровь и ничуть не испугалась. Я заглянула в ее глаза и не нашла там любви.

Роб не в силах скрыть недоумение – оно написано на его лице, очевидное как божий день. С таким же успехом я могла бы ему сказать, будто у Лили отросли клыки.

– Знаешь, детка, отдохни-ка немного. А я поговорю с медсестрой, спрошу, когда тебя можно забрать домой.

Он выходит из палаты, а я в изнеможении закрываю глаза. От анальгетиков у меня туман в голове, и хочется одного – крепко уснуть, но в отделении скорой помощи вечная суэта, все время звонят телефоны, из коридора доносятся голоса. Я слышу поскрипывание колесиков медицинской каталки в коридоре, а вдали в какой-то палате плачет младенец. Судя по звуку, совсем крохотный. Я вспоминаю вечер, когда привезла сюда Лили, ей было тогда всего два месяца, и у нее поднялась температура. Я помню ее горячие, покрасневшие щеки, помню, как она лежала на смотровом столе неподвижная, совершенно неподвижная и безмолвная. Что и испугало меня больше всего – она не плакала. И мое сердце вдруг начинает томиться по ней, по той Лили, которую я помню. Я закрываю глаза и ощущаю запах ее волос, чувствую свои губы на ее покрытом пушком темечке.

– Миссис Анделл? – раздается голос.

Я открываю глаза и вижу бледного молодого человека рядом с моей каталкой. На нем очки в проволочной оправе и белый халат. На беджике написано «Доктор Эйзенберг», но, кажется, он слишком молод, чтобы быть дипломированным врачом. Судя по его виду, он и школу-то еще не закончил.

– У меня сейчас был ваш муж. Он попросил меня поговорить с вами о том, что случилось сегодня.

– Я уже все рассказала другому доктору – забыла его имя.

– Вы говорите о враче скорой помощи. Он занимался вашей раной. А я хочу поговорить о том, как вы ее получили и почему считаете виноватой вашу дочь.

– Вы педиатр?

– Я врач-стажер, моя специализация – психиатрия.

– Детская психиатрия?

– Нет, взрослая. Насколько я понимаю, вы очень расстроены.

– Ясно, – устало усмехаюсь я. – Дочь вонзает мне в ногу осколок стекла, а значит именно мне требуется психиатр.

– Так и было? Она вас ранила осколком стекла?

Сдвинув простыню, я показываю ему бедро – на рану недавно наложили швы, теперь она забинтована.

– Поверьте, я эти швы не выдумала.

– Я читал записи доктора скорой помощи: у вас серьезная рана. А шишка на лбу – она откуда?

– Упала в обморок. От вида крови мне становится плохо. Кажется, я ударилась головой о журнальный столик.

Он пододвигает к каталке стул и садится. У него длинные ноги и тощая шея, и мне кажется, что рядом со мной примостился журавль.

– Расскажите про вашу дочь Лили. Ваш муж говорит, ей три года.

– Да. Всего три.

– Прежде она ничего такого не делала?

– Был еще один случай. Недели две назад.

– История с котом. Да, ваш муж мне рассказал.

– Значит, вам известна наша проблема. Случай уже не первый.

Врач наклоняет голову, будто я какое-то необычное новое существо, которое он пытается идентифицировать.

– Кто-нибудь, кроме вас, замечал за ней подобное поведение?

Его вопрос настораживает меня. Уж не думает ли он, что тут все дело в интерпретации? И кто-нибудь другой увидел бы что-то совершенно иное? Он вполне естественно считает трехлетнего ребенка невинным. Несколько недель назад я сама бы не поверила, что моя дочь, с которой мы столько обнимались-целовались, способна на насилие.

– Вы ведь не видели Лили? – спрашиваю я.

– Нет. Но ваш муж говорит, у вас очень счастливая, обаятельная дочушка.

– Так и есть. Все, кто ее знает, говорят, какая она прелесть.

– А что видите вы, когда смотрите на нее?

– Она моя дочь. Конечно, я вижу во всех смыслах идеальную девочку.

Но...

– Но?

Комок встает в горле, я перехожу на шепот:

– Она другая. Она изменилась.

Он ничего не говорит – делает запись в своем блокноте. Бумага и авторучка – как старомодно, все остальные врачи, с которыми я встречаюсь в последнее время, неизменно пользуются ноутбуками. Почерк у него такой мелкий – будто муравей бежит по бумаге.

– Расскажите, как проходили роды. С осложнениями? С трудностями?

- Роды были долгие – восемнадцать часов. Но все прошло прекрасно.
- А как вы к этому отнеслись?
- Вы имеете в виду, если отбросить в сторону усталость?
- Я имею в виду эмоциональную сторону. Когда впервые ее увидели.

Когда впервые взяли на руки.

- Вы спрашиваете, существует ли между нами связь? Хотела ли я ее?

Он смотрит на меня – ждет, когда я отвечу на собственные вопросы. Насколько я понимаю, его вопрос – своего рода тест Роршаха, и я повсюду вижу минные поля. Если я скажу что-нибудь неправильное, то стану плохой матерью?

– Миссис Анделл, – мягко говорит он, – любой ваш ответ будет правильным.

– Да, я хотела дочь! – выпаливаю я. – Мы с Робом много лет хотели ребенка. День рождения Лили – лучший день в моей жизни.

- Значит, вы были рады ее рождению.

– Конечно, я была рада! И... – Я на секунду замолкаю. – И немного испугана.

- Почему?

– На меня внезапно свалилась ответственность за маленького человечка, имеющего собственную душу. Человечка, которого я еще не знала.

- И что вы увидели, когда посмотрели на нее?

– Хорошенькую маленькую девочку. Десять пальчиков на руках, десять – на ногах. Волосиков – почти никаких, – добавляю я с задумчивым смешком. – Но во всем остальном идеальная.

– Вы сказали про человечка с собственной душой, которого вы еще не знаете.

– Ведь новорожденные – чистый лист, никто не знает, что из них получится. Будут ли они тебя любить. А ты можешь только ждать и наблюдать, как они растут.

Он снова делает запись в блокноте. Я определенно произнесла что-то показавшееся ему интересным. О новорожденных и душах? Я ничуть не религиозна и понятия не имею, почему такие слова сорвались с моего языка. Я поглядываю со все возрастающим беспокойством, спрашиваю себя, когда кончится мое испытание. Действие местной анестезии заканчивается, и рана начинает болеть. Пока психиатр неторопливо записывает про меня бог знает что, я проникаюсь отчаянным желанием бежать от неистового сияния ламп.

- И какая, по-вашему, у Лили душа? – спрашивает он.

– Не знаю.

Он смотрит на меня, вздернув брови, и я понимаю, что он ждал другого ответа. Нормальная, любящая мать утверждала бы: у нее нежная, или добрая, или невинная дочь. Мой ответ оставляет открытыми иные, более темные возможности.

– И каким она была младенцем? – спрашивает он. – Животик болел? Проблемы с кормлением или сном не возникали?

– Нет, она почти не плакала. Всегда такая довольная, всегда улыбчивая. Всегда хотела обниматься. Я не подозревала, что материнство – такое легкое дело, никаких трудностей я не испытывала.

– А когда она подросла?

– Никаких ужасов в два года. Она росла идеальным ребенком до того момента, пока... – Я смотрю на простыню, которой укрыта моя раненая нога, и голос мой стихает.

– Как вы думаете, почему она напала на вас, миссис Ансделл?

– Не знаю. День у нас прошел замечательно. Мы вместе пекли печенье. Она сидела за журнальным столиком, пила сок.

– И вы думаете, она достала осколок стекла из мусорного ведра?

– Вероятно, оттуда.

– Вы этого не видели?

– Я играла на скрипке. Смотрела в ноты.

– Ах да, ваш муж сказал: вы профессиональный музыкант. Вы играете в оркестре?

– Я вторая скрипка в квартете. У нас женский ансамбль. – Он всего лишь кивает, и я чувствую, что должна добавить: – Несколько недель назад мы выступали в Риме.

Кажется, мои слова производят на него впечатление. Выступления за рубежом всегда производят впечатление на людей, пока они не узнают, какие гроши мы получаем.

– Я целиком погружаюсь в музыку, когда играю, – поясню я. – Поэтому, наверное, я и не заметила, как Лили встала и пошла на кухню.

– Как вы думаете, она злится, когда вы играете? Дети часто не любят, когда мамы разговаривают по телефону, работают на компьютере, они хотят, чтобы мама все свое время отдавала им.

– Никогда прежде это не вызывало у нее протеста.

– А на сей раз не было какого-то отличия? Может, вы больше погрузились в свои занятия, чем обычно?

На секунду я задумываюсь:

– Да, музыка и в самом деле меня захватила. Новая вещь и очень

сложная. У меня проблемы со второй частью.

Я замолкаю, мысленно возвращаюсь к трудностям, с которыми столкнулась, пытаюсь сыграть тот вальс. Как сводило судорогой мои пальцы, когда все подряд зловредные ноты отказывались меня слушаться! «Incendio» переводится с итальянского как «огонь», но пальцы у меня леденеют.

– Миссис Ансделл, вас что-то взволновало?

– Две недели назад... в тот день, когда Лили убила нашего кота... я играла ту же композицию.

– О какой композиции вы говорите?

– О вальсе. Ноты я купила в Италии. Запись от руки – я нашла ее в антикварном магазине. Вдруг мы имеем дело не со случайным совпадением?

– Сомневаюсь. Вряд ли ее поведение как-то связано с музыкой.

Эта новая мысль будоражит меня.

– Я играла другие произведения для скрипки, не менее трудные, и Лили никогда не хулиганила, не капризничала. Но тот вальс – он какой-то другой. Я играла его всего два раза, и она в обоих случаях совершала что-то ужасное.

Несколько секунд он молчит, не делает записей в своем блокноте. Просто смотрит на меня. Но я чуть ли не вижу, как мечутся мысли в его черепной коробке.

– Расскажите мне про эту музыку. Говорите, вы играли вальс?

– Мелодия довольно навязчивая, в ми миноре. Вы разбираетесь в музыке?

– Я играю на рояле. Продолжайте, пожалуйста.

– Начинается мелодия очень спокойно и просто. Мне даже приходит в голову, что изначально вещь писалась как танцевальная музыка. Но потом она все больше и больше усложняется. Появляются какие-то странные диезы и бемоли и ряд «интервалов дьявола».

– Что такое «интервалы дьявола»?

– Их еще называют тритонами или увеличенными квартами. В Средневековье такие интервалы считались нечистыми и в церковной музыке запрещались как неблагозвучные и будоражающие слушателя.

– Похоже, слушать ваш вальс не очень приятно.

– И его очень трудно играть, в особенности когда он взлетает в стратосферу.

– Значит, в высокий диапазон?

– Диапазон выше, чем обычно играет вторая скрипка.

Он снова задумывается. Что-то в моих словах явно его заинтриговало, и спустя несколько секунд он говорит:

– Когда вы играли ваш вальс, в какой именно момент Лили напала на вас? Когда звучали высокие ноты?

– Пожалуй, да. Я помню, что уже перешла на вторую страницу.

Я смотрю, как он постукивает авторучкой по блокноту – нервное, ритмичное постукивание.

– Кто у Лили детский врач? – неожиданно спрашивает он.

– Доктор Черри. Мы были у него неделю назад на регулярном осмотре, и он не нашел у нее никаких отклонений от нормы.

– Тем не менее я, пожалуй, ему позвоню. Если вы не возражаете, я бы предложил вам консультацию у невролога.

– Для Лили? Зачем?

– Я всего лишь высказываю подозрение, миссис Анделл. Но возможно, вы нащупали очень важное обстоятельство. Не исключено, что музыкальная композиция, о которой вы говорите, – ключ ко всему случившемуся.

Ночью, когда Роб крепко спит, я выбираюсь из кровати и спускаюсь в гостиную. Он смыл кровь, и единственным напоминанием о том, что случилось со мной днем, служит влажное пятно на ковре. Пюпитр стоит на том месте, где я его оставила, листок с «Incendio» по-прежнему закреплен на нем.

Нот в приглушенном свете почти не разобрать, поэтому я несу листок к кухонному столу и сажусь, чтобы внимательнее его рассмотреть. Я не знаю, чего ищу. Передо мной обычный лист писчей бумаги, испещренный с обеих сторон нотами. Они написаны карандашом. На обеих сторонах я вижу свидетельства спешки: вместо значков лиги простые черточки, ноты – всего лишь карандашные точки на стане. Я не вижу здесь никакой черной магии, никаких скрытых рун или водяных знаков. Но что-то в этой музыке отравило нашу жизнь, превратило нашу дочку в маленькое чудовище, которое напало на меня. Испугало меня.

Неожиданно возникает желание уничтожить проклятую бумажку. Сжечь ее, превратить в прах, чтобы она больше не могла нам вредить.

Я несу ее к плитке, поворачиваю краник и смотрю, как вспыхивает голубое пламя горелки. Но я не могу заставить себя сделать последний шаг. Не могу уничтожить то, что, возможно, является единственным экземпляром вальса, очаровавшего меня с первого взгляда.

Я выключаю горелку.

Стою в одиночестве в кухне и смотрю на ноты, чувствую силу музыки, излучаемую листом бумаги, словно тепло – пламенем.

И задаю себе вопрос: откуда они взялись?

Венеция, перед войной

Обнаружив на корпусе своей драгоценной скрипки (семейной реликвии, изготовленной в Кремоне двумя столетиями ранее) крохотную трещину, профессор Альберто Мацца сразу же понял: починить ее сможет только лучший скрипичный мастер Венеции, а потому немедленно отправился в мастерскую Бруно Тодеско на Калле-делла-Къеза. Бруно славился умением с помощью стеки и рубанка превращать еловую и кленовую древесину в инструменты, оживавшие при прикосновении смычка к струнам. Он извлекал звуки из мертвого дерева, и не какие-то обычные звуки; его инструменты пели так прекрасно, что не было оркестра от Лондона до Вены, где не звучали бы их голоса.

Когда Альберто вошел в мастерскую Тодеско, тот работал за верстаком – искусник полностью отключился от окружающего мира и даже не заметил прихода нового клиента. Альберто остановился, глядя, как Бруно шлифует резную поверхность еловой заготовки, ласкает ее, точно любовницу. Он отметил неистовую сосредоточенность скрипичного мастера, который всем телом склонялся над будущим инструментом, словно пытался вдохнуть свою душу в дерево, чтобы оно ожило и запело для него. И вдруг у Альберто родилась мысль – ничего подобного прежде не приходило ему в голову. Вот тут перед ним, подумал он, настоящий художник, преданный своему ремеслу. Бруно имел репутацию человека скромных потребностей, предприимчивого и никогда не залезавшего в долги. Синагогу он посещал нерегулярно, но все же появлялся там и непременно почтительно кивал старшим.

Бруно обрабатывал хрупкую заготовку из ели, все еще не зная о посетителе, который внимательно оглядывал мастерскую. Несколько новеньких скрипок были подвешены за головки грифов, на всех уже установлены кобылки и струны – хоть сейчас бери и играй. Под безукоризненно прозрачным стеклом лежали аккуратные ряды коробочек с канифолью, запасных кобылок и комплектов струн. У задней стены мастерской покоились сухие доски в ожидании своей очереди превратиться в инструменты. Повсюду Альберто видел порядок и аккуратность. Он находился в мастерской человека, который не был подвержен пороку

небрежности и ценил свои инструменты; человека, для которого явно не было мелочей в жизни. Хотя Бруно не исполнилось еще и сорока, волосы на темени уже поредели, ростом он не вышел, и красавцем его никак нельзя было назвать. Но у него имелось одно важное преимущество.

Он до сих пор ходил в холостяках.

И тут их интересы пересекались. Дочь Альберто Элоиза в тридцать пять лет тоже оставалась свободной. Ни особой красотой, ни уродством она не отличалась, но вот ухажеров у нее не имелось и не предвиделось, и если не предпринять каких-нибудь действий, придется ей умереть старой девой. Предприимчивый Бруно, погруженный в работу, и не подозревал, что над его шеей зависло супружеское лассо. Альберто хотел внуков, но без зятя они появиться не могли.

Бруно в роли зятя был бы самое то.

На свадьбе восемь месяцев спустя Альберто вынес заслуженную кремонскую скрипку, отремонтированную для него Бруно. Он проиграл радостные праздничные мелодии, которым научил его дед несколько десятилетий назад, те же самые мелодии он впоследствии играл трем детям Элоизы и Бруно. Первенца назвали Марко, он пришел в мир с визгом, молотя ножками и кулачками, уже недовольный жизнью. Три года спустя появился Лоренцо; мальчик почти никогда не плакал, а всегда внимательно слушал, поворачивал голову на любой голос, на любой птичий щебет, на любую ноту, сыгранную Альберто. Восемь лет спустя, когда Элоизе исполнилось сорок семь и она уже уверовала, что ее детородный период позади, в мир проскользнула маленькая Пия, чудо-доченька. Альберто жаждал внуков, и он их получил: двух мальчиков и девочку, и все они оказались гораздо красивее, чем он ожидал, – да и откуда им было взяться, ожиданиям, когда он каждый день видел перед собой их ничем не примечательных родителей?

Но из трех детей только Лоренцо демонстрировал признаки музыкального таланта.

В два года он, один раз услышав мелодию, мог ее пропеть – она глубоко врезалась в его память, как канавки в грампластинку. В пять лет он уже мог сыграть услышанную мелодию на маленькой скрипке, сделанной отцом специально для него в мастерской на Калле-делла-Кьеза. Когда Лоренцо в восемь лет упражнялся в своей комнате, прохожие на Калле-дель-Форно останавливались и слушали музыку, доносившуюся из окна. Немногие из них догадывались, что прекрасные звуки извлекает из детской скрипки детская рука. Лоренцо и его дед Альберто часто играли дуэтом, и

мелодии, льющиеся из дома, привлекали слушателей даже из Гетто-Веккьо [4]. Некоторых чистые, прекрасные звуки так трогали, что они умывались слезами.

Когда Лоренцо исполнилось шестнадцать, он уже мог играть 24-й каприс Паганини, и Альберто понял: время пришло. Столь сложная в исполнении музыка заслуживала соответствующего инструмента, и Альберто передал свою драгоценную кремонскую скрипку в руки мальчика.

– Но это же твоя скрипка, дедушка, – сказал Лоренцо.

– Теперь она принадлежит тебе. Твоего брата Марко музыка не интересует – только политика. Пия предпочтет провести жизнь в тщетных ожиданиях прекрасного принца. А у тебя есть талант. В твоих руках она запоет. – Он кивнул. – Давай, мальчик, послушаем, как ты на ней играешь.

Лоренцо поднял скрипку к плечу. Несколько мгновений он просто держал ее, словно ожидая, что дерево сольется с его плотью. Скрипка вот уже шесть поколений передавалась старшими членами семьи младшим, и подбородник еще помнил, как упиралась в него челюсть его прадеда. Дерево хранило в себе все мелодии, которые когда-то извлекались из него, и теперь пришло время Лоренцо внести свой вклад в копилку скрипичной памяти.

Мальчик провел смычком по струнам, и мурашки побежали по коже Альберто, когда из лакированного елово-кленового корпуса полилась музыка. Первой Лоренцо сыграл цыганскую мелодию, которую выучил в четырехлетнем возрасте; теперь он исполнял ее медленно, чтобы услышать каждую ноту, заставлявшую петь дерево. Потом он сыграл бодрую сонату Моцарта, следом рондо Бетховена, а закончил Паганини. Альберто видел, как внизу, под окном, собираются люди, поднимают головы к прекрасным звукам.

Когда Лоренцо наконец опустил смычок, стихийная аудитория разразилась аплодисментами.

– Да, – пробормотал Альберто, пораженный игрой внука. – О да, она предназначалась тебе.

– Она?

– У нее же есть имя – Ла Дианора, Чародейка. Так ее назвал мой дед, когда начинал играть. Он утверждал, что она противилась ему на каждом такте, на каждой ноте. Хорошо играть он так и не научился и винил в этом только ее, говорил, она, мол, покоряется лишь тем, кому судьбой предназначено владеть ею. Передав ее мне и услышав звуки, которые мне удалось из нее извлечь, он сказал: «Она всегда предназначалась тебе». И

сегодня я говорю те же слова тебе.

Альберто положил руку на плечо Лоренцо:

– Она принадлежит тебе, пока ты не передашь ее своему сыну или внуку. Или дочери. – Альберто улыбнулся. – Храни ее, Лоренцо. Она создана, чтобы пережить еще многих, не только тебя.

5

Июнь 1938 года

– У моей дочери прекрасный слух и великолепная техника игры на виолончели, но, боюсь, ей не хватает упорства и прилежания, – сказал профессор Аугосто Бальбони. – Чтобы выявить лучшие стороны музыканта, нет ничего вернее перспективы публичного выступления. Вероятно, именно такая мотивация ей и нужна.

Он посмотрел на Лоренцо:

– Вот почему я подумал о тебе.

– Ну, мальчик? – обратился Альберто к внуку. – Окажешь моему старому другу маленькую услугу – сыграешь дуэтом с его дочерью?

Лоренцо переводил взгляд с Альберто на профессора, отчаянно пытаюсь найти убедительный предлог для отказа. Когда его позвали в гостиную, юноша понятия не имел, зачем там понадобился и почему взрослые не могут попить кофе без него. Мама подала фрукты и печенье, присыпанное сахарной пудрой, – свидетельство ее почтительного отношения к профессору Бальбони, который был коллегой Альберто и преподавал на музыкальном факультете в Ка-Фоскари^[5]. Бальбони в сшитом на заказ костюме, со светлой львиной гривой выглядел и впечатляюще, и слегка устрашающе. Если Альберто, казалось, усыхал с каждым годом, то Бальбони все еще пребывал в расцвете мужских сил – он оставался человеком необузданного нрава и не менее необузданного аппетита, смеялся он громко и часто. Во время нередких визитов в дом Альберто голос Бальбони доносился до самой спальни Лоренцо на третьем этаже.

– Дед говорит, ты, возможно, примешь участие в музыкальном конкурсе нынешнего года в Ка-Фоскари, – сказал Бальбони.

– Да, синьор. – Лоренцо скосил глаза на Альберто, который лишь снисходительно улыбнулся внуку. – В прошлом году я не смог участвовать в конкурсе – повредил запястье.

– Но теперь-то с рукой все в порядке?

– Он играет даже лучше, чем прежде, – вставил Альберто. – И еще он теперь не бегаёт как сумасшедший по этим окаянным лестницам.

– Ну и как ты оцениваешь свои шансы выиграть конкурс?

– Не знаю, синьор, – покачал головой Лоренцо. – В конкурсе участвуют несколько превосходных музыкантов.

– Твой дед говорит, лучше тебя нет.

– Ну, он мой дед, потому так и говорит.

Профессор Бальбони рассмеялся:

– Да, каждый видит гения в своей родне! Но я знаю Альберто больше двадцати лет и ни разу не слышал, чтобы он преувеличивал. – Бальбони шумно отхлебнул кофе, поставил чашку на блюдце. – Тебе сколько? Уже восемнадцать?

– В октябре будет девятнадцать.

– Идеально. Моей Лауре семнадцать.

Лоренцо не был знаком с дочерью профессора и представлял ее себе похожей на отца: ширококостной и шумной, с мясистыми руками и толстыми пальцами, колотящими по грифу виолончели, точно молотки. Он смотрел, как профессор Бальбони берет печенье с блюда, вгрызается в него, оставляя на усах сахарную пудру. Своей громадной рукой Бальбони охватывал не только октаву, но и еще три ноты, явно поэтому он и выбрал рояль. На скрипичном грифе такие толстые пальцы лишь мешали бы друг другу.

– Я вот что тебе предлагаю, Лоренцо, – сказал Бальбони, отирая пудру с усов. – Ты окажешь мне большую услугу, и я не думаю, что это будет для тебя таким уж тяжким бременем. До конкурса еще несколько месяцев, времени достаточно, чтобы подготовиться дуэт.

– С вашей дочерью.

– Ты и так собирался участвовать в конкурсе в Ка-Фоскари, так почему бы тебе не соединиться с Лаурой и не выступить в категории дуэта скрипка и виолончель? Я думаю, сыграть вы могли бы опус шестьдесят пять Карла Марии фон Вебера или аранжировку опуса пятьдесят один Бетховена – Рондо номер два. Или ты бы мог выбрать одну из сонат Кампаньоли. На своем высоком уровне ты можешь выбрать что угодно. Конечно, Лауре придется поработать, но именно такой толчок ей и требуется.

– Но я не слышал ее, – сказал Лоренцо. – Я не знаю, удастся ли нам сыграть.

– У вас есть несколько месяцев на репетиции. Наверняка вы оба успеете подготовиться.

Лоренцо представил себе томительные часы, которые придется

провести в душевной комнате с неуклюжей коровой. Представил, как он исстрадается, слушая вымученные ею ноты и находясь вместе с нею на сцене, когда она возьмется уродовать Бетховена или Вебера. Он наконец понял подоплеку всей затеи. Профессор Бальбони хотел выставить свою дочь в лучшем свете, для чего ей требовался напарник, достаточно опытный, чтобы скрыть ее огрехи. Дед наверняка понимает ситуацию и избавит его от ненужных терзаний.

Но Альберто посмотрел на Лоренцо с обескураживающе спокойной улыбкой, словно они вдвоем уже обсудили дело и все согласовали. Профессор Бальбони был лучшим другом Альберто, а потому Лоренцо, конечно, придется ответить «да».

– Приходи ко мне в среду к четырем часам, – сказал Бальбони. – Лаура будет тебя ждать.

– Но у меня нет нот, о которых вы говорили. Нужно время, чтобы их найти.

– Они есть в моей личной библиотеке, завтра я дам их твоему деду, чтобы ты порепетировал перед приходом. Если же тебе не понравится моя подборка, у меня есть и другие композиции. Вы с Лаурой наверняка на чем-нибудь сойдетесь.

– А если не сойдемся? Если обнаружится, что мы не подходим друг другу как музыканты?

Дед успокоительно улыбнулся ему.

– Пока мы только разговоры разговариваем. Почему бы тебе для начала не познакомиться с девушкой? – предложил он. – А там уже решишь, хочешь ты продолжать или нет.

В следующую среду около четырех часов Лоренцо со скрипкой перешел по мосту в Дорсодуро – район города, облюбованный профессорами и учеными; здания здесь были куда как солиднее, чем его собственный скромный дом в Каннареджо. Он подошел к дому Бальбони на Фондамента-Брагадин и остановился в испуге перед массивной дверью с медной колотушкой в виде львиной головы. За его спиной в канале плескалась вода, проплывали лодки. На мосту Сан-Вио спорили два человека – никак не могли договориться, кому из них платить за поврежденную стену. За разгоряченными голосами он услышал виолончель. Звуки, казалось, отдавались эхом отовсюду одновременно – от кирпича, камня и поверхности воды. Неужели они зарождались в доме профессора Бальбони с его стенами цвета янтаря?

Лоренцо размахнулся медной колотушкой и услышал, как гром удара

разнесся по дому. Дверь открылась, и перед ним предстала женщина в одежде горничной, она осмотрела его с ног до головы мрачным взглядом.

– Прошу прощения, но меня пригласили к четверем.

– Вы внук Альберто?

– Да, синьора. Я пришел репетировать с синьориной Бальбони.

Женщина кинула взгляд на футляр его скрипки и коротко кивнула:

– Идемте со мной.

Лоренцо последовал за ней по сумеречному коридору мимо портретов мужчин и женщин, мясистые лица которых подсказывали ему, что он видит членов семьи Бальбони. Юноша чувствовал себя самозванцем в величественном доме, его кожаные туфли поскрипывали на полированном мраморном полу.

– Профессор дома? – робко спросил Лоренцо.

– Скоро придет.

Звуки виолончели становились все громче, казалось, сам воздух резонирует нотами.

– Он велел начинать репетировать без него, – добавила горничная.

– Мы с синьориной Бальбони не представлены.

– Она ждет вас. В представлениях нет нужды.

Горничная открыла двойную дверь, и их, словно сладкий мед, обволокла музыка.

Лаура Бальбони сидела у окна спиной к нему. В ярком солнце виделся только ее силуэт, наклоненная голова, вывернутые вперед плечи, словно обнимающие инструмент. Она играла, не зная, что он слушает, критически оценивает каждую ноту, извлекаемую из виолончели. Техника ее была не идеальна. Он время от времени слышал фальшивую ноту, а шестнадцатые она проигрывала неровно. Но она так яростно ударяла по струнам, ее смычок врезался в них с такой уверенностью, что даже ошибки казались преднамеренными, каждая нота бралась без малейших извинений. В этот момент Лоренцо не волновало, как она выглядит. Пусть у нее ослиная физиономия и коровьи бедра – имеет значение лишь музыка, которую она высекает из струн с такой страстью, что виолончель, кажется, вот-вот воспламенится.

– Синьорина Бальбони, молодой человек пришел, – объявила горничная.

Смычок внезапно замер. Несколько мгновений девушка сидела в прежней позе, словно не желая разрывать объятие. Потом она выпрямилась на стуле, повернулась и посмотрела на него.

– Так-так, – сказала она после паузы. – Вопреки моим

предположениям, вы не слишком похожи на гоблина.

– Так вам описал меня ваш отец?

– Папа вообще вас не описывал. Поэтому я и ждала худшего. – Она кивнула горничной. – Спасибо, Альда. Можете закрыть дверь, чтобы мы вам не мешали.

Горничная вышла, и Лоренцо остался наедине с этим странным существом. Он ожидал увидеть краснолицего, с бычьей шеей профессора Бальбони в юбке, а видел девушку необыкновенной красоты. Ее длинные волосы, в которых запутались солнечные лучи, отливали золотом, солнце высветило и более темные волосы под золотыми прядями. Она смотрела прямо на Лоренцо, но он никак не мог понять, какого цвета у нее глаза – голубые или зеленые, и ее взгляд настолько отвлек его, что он не сразу обратил внимание на руки, исполосованные узловатыми старыми шрамами. Потом он все же увидел поврежденную кожу и, хотя быстро перевел взгляд на лицо, потрясения скрыть не сумел. Любая другая девушка с изуродованными кистями покраснела бы, или отвернулась, или скрестила руки, чтобы скрыть увечье. Но Лаура Бальбони ничего такого не сделала. Она держала руки на виду, словно гордясь ими.

– Вы превосходно играете, – сказал он.

– Кажется, вас это удивляет.

– Откровенно говоря, я не знал, чего ожидать.

– И что вам сказал обо мне мой отец?

– Почти ничего. Это, если честно, и вызвало у меня подозрения.

– Вы тоже предполагали увидеть какое-нибудь страшилище?

Он рассмеялся:

– Если откровенно, то да.

– А что вы думаете теперь?

Что он думал? Природа, безусловно, не обделила ее красотой и талантом, но было в ней и какое-то пугающее свойство. Он никогда не встречал девушку столь прямолинейную и под ее пронзительным взглядом не смог найти нужных слов.

– Бог с ним. Можете не отвечать. – Она кивнула на футляр скрипки. – Так вы собираетесь доставать ваш инструмент?

– Вы и в самом деле хотите играть дуэтом?

– Если только вы не предпочли бы заняться со мной чем-нибудь другим.

Лоренцо покраснел и быстро принялся расчехлять скрипку. Он чувствовал: она изучает его, и попытался представить себе, насколько дурное впечатление производит – высокий, тощий, в поношенных туфлях, с

потертым воротником. Он не особо тщательно оделся к сегодняшнему визиту, поскольку не имел ни малейшего намерения произвести хорошее впечатление на страшилу Лауру. Но теперь, увидев ее, он горько пожалел, что не надел хорошую рубашку, не вычистил туфли. Он с потерянным видом настроил скрипку и для разогрева пальцев быстро сыграл несколько арпеджио.

– И почему вы согласились? – спросила она.

Он сосредоточенно натирал канифолью смычок.

– Ваш отец решил, что из нас получится отличный дуэт, и я согласился.

– Просто потому, что он вас попросил?

– Он друг и коллега моего деда...

– Значит, вы не могли отказаться. – Она вздохнула. – Вы должны быть со мной откровенны, Лоренцо. Если вам это против шерсти, скажите сейчас. А я скажу папе, что решение принимала я, а не вы.

Он заглянул ей в глаза и больше не смог отвернуться. Да и не хотел.

– Я пришел, чтобы играть, – сказал он. – И я думаю, этим мы и должны теперь заняться.

Она коротко кивнула:

– Тогда, может, начнем с Вебера? Просто чтобы понять, насколько согласуется звучание наших инструментов.

Лаура положила на пюпитр перед собой партитуру. Он не взял свой пюпитр, а потому встал у нее за спиной, чтобы читать страницу через ее плечо. Они находились очень близко друг к другу, и он ощущал ее запах, сладкий, как лепестки розы. Он отметил буфы с кружевными манжетами на коротких рукавах ее блузки, изящную цепочку с крохотным крестиком на шее, чуть выше верхней пуговицы блузки. Он знал, что Бальбони – католики, но при виде крестика, сияющего на ее коже, у него перехватило дыхание.

Прежде чем он успел прижать скрипку подбородком, Лаура проиграла четыре первых такта. Она следовала темповой инструкции «модерато», и вступительные ноты прозвучали сочно и вдумчиво. Пусть и изувеченные уродливыми шрамами, ее руки умели извлекать из виолончели волшебные звуки. Он пытался понять, как она получила ожог. Ребенком свалилась в камин? Вывернула на себя с плиты кастрюлю с кипятком? Если другие девочки носили блузки с длинными рукавами, то Лаура смело демонстрировала свой изъян.

На пятом такте его скрипка подхватила мелодию. Они слились в идеальной гармонии, смешали два голоса в один, который звучал гораздо

величественнее, чем просто голоса двух инструментов, сложенные вместе. Фон Вебер хотел бы слышать свое творение именно в таком виде! Но композиция была короткая, и они слишком быстро подошли к последнему такту. И даже когда оба оторвали смычки от струн, последние ноты, казалось, повисли в воздухе жалобным вздохом.

Лаура посмотрела на него, ее губы удивленно приоткрылись.

– Я и не подозревала, что эта пьеса так прекрасна.

– И я тоже, – согласился он, глянув на ноты на ее пюпитре.

– Пожалуйста, давайте сыграем еще раз.

У него за спиной раздалось покашливание. Лоренцо повернулся и увидел горничную Альду – она стояла с подносом с чашками и печеньем. На него она даже не посмотрела – только на Лауру.

– Вы просили чаю, синьорина Бальбони.

– Спасибо, Альда, – сказала Лаура.

– Профессор Бальбони уже должен вернуться.

– Вы же его знаете. Папа не подчиняется никаким расписаниям. Да, Альда, я предполагаю, что за обедом сегодня нас будет трое.

– Трое? – Только теперь горничная удостоила Лоренцо взглядом. – Молодой человек останется на обед?

– Извините, Лоренцо. Я не спросила вас, – сказала Лаура. – Может, у вас другие планы на вечер?

Он перевел взгляд с горничной на девушку и назад, почувствовал, что напряжение в комнате сгущается в нечто плотное и уродливое. Он подумал о матери, которая теперь, наверно, готовит обед. И о золотом крестике на шее Лауры.

– Моя семья ждет меня к обеду. К сожалению, я вынужден отказаться, – сказал он.

Губы Альды скривились в довольной улыбке.

– Значит, обед, как обычно, на двоих, – сказала она и вышла из комнаты.

– Вы так спешите домой? У вас есть время, чтобы сыграть со мной еще пару вещей? – спросила Лаура. – Мой отец предлагал Кампаньоли или Рондо Бетховена. Хотя, должна признаться, и то и другое мне не очень нравится.

– Тогда нам следует выбрать что-нибудь еще.

– Но ничего больше я не готовила.

– А не хотите попробовать какую-нибудь вещь, которую вы не готовили?

– Что вы имеете в виду?

Лоренцо вытащил из бокового кармана скрипичного футляра два листочка с нотами и закрепил их на пуопитре Лауры.

– Вы ведь играете с листа.

– «Ла Дианора», – прочла она, нахмурившись. – Занятное название для мелодии.

Она взяла смычок и с интересом сыграла первый такт.

– Нет-нет, вы играете слишком быстро. Возьмите темп адажио. Если начнете в таком темпе, при переходе на престо никто не заметит разницы.

– Откуда мне это знать? – отрезала она. – Тут нигде не написано «адажио». К тому же я впервые вижу эту композицию.

– Конечно впервые. Я ее сегодня закончил.

Она удивленно моргнула:

– Так вы ее сами сочинили?

– Да.

– А почему назвали «Ла Дианора» – «Чародейка»?

– Так зовут мою скрипку – Ла Дианора. Я все еще переделываю вторую часть – она пока не звучит так, как я хочу, но думаю, что в общем мелодия притягательна. Кроме того, такая аранжировка позволит проявиться обоим нашим инструментам – немалый плюс на конкурсе дуэтов.

– Ах, этот ужасный конкурс! – вздохнула Лаура. – Ну почему все сводится к выяснению, кто лучший, кто первый? Я бы хотела играть просто ради удовольствия.

– А сейчас вы не получаете удовольствия?

Лаура задумалась на секунду, глядя на ноты.

– Да, – сказала она, и голос ее прозвучал удивленно. – Да, получаю. Но конкурс, висящий над нами как дамоклов меч, он все меняет.

– Почему?

– Потому. Сейчас мы просто получаем удовольствие. Тут дело в гордыне. Вы должны знать кое-что обо мне, Лоренцо. Я не люблю проигрывать. Никогда. – Она посмотрела на него. – Если мы будем участвовать в конкурсе, я собираюсь его выиграть.

6

Каждую среду в течение двух следующих месяцев Лоренцо проходил по мосту в Дорсодуро. В четыре часа он стучал в дверь на Фондамента-Брагадин, и ему открывала горничная, с лица которой не сходило кислое

выражение. Они с Лаурой репетировали «Ла Дианору», прерывались на чаепитие с печеньем, иногда к ним присоединялся профессор Бальбони. После они играли, что им нравилось, но к концу непременно возвращались к «Ла Дианоре» – они уже решили играть ее на конкурсе.

Партия виолончели никак не давалась Лауре. Он видел это по ее лицу: глубокие морщины появлялись на лбу, челюсть обретала квадратную форму.

– Еще раз! – требовала она, споткнувшись на трудном пассаже. И после каждой очередной ошибки: – Еще раз! Еще раз!

Неистовость девушки подчас пугала его. Когда после часа борьбы с треклятым пассажем Лауре удавалось наконец сыграть его без запинки, она разражалась довольным смехом. На протяжении одной встречи она могла удивлять, разочаровывать и очаровывать его.

Среда больше не была похожа на другие дни недели. Теперь среды стали для него днями Лауры, когда он входил в ее дом, в ее мир и забывал о своем собственном. Когда он сидел с ней нога к ноге, видел сверкающие капельки пота на ее лице и слышал ее мягкое дыхание при ударах смычком по струнам. Дуэт – нечто гораздо большее, чем совместная игра двух инструментов. Это еще и единение в идеальной гармонии, такое полное слияние мыслей и сердец, что ты точно предвосхищаешь мгновение, когда твой напарник поднимет смычок, отпуская в небытие последнюю ноту.

По мере приближения конкурса музыканты тоже приближались – к совершенству. Лоренцо представлял их двоих на сцене в Ка-Фоскари: в свете прожекторов сверкают их инструменты, платье Лауры стелется по полу вокруг стула. Он воображал себе их безупречную игру и торжествующую улыбку на ее лице. На сцене они с Лаурой возьмутся за руки и будут кланяться и кланяться под аплодисменты публики.

Потом они поднимут инструменты и попрощаются. И все закончится. Больше не будет репетиций, не будет сред с Лаурой.

«Нужно запомнить это мгновение. Когда мы пойдем каждый своим путем, что мне останется от нее? Только воспоминания».

– Бога ради, Лоренцо! – возвращала она его к действительности. – Где сегодня твоя голова?

– Извини. Упустил, в каком мы такте.

– В двадцать шестом. Ты сделал тут что-то странное, и мы потерялись. – Она нахмурилась, глядя на него. – Что-то случилось?

– Ничего. – Он покрутил плечом, помассировал шею. – Просто мы уже несколько часов репетируем.

– Прервемся еще раз на чай?

- Нет, давай дальше.
- Ты торопишься уйти?

Меньше всего хотелось ему уходить от нее, но время уже приближалось к восьми, и с кухни доносился запах ужина.

- Уже поздно. Не хочу стать назойливым гостем.
- Понимаю. – Она вздохнула. – Ну ладно. Я знаю, тебе тяжело сидеть со мной взаперти.
- Прости, что?

– Нам не обязательно нравиться друг другу. Мы просто должны хорошо вместе играть.

- Почему ты думаешь, будто мне не нравится быть с тобой?
- Разве это не очевидно? Я три раза приглашала тебя остаться на ужин.

И ты каждый раз отказывался.

- Лаура, ты не понимаешь...
- Что я должна понимать?
- Я считал твои приглашения просто данью вежливости.

– Для вежливости достаточно одного приглашения. А три приглашения явно выходят за рамки обычной вежливости.

– Извини. Я знаю, Альда недовольна, когда я здесь, а я не хочу усложнять обстановку.

- Альда тебе говорила что-нибудь такое?
- Нет. Но я же вижу ее лицо. Вижу, как она смотрит на меня.
- Так ты, значит, умеешь читать мысли. Посмотришь на Альду и точно знаешь, что у нее на уме. И боже мой, она относится к тебе неодобрительно, а потому ты, конечно же, не осмеливаешься принимать мои приглашения. Неужели тебя так легко обескуражить?

Он уставился на нее, уязвленный правдивостью ее слов. Уж Лауру-то так легко не испугаешь. Он никогда не будет таким смелым, как она. Настолько смелым, чтобы носить уродливые шрамы, словно алые флаги. Теперь она бросает ему вызов: сравняйся со мной в смелости, скажи, что у тебя в голове, не думая о последствиях.

Лаура угрюмо отставила виолончель.

– Ты прав, – сказала она. – Уже поздно. Встретимся на следующей неделе.

– Да нет же, мне нравится быть с тобой, Лаура. Если хочешь знать, нет другого места, где мне хотелось бы быть так, как здесь.

– Правда? Я слышу слова настоящего Лоренцо? Или Лоренцо-дипломата, который пытается сказать что-нибудь вежливое, чтобы меня не обидеть?

– Я говорю правду, – тихо сказал он. – Всю неделю я жду среды, жду встречи с тобой. Но я не умею высказывать свои мысли так ловко, как ты. Ты самая смелая девушка, с какими мне доводилось встречаться. – Лоренцо уставился на свои туфли. – Знаю, я слишком робок, такой характер. Все боюсь сказать или сделать что-нибудь не то. Если я и чувствую себя смелым, по-настоящему смелым, то лишь в то время, когда играю на скрипке.

– Ну хорошо. Мы будем играть. – Она взялась за виолончель и смычок. – И может быть, сегодня тебе хватит смелости остаться на ужин.

– Вина. Выпьем еще вина! – сказал профессор Бальбони, наполняя бокалы.

В четвертый или пятый раз? Лоренцо потерял счет, но какое это имело значение? Весь вечер превратился в одну долгую счастливую неразбериху. Под музыку Дюка Эллингтона, лившуюся из фонографа, они ели приготовленный Альдой превосходный суп с мелко нарезанными овощами. После супа Альда подала фегато^[6] с картофелем, а завершили пиршество сладкий пирог, фрукты и орешки. Никогда Лоренцо не получал такого удовольствия от еды, которая казалась еще вкуснее благодаря людям, с которыми он ее делил. Лаура сидела напротив, не пряча своих обнаженных рук, и шрамы больше не пугали его. Напротив, шрамы были еще одной причиной восторгаться Лаурой. Они являли ее мужество, ее готовность не прятать от мира свое истинное «я» и не извиняться за него.

Отец Лауры с его дерзкими заявлениями и грубоватым смехом отличался такой же откровенностью. Профессор Бальбони хотел знать мнение гостя обо всем на свете. О джазе. Кого он предпочитает – Луиса Армстронга или Дюка Эллингтона? Играет ли, по его мнению, скрипка какую-нибудь роль в современной музыке?

И вдруг:

– Какие у тебя планы на будущее?

Будущее? Лоренцо почти не видел будущего дальше конкурса через три недели.

– Я хочу поступить в Ка-Фоскари, как мой брат Марко, – ответил он.

– И что ты собираешься изучать?

– Марко посоветовал мне изучать управление. Он сказал, на эту профессию есть спрос.

– Изучать такую скукотищу? – фыркнул профессор Бальбони. – Ты же себя живьем похоронишь. Твое призвание – музыка. Ты ведь уже даешь уроки игры на скрипке?

– Да, синьор, у меня семь учеников, им всем по восемь-девять лет. Отец считает, что мы должны объединить наши дела: я обучаю игре на скрипке, а он обеспечивает моих учеников инструментами. Он хочет, чтобы со временем я занял его место в мастерской, но из меня вряд ли получится хороший скрипичный мастер.

– Ты ведь не столяр, а музыкант. Твой дед понял это, когда ты был еще ребенком. Ты наверняка нашел бы место в оркестре. А может, тебе стоит подумать о загранице, скажем об Америке.

– Об Америке? – Лоренцо рассмеялся. – Ну и фантазии!

– А почему бы не помечтать? Такое вполне вероятно.

– Я не могу оставить семью.

Лоренцо посмотрел на Лауру, сидящую напротив него, и мысленно добавил: «Я не могу оставить ее».

– Я правда считаю, что тебе стоит подумать об эмиграции, Лоренцо. Страна меняется. И меняется очень быстро. – Профессор Бальбони неожиданно понизил голос: – Мы живем в плохие времена. Я говорил с Альберто о других возможностях, о местах, где могла бы обосноваться твоя семья.

– Мой дед никогда не оставит Италию, а отец не бросит дело. У него здесь репутация, верные клиенты.

– Да, его бизнес пока, вероятно, в безопасности. Первоклассные скрипичные мастера не рождаются в одну ночь, и заменить его будет непросто. Но кто знает, что затеет власть завтра? Какие еще декреты выпустит министр внутренних дел?

– Марко твердит то же самое, – кивнул Лоренцо. – Каждый день какие-нибудь новости выводят его из себя.

– Значит, твой брат следит за развитием событий.

– Отец говорит, нам не о чем беспокоиться. Он говорит, эти декреты – политические игры, показуха, а власть никогда не обратится против нас. Мы должны доверять Муссолини.

– Почему?

– Муссолини знает: мы лояльные граждане. Он много раз повторял, что в Италии еврейского вопроса не существует. – Лоренцо уверенно отхлебнул вина. – Италия – не Германия.

– Так говорит твой отец?

– Да. И мой дед. Они считают, Муссолини всегда будет нас поддерживать.

– Ну, может быть, они и правы. Надеюсь. – Профессор Бальбони откинулся на спинку стула, словно лишился сил, поддерживая живой

разговор. – Ты оптимист, Лоренцо, как и твой дед. Вот почему мы с Альберто такие близкие друзья. Он всегда весел и полон песен, неизменно жизнерадостен, даже в трудные времена.

Но сегодняшний вечер явно относится к хорошим временам, подумал Лоренцо. Да разве может быть иначе, когда Лаура улыбается ему, вино течет рекой, а из фонографа доносится великолепный джаз? Даже холодное выражение на лице Альды не могло испортить ему настроение – он наслаждался, сидя за столом в доме Бальбони.

Лоренцо вышел на улицу уже далеко за полночь. Он шел по пустым улицам в свой район Каннареджо, не беспокоясь об опасностях, которые могут подстеречь его на пути, не думая о том, что на него может напасть банда бродячих головорезов. Нет, сегодня фортуна улыбалась ему, и он шел в защитном облаке счастья. Его приняли в семье Бальбони как друга, похвалили как музыканта. Сама Лаура проводила его до двери, и до сих пор перед его мысленным взором стояла она в прямоугольнике света и махала ему на прощание. Он все еще слышал ее голос: «До среды, Лоренцо!»

Входя в свой дом и вешая на крючок плащ и шляпу, он напевал себе под нос мелодию «Ла Дианоры».

– С чего ты так дьявольски весел сегодня? – спросил Марко.

Лоренцо повернулся и в дверях кухни увидел брата. Он не удивился тому, что Марко еще не спит, – тот, казалось, оживал только с наступлением темноты и половину вечера проводил в спорах о политике с друзьями или внимательно читал последние газеты и брошюры. Волосы Марко стояли торчком, словно он взъерошил их пятерней. Вид у него сегодня был бандитский, лицо небритое, майка навывпуск и в пятнах.

– Мама и Пия волновались, где ты, – сказал Марко.

– После репетиции меня пригласили на ужин.

– Пригласили? Теперь?

– Я прекрасно провел время. Лучший вечер в моей жизни!

– И больше тебе ничего не нужно для счастья? Позволили остаться на ужин в их доме – и ты уже счастлив?

– Не позволили – пригласили. Чувствуешь разницу?

Лоренцо двинулся к лестнице, но Марко ухватил его за руку:

– Смотри осторожнее, братишка. Ты, вероятно, думаешь, что они на нашей стороне, но так ли оно на самом деле?

Лоренцо вырвался:

– Не все против нас, Марко. Некоторые люди на нашей стороне.

Он унес скрипку в свою чердачную спальню и открыл окно, чтобы впустить свежий воздух. Даже Марко не мог сегодня испортить ему

настроение. Ему хотелось петь, криком сообщить миру о том, какой прекрасный вечер он провел с Лаурой и ее отцом. В доме Бальбони, где текло вино, играл джаз и все казалось возможным, жизнь представлялась гораздо счастливее и ярче. «А почему бы не помечтать?» – спросил его профессор Бальбони.

И Лоренцо, лежа в кровати той ночью, мечтал. Он позволил себе мечтать об Америке, о Лауре, об их совместном будущем. Да, все казалось возможным.

До следующего дня, когда профессор Бальбони принес в их дом новость, которая изменила их жизни.

7

Сентябрь 1938 года

– Почему Ка-Фоскари так поступает со мной? – спрашивал Альберто. – Я преподаю там тридцать пять лет! А они увольняют меня без всяких причин, без предупреждения!

– Предупреждений было более чем достаточно, дед, – сказал Марко. – Все последние месяцы я указывал тебе на них. Ты видел передовицы в «Тевере», в «Куадривио».

– Тоже мне газеты! Помойка, где пишут только расистскую дрянь. Никто не верил в реальные изменения.

– Ты читал манифест ученых^[7]. Совершенно недвусмысленное предупреждение о грядущих переменах. А теперь эти предупреждения воплощаются в жизнь.

– Но чтобы колледж уволил меня без всяких оснований?

– У них есть свои основания. Ты еврей – больше им ничего и не нужно.

Альберто посмотрел на своего коллегу Бальбони, который сидел, покачивая головой. За обеденным столом собралась вся семья, но ни еды, ни выпивки на столе не было: мать Лоренцо так расстроило неприятное известие, что она даже забыла об обязанностях хозяйки и теперь безвольно сидела на стуле, потрясенная и потерявшая дар речи.

– Это наверняка временная мера, – сказал отец Лоренцо. – Ничего не значащий жест в угоду Берлину.

Бруно, который всегда сочувствовал Муссолини, отказывался верить, что дуче будет преследовать евреев.

– А профессор Леоне? – спросил он. – У него жена не еврейка, так ей

что – тоже страдать? Помяните мое слово, через несколько недель все это отменят. Колледж не сможет функционировать без еврейского факультета.

Марко разочарованно взмахнул руками:

– Папа, ты разве не читал меморандум? Приказ распространяется и на учащих. Евреев теперь исключают из всех итальянских школ!

– Одно небольшое послабление все-таки есть, – сказал профессор Бальбони. – Они сделали исключение для выпускников, и тебе, Марко, разрешат доучиться. А вот Лоренцо... – Он отрицательно покачал головой: – Ему не дадут поступить ни в Ка-Фоскари и ни в какой другой университет Италии.

– Даже если позволят закончить, какой мне прок от моей степени? Теперь никто не примет меня на работу.

В глазах Марко появились слезы, и он отвернулся. Он так усердно учился, всегда знал, каким путем пойдет в жизни. Он будет служить Италии, как его герои – Вольпи и Луццатти^[8]. Он мечтал о карьере дипломата и размышлял, какие языки ему следует изучать, прикидывал, в каких странах ему придется работать. В восемь лет он приклеил к стене в своей спальне карту мира, по которой так часто скользили его пальцы, что некоторые места протерлись до обоев. Теперь его надежды умерли – Италия предала его, Италия предала их всех.

Марко раздраженно потер глаза:

– И посмотрите, как они поступили с беднягой-дедушкой! Он полжизни преподавал в Ка-Фоскари, а теперь он ничто.

– Он все еще учитель, Марко, – возразил Бальбони.

– Учитель без дохода. Впрочем, евреям не обязательно есть. Мы ведь можем питаться воздухом!

– Марко, – остерегла его мать, – будь вежлив. Профессор Бальбони ни в чем не виноват.

– И что он со своими коллегами будет делать?

– Мы все, конечно, в ужасе, – сказал Бальбони. – Мы сочинили протест. Я его подписал, как и десятки других преподавателей факультета.

– Десятки? Не все?

Бальбони опустил голову:

– Нет. Некоторые боятся последствий, если подпишут... – Он пожал плечами. – Ну, они все равно никогда не были твоими друзьями. А теперь ходят слухи, что грядут и другие дурные новости. Предлагаются новые законы, которые ограничат деятельность евреев в других областях. Я вам говорю, все это вытекает из манифеста ученых. После него и начались безумства. Он дал санкцию винить евреев во всех неприятностях в стране.

Манифест, опубликованный месяцем ранее в «Джорнале д'Италия», привел Марко в ярость. Он вбежал в дом, размахивая газетой и крича: «Теперь они говорят, будто мы не настоящие итальянцы! Мы теперь чужеземная раса!» С тех пор он почти ни о чем другом не говорил. Приносил домой газеты и брошюры, размышлял над ними по ночам, подкармливая свою злость. Каждый семейный обед превращался в сражение, поскольку его дед и отец оставались лояльными к фашистам и не хотели верить, что Муссолини будет преследовать евреев. За обедом велись очень жаркие споры, и один раз мама швырнула нож на стол и заявила: «Хватит! Если хотите поубивать друг друга, возьмите нож! По крайней мере, наступит тишина!»

Теперь за столом грозила разыгаться очередная буря, и Лоренцо увидел, как налились вены на шее брата, как мать вцепилась в стол согнутыми, будто когти, пальцами.

– Должен быть способ обжаловать этот меморандум, – сказал Альберто. – Я напишу письмо в газету.

– О да, – фыркнул Марко. – Твое письмо все изменит!

Бруно дал сыну подзатыльник:

– А что сделаешь ты? Ты такой умный, Марко, у тебя наверняка есть на все ответ!

– Я, по крайней мере, не слеп и не глух, как все остальные члены нашей семьи!

Марко встал, отшвырнув стул так, что он перевернулся. Не подняв стул, Марко бросился вон из комнаты.

Пия вскочила и пустилась за ним.

– Марко! – крикнула она. – Пожалуйста, не уходи. Я не могу, когда вы все так ссоритесь!

Все слышали, как она выбежала из дома, как звала брата, как пыталась догнать его. Десятилетняя Пия была в семье настоящим дипломатом, она всегда переживала, когда они спорили, всегда пыталась вести мирные переговоры. Ее голос звучал все тише, но все слышали, как она умоляет брата вернуться.

А в доме воцарилась долгая и тяжелая тишина.

– И что нам теперь делать? – тихо спросила Элоиза.

Профессор Бальбони покачал головой:

– Вы в этой ситуации бессильны. Мы с коллегами подадим петицию в администрацию колледжа. Некоторые из нас тоже пишут письма в газеты, но вряд ли их кто-то опубликует. Все нервничают, все боятся ответной реакции. К несогласным власти могут применить репрессии.

– Мы должны громко и публично заявить о своей лояльности, – сказал Альберто. – Напомнить им обо всех наших заслугах перед страной. Обо всех войнах, в которых мы защищали Италию.

– От этого будет мало проку, мой друг. Ваш еврейский союз выпускает пресс-релиз за пресс-релизом, заявляя о своей лояльности. И каков результат?

– Тогда что еще мы можем сказать? Что сделать?

Профессор Бальбони взвесил следующие слова, и все его тело, казалось, просело под грузом ответа:

– Вам нужно подумать об эмиграции.

– Оставить Италию? – Альберто от ярости одеревенел на своем стуле. – Моя семья прожила здесь четыреста лет. Я такой же итальянец, как и ты!

– Я с тобой не спорю, Альберто. Я только даю совет.

– Какой совет? Оставить страну? Неужели ты совсем не ценишь нашу дружбу, неужели готов выпихнуть нас на следующем пароходе?

– Прошу тебя, ты не понимаешь...

– Чего я не понимаю?

Профессор Бальбони перешел на шепот:

– Ходят всякие слухи. Мои зарубежные коллеги сообщают...

– Да, мы все знаем эти слухи. Их распространяют сумасшедшие сионисты, чтобы натравить нас на власть.

– Но мне рассказывают разные истории люди, в чьей умеренности я ничуть не сомневаюсь, – возразил профессор Бальбони. – Они рассказывают о том, что происходит в Польше. Сообщают о массовых депортациях.

– Куда? – спросила Элоиза.

– В трудовые лагеря. – Бальбони посмотрел на нее. – Отправляют женщин и детей. На возраст и не смотрят, на состояние здоровья тоже – людей арестовывают и вывозят. Захватывают их дома и собственность. Мне рассказывают такие ужасные вещи, что в них невозможно поверить, и я их не буду повторять. Но если такое происходит в Польше...

– Здесь этого не случится, – сказал Альберто.

– Ты слишком доверяешь власти.

– Ты и в самом деле думаешь, будто мы можем оставить Италию? И куда мы все поедем?

– В Португалию или Испанию. Или в Швейцарию.

– А на что мы будем жить в Швейцарии? – Альберто показал на своего зятя, который явно пытался осмыслить новый поворот в их жизни. – У

Бруно здесь многолетние клиенты. Он всю жизнь зарабатывал себе репутацию.

– Никуда мы не уедем, – категорически заявил Бруно; он сел прямо и посмотрел на жену. – Твой отец прав. С какой стати нам уезжать? Мы ничего плохого не сделали.

– Но как быть со слухами? – спросила Элоиза. – Ты представь себе Пию в трудовом лагере...

– Ты думаешь, лучше, если она будет голодать в Швейцарии?

– Боже мой, я не знаю, как нам быть.

Но Бруно знал. Здесь был его дом, и хотя он редко заявлял о себе как о главе семьи, теперь ясно дал понять, кто здесь принимает решения.

– Я не брошу все, ради чего работал. Здесь моя мастерская, мои клиенты. И у Лоренцо здесь ученики. Вместе мы как-нибудь перебьемся.

Альберто положил руку на плечо зятя:

– Хорошо. Значит, мы с тобой единомышленники. Мы остаемся.

Бальбони вздохнул:

– Я понимаю, насколько ужасно мое предложение покинуть страну, но я не мог не высказаться. Если события пойдут быстрее, если условия неожиданно ухудшатся, другого шанса уехать может и не представиться. Я думаю, сейчас – лучшее время для отъезда. – Он поднялся. – Извини, я принес тебе дурную вест, мой друг. Но я хотел тебя подготовить, прежде чем ты узнаешь об этом от кого-то другого.

Он посмотрел на Лоренцо:

– Идем, молодой человек, проводи меня. Поговорим о твоих репетициях с Лаурой.

Лоренцо последовал за ним, они двинулись к каналу, но профессор молчал. Он, казалось, погрузился в свои мысли, шел нахмурившись и сцепив за спиной руки.

– Я тоже не хочу уезжать из Италии, – сказал Лоренцо.

Бальбони бросил на него рассеянный взгляд, словно удивляясь тому, что Лоренцо все еще идет рядом.

– Конечно, ты не хочешь. Никто не хочет отрываться от корней. Я и не ждал от тебя других слов.

– И все же вы советуете уехать.

Профессор Бальбони остановился на узкой улице, повернулся к нему:

– Ты, Лоренцо, рассудительный молодой человек. В отличие от твоего брата Марко. Я боюсь, он совершит какой-нибудь опрометчивый поступок и на всех вас обрушится несчастье. Твой дед всегда был о тебе высокого мнения. Я сам убедился: ты подаешь надежды как выдающийся музыкант.

Поэтому я прошу тебя внимательнее относиться к происходящему вокруг. Несмотря на все недостатки твоего брата, он, по крайней мере, видит тенденцию развития страны. Ты тоже должен ее видеть.

– Тенденцию?

– Ты не заметил – все газеты теперь говорят в один голос, голос, который поднимается против евреев? И с годами он становится все громче. Передовая статья там, официальное заявление здесь. Словно мы имеем дело с тщательно спланированной кампанией.

– Дед говорит, это крики невежественных людей.

– Опасайся невежественных, Лоренцо. Они – самый опасный враг, потому как они повсюду.

Они не упоминали недавний приказ, когда Лоренцо пришел в следующую среду на репетицию. И в среду после следующей. Он оба раза обедал с Бальбони, но говорили только о музыке – о последних услышанных записях. Что Лоренцо думает о Шостаковиче? Собирается ли кто-нибудь посмотреть новую музыкальную комедию с Витторио Де Сика? И как печально известие о смерти знаменитого скрипичного мастера Ореста Канди в Генуе. Они словно изо всех сил избегали разговоров о грозных тучах, собирающихся над их головой, а потому болтали о вещах приятных и тривиальных.

Но запретная тема все равно витала в комнате в виде мрачного лица Альды, которая молча входила и выходила, убирала стол между блюдами. Лоренцо не мог понять, почему Бальбони держат в доме эту угрюмую женщину. Он предположил, что Альда была с семьей еще до рождения Лауры в роли персональной горничной Лауриной матери, умершей от лейкемии десять лет назад. Возможно, за прошедшие годы Бальбони просто привыкли к ее каменному лицу, как люди привыкают к косолапости или боли в коленном суставе.

За три дня до конкурса Лоренцо в последний раз обедал в доме Бальбони.

Генеральная репетиция прошла превосходно, просто великолепно, и профессор вскочил на ноги и принялся аплодировать.

– Всем остальным дуэтам до вас как до луны! – провозгласил он. – Ваши инструменты – словно две слившиеся души, поющие в один голос. Почему бы нам сегодня не отпраздновать вашу победу? Я открою специальную бутылку вина.

– Но мы еще не победили, папа, – сказала Лаура.

– Пустая формальность. Они уже должны вписывать в диплом ваши

имена.

Бальбони налил вина, протянул бокалы дочери и Лоренцо.

– Если будете играть так, как сегодня, то не победить просто не сможете. – Он подмигнул. – Я знаю – я слышал других конкурсантов.

– Как, папа? Когда? – спросила Лаура.

– Сегодня в колледже. Профессор Веттори консультировал некоторые дуэты. Когда они играли, я случайно оказался рядом с репетиционной.

– Папка озорник!

– Виноват, я не заткнул уши. Они играли ужасно громко, и я слышал каждую фальшивую ноту. – Он поднял бокал. – Ну, кто скажет тост?

– За победу! – воскликнула Лаура.

– За компетентное судейство! – подхватил отец.

Лаура улыбнулась Лоренцо. Он никогда не видел ее такой красивой – ее лицо покраснелось от вина, волосы в свете лампы походили на жидкое золото.

– А ты какой тост предложишь? – спросила она.

«За тебя, Лаура, – подумал он. – За каждый драгоценный миг, проведенный нами вместе».

Лоренцо поднял бокал:

– За то, что нас соединило. За музыку!

Лоренцо помедлил у двери дома Бальбони, вдыхая влажный вечерний воздух. Задержавшись на холодке, он слушал, как плещется вода в канале, и пытался навсегда запомнить каждое мгновение прошедшего вечера. Сегодня он в последний раз посетил этот дом и потому не спешил уходить. Чего ему теперь ждать? Теперь, когда Ка-Фоскари для него закрыт, он видел впереди только бесконечные дни в мастерской, где будет работать за верстаком, делать инструменты для других музыкантов. Он состарится в мрачном и пыльном пространстве мастерской, превратится в худую угрюмую версию своего отца Бруно, а Лаура будет жить дальше. Она поступит в колледж, окунется в веселую студенческую жизнь. Ее ждут вечеринки, концерты и фильмы.

А еще молодые люди, вечно вьющиеся вокруг в надежде поймать ее взгляд. Стоит им только мельком увидеть ее улыбку, услышать мелодию ее смеха – и они будут очарованы. Она выйдет замуж за одного из таких молодых людей, у них родятся дети, и она забудет об их давно канувших в вечность средах, когда скрипка и виолончель так прекрасно звучали в унисон.

– Ничего хорошего из этого не выйдет. Неужели вы не понимаете?

Он вздрогнул и резко повернулся – футляр его скрипки царапнул стену. В тени улочки рядом с домом Бальбони возникла фигура Альды, он едва разглядел ее лицо в свете уличного фонаря.

– Прекратите все сейчас, – велела Альда. – Скажите ей, что не сможете участвовать в конкурсе.

– Вы хотите, чтобы я отказался? Но как бы я объяснил свое решение?

– Придумайте что-нибудь. Воспользуйтесь головой.

– Мы репетировали несколько месяцев. Мы готовы к конкурсу. Почему я должен отказываться от него сейчас?

В ее ответе, хотя и произнесенном тихо, слышалась угроза:

– Если вы не послушаетесь, будут последствия.

Он неожиданно для себя рассмеялся. Ему надоела злобная женщина, чей недовольный взгляд неизменно отравлял счастливые вечера, проведенные рядом с Лаурой.

– Думаете, вы напугали меня?

– Если в вас есть здравый смысл... если она вам не безразлична... вы должны испугаться.

– А почему, вы думаете, я участвую в конкурсе? Ради нее.

– Тогда уйдите сейчас, пока не завлекли ее в бурные воды. Она невинна. И даже не представляет, что вот-вот должно произойти.

– А вы представляете?

– Я общаюсь с людьми. Они говорят всякое.

Лоренцо посмотрел на нее, и неожиданно его осенило.

– Вы одна из них – из чернорубашечников?^[9] Они поручили вам напугать зарвавшегося еврея? Чтобы он убежал и спрятался на помойке, как крыса?

– Вы ничего не понимаете, молодой человек.

– Нет-нет. Прекрасно понимаю. Но меня это не остановит.

Он пошел прочь, чувствуя на спине ее ненавидящий взгляд, горячий, как кочерга. Злость гнала его из Дорсодуро с удвоенной скоростью. Совет Альды держаться подальше от Лауры произвел на него противоположное действие – он никогда не откажется от участия в конкурсе. Нет, он останется предан и конкурсу, и Лауре. Именно об этом все последние месяцы кричал Марко: евреи не должны уступать ни дюйма, а как законопослушные итальянцы настаивать, даже требовать, чтобы их права не ущемлялись. Почему он не прислушивался к словам брата?

Он лежал в кровати и не мог уснуть – слишком волновался, думал только о победе. Лучшим отпором будет их триумф на конкурсе. Они покажут всем: закрывая для него Ка-Фоскари, власти лишают себя того

лучшего, что может предложить Италия. Да, вот наилучший метод борьбы – не написание бесполезных писем в газеты, как предлагает Альберто, не марши и протесты, которыми угрожает Марко. Нет, лучше всего упорно трудиться и подниматься выше других. Докажи, что ты достоин, и заслужи уважение.

Им с Лаурой придется блистать на сцене очень ярко, чтобы никто не усомнился в их победе. Вот как мы будем сражаться. Вот как будем побеждать.

8

Атласное платье Лауры было таким черным, что поначалу на темной улице он видел только неясные слабые отблески. Потом она появилась из тьмы и остановилась перед ним, невероятно эффектная в мерцании уличного фонаря. Ее светлые волосы золотым водопадом струились с одного плеча, на плечах лежала короткая бархатная накидка. Ее отец, несший в футляре виолончель, в черном костюме с галстуком-бабочкой выглядел не менее элегантно, но Лоренцо не мог оторвать глаз от Лауры, ослепительной в атласном платье.

– Ты ждал нас здесь? – спросила она.

– В зале громадная толпа, почти все кресла заняты. Дед просил сообщить вам, что держит для вас место, профессор. В четвертом ряду слева.

– Спасибо, Лоренцо.

Профессор Бальбони оглядел его с головы до ног и одобрительно кивнул:

– Вы будете прекрасной парой на сцене. Поспешим, прохладный воздух вреден для инструментов. – Он протянул виолончель дочери. – Не торопитесь в первых тактах. Не позволяйте нервам задавать ритм.

– Да, папа, мы запомним, – заверила отца Лаура. – А теперь тебе пора в зал – найди поскорей свое место.

Бальбони поцеловал дочь.

– Удачи вам обоим! – сказал он и направился в зал.

Несколько секунд Лаура и Лоренцо стояли молча в свете фонаря, глядя друг на друга.

– Ты такая красивая сегодня, – выдохнул он.

– Только сегодня?

– Я хотел сказать...

Она рассмеялась и прикоснулась двумя пальцами к его губам:

– Молчи, я знаю, что ты хотел сказать. Ты сегодня тоже красивый.

– Лаура, даже если мы не победим, если допустим промашку на сцене, мне все равно. Недели, проведенные вместе... музыка, которую мы играли... – вот чего я никогда не забуду.

– Ты говоришь так, словно сегодня что-то закончится. Сегодня все только начинается. И мы начнем с победы.

Все только начинается. Они прошли в дверь, ведущую на сцену, и Лоренцо позволил себе представить будущее с Лаурой. Другие вечера, когда они будут входить в концертные залы со своими инструментами. Лаура и Лоренцо выступают в Риме! В Париже! В Лондоне! Он воображал, какой она станет со временем. Ее волосы посеребрят седина, ее лицо повзрослеет, но всегда, всегда будет прекрасным. Разве можно мечтать о более идеальном будущем, чем то, в котором они снова и снова будут переживать это мгновение – вместе выходить на сцену?

Они прошли на звуки настраиваемых инструментов в артистическое фойе, где уже собрались другие конкурсанты. Внезапно все бросили настройку и уставились на них.

Лаура сняла бархатную накидку и открыла футляр виолончели. Не обращая внимания на взгляды и зловещую тишину, она несколькими резвыми движениями наканифолила смычок и села на стул, чтобы настроить инструмент. Она даже не подняла глаз, когда строго одетый человек быстро пересек комнату и подошел к ней.

– Синьорина Бальбони, позвольте вас на несколько слов? – пробормотал он.

– Лучше позднее, синьор Альфьери, – сказала она. – Сейчас мне с моим скрипачом нужно подготовиться.

– К сожалению, у нас возникли... осложнения.

– Осложнения?

Человек демонстративно избегал смотреть на Лоренцо.

– Если бы мы могли поговорить приватно...

– Говорите со мной прямо здесь.

– У меня нет ни малейшего желания устраивать неприятную сцену. Вам наверняка известно о последних политических изменениях. В конкурсе могут участвовать музыканты только итальянской национальности. – Он скользнул взглядом по Лоренцо. – Ваша заявка на участие отклонена.

– Но наши имена есть в программе. – Она вытащила листок бумаги из футляра виолончели. – О нашем участии было объявлено месяц назад. Вот

наши имена. Мы выступаем вторыми.

– Программа изменилась. Вопрос закрыт.

Он развернулся и пошел прочь.

– Нет, не закрыт, – громко крикнула ему вслед Лаура – все ее услышали.

Конкурсанты смотрели, как она поставила виолончель и последовала за человеком.

– Вы не назвали мне ни одной причины, по которой мы не можем участвовать в конкурсе.

– Я назвал вам причину.

– Нелепая причина.

– Таково решение комитета.

– Что? Вашего комитета баранов? – Лаура звонко рассмеялась. – Мы будем выступать вторыми, синьор Альфьери. У нас есть все права. А теперь, если вы нас извините, мы с моим скрипачом должны подготовиться.

Она развернулась и пошла назад к Лоренцо. Нет, она не шла – маршировала, устремив взгляд перед собой, высоко подняв плечи. Ее глаза сверкали, как бриллианты, щеки покраснелись, словно в горячке. Музыканты расступались перед ней, не желая испытать на себе столкновение с мощью девушки.

– Давай настраивать инструменты, – скомандовала она.

– Лаура, это может грозить тебе неприятностями, – сказал Лоренцо.

– Ты хочешь играть или нет?

Она бросила ему вызов – девушка, которая не знала страха. Думала она о последствиях или же была настолько исполнена решимости победить, что риск не имел значения? Опасно или нет, он будет рядом с ней. Вместе они должны быть бесстрашны.

Лоренцо расстегнул футляр и извлек из него Ла Дианору, поднес скрипку к подбородку, и когда почувствовал дерево кожей, нервы его успокоились. Ла Дианора никогда не подводила его; играй на ней хорошо, и она будет петь. В гулком артистическом фойе голос ее зазвучал так тепло и сочно, что к Лоренцо повернулись другие музыканты.

– Пирелли и Гайда! – выкрикнул синьор Альфьери. – Вы первые. На сцену.

Все смолкли, а первая пара конкурсантов взяла инструменты и поспешила вверх по лестнице.

Лоренцо, обнимая Ла Дианору, воспринимал тепло дерева, как тепло человеческой плоти. Он посмотрел на Лауру, но ту полностью захватил

звук приветственных аплодисментов сверху. Потом раздались первые тихие звуки виолончели, голос которой эхом разнесся по деревянной сцене. Лаура внимательно слушала музыку, устремив взгляд вверх, ее губы скривились в улыбке, когда прозвучала явно фальшивая нота. Она жаждала победы не меньше, чем он. Судя по неуверенной игре первого дуэта, они с Лаурой не могут проиграть. Лоренцо постучал пальцами по грифу – ему не терпелось выйти на сцену.

Первая пара закончила играть, и до них снова донеслись аплодисменты.

– Мы следующие. Идем, – сказала Лаура.

– Стойте! – прокричал синьор Альфьери, когда они направились к лестнице. – Вам туда нельзя! Вас нет в программе!

– Не обращай на него внимания, – велела Лаура.

– Синьорина Бальбони, я требую, чтобы вы немедленно остановились!

Первый дуэт уже был за кулисами. Лаура и Лоренцо прошли мимо них и оказались на сцене в ярком свете прожекторов. Лоренцо ослепило, он даже не видел зала, только слышал отдельные хлопки, которые быстро смолкли, и они с Лаурой остались стоять в тишине под светом прожекторов. Никто из организаторов не представил их. Никто не назвал их имен.

Лаура подошла к стулу для виолончелиста, ее высокие каблочки процокали по деревянной сцене, она села, сдвинув стул, ножки которого шумно проскрежетали по полу, быстро поправила подол платья, вставила шпиль виолончели в державку. Подняв смычок, она посмотрела на Лоренцо и улыбнулась.

Он забыл, что на них глядят сотни людей. Сейчас он видел только Лауру, а она – только его.

Лоренцо поднимал смычок, не отрывая от нее глаз, и она тоже смотрела на него. Они так хорошо чувствовали друг друга, им не потребовалось ни слова, ни кивка, чтобы дать счет. Они чутьем музыканта знали точное мгновение, когда их смычки одновременно коснутся струн. Этот мир принадлежал им, и только им, прожектора были их солнцем, они говорили на языке соль мажор, их ноты звучали в такой поразительной гармонии, что казалось, будто и сердца их бьются в унисон. Смычки извлекли из инструментов последнюю ноту, но музыканты не оторвали друг от друга взгляда, даже когда звук замер и наступила тишина.

Раздались одинокие хлопки. Потом к ним добавились другие, и еще, и еще, а потом разразился легко узнаваемый громкий голос профессора Бальбони: «Браво! Браво!»

Они, смеясь, обнялись в свете софитов, головы у них кружились от безупречного выступления. Они все еще смеялись, спускаясь со своими инструментами по лестнице, успех опьянил их, и они даже не обратили внимания на тишину, царившую в артистическом фойе, где ожидали своей очереди другие конкурсанты.

– Синьорина Бальбони. – Перед ними появился синьор Альфьери с побелевшим от ярости лицом. – Вы с вашим напарником должны немедленно покинуть здание.

– Почему? – спросила Лаура.

– Таково категорическое требование комитета.

– Но еще не названы победители.

– Вы не являетесь официальными участниками. Вы не можете победить.

– Вы только что слышали наше выступление, – сказал Лоренцо. – Его все слышали. Не станете же вы делать вид, будто его не было.

– Официально его не было. – Альфьери сунул лист бумаги в лицо Лоренцо. – Здесь новые правила, вчера их утвердил комитет. После сентябрьского декрета ваши соплеменники не могут поступать ни в этот, ни в какой-либо другой колледж. Поскольку конкурс спонсируется Ка-Фоскари, ваше участие в нем запрещено.

– Но я не еврейка, – сказала Лаура.

– Вы тоже исключены из числа участников, синьорина Бальбони.

– Просто потому, что мой напарник – еврей?

– Верно.

– В конкурсе нет скрипача, который мог бы сравниться с ним.

– Я всего лишь следую правилам.

– И вы их никогда не оспариваете.

– Правила есть правила. Вы их нарушили – без разрешения прошли на сцену. Такое поведение недопустимо. Вы оба должны немедленно покинуть здание.

– Мы не уйдем, – отрезала Лаура.

– Выведите их отсюда, – велел Альфьери двум мужчинам у него за спиной.

Лаура обратилась к конкурсантам, молча наблюдавшим за происходящим:

– Мы такие же музыканты, как и вы! Разве это справедливо? Вы же знаете, что нет!

Один из людей Альфьери схватил ее за руку и потащил к выходу.

Увидев, как грубая лапа сомкнулась на тонкой руке Лауры, Лоренцо

накинулся на мужчину, оттолкнул его к стене.

– Не смейте ее трогать!

– Животное! – прокричал Альфьери. – Вы видите – они же грязные животные!

Лоренцо почувствовал, как пальцы обхватили шею, его потащили к дверям спиной вниз, а на его живот обрушился кулак. Лаура кричала, требовала, чтобы прекратили избиение, но они все молотили по его ребрам, и он слышал отвратительный треск костей. Они волокли его к выходу, и на их пути падали на пол пюпитры.

Музыканта выкинули за дверь, и он упал лицом на холодную мостовую. Почувствовал, как кровь сочится из его губы, услышал, как хрипят его легкие, пытаясь вдохнуть воздух.

– О господи! Господи!

Лаура опустилась рядом с ним на колени, и когда перевернула его на спину, Лоренцо почувствовал ее волосы, шелковистые и ароматные, на своем лице.

– Это я во всем виновата: не нужно было спорить с ними! Прости, Лоренцо, прости.

– Не извиняйся, Лаура.

Он, кашляя, сел, улица кувыркнулась перед его глазами. Он увидел, как его чернильно-черная кровь капает на белую рубашку.

– Никогда не извиняйся за правильные поступки.

– Возражала им я, а наказание досталось тебе. Какая я глупая. Мне легко протестовать, я ведь не еврейка.

Справедливость ее слов поразила его, точно новый удар, пришедшийся прямо в сердце. Она не еврейка, и эта пропасть между ними никогда не казалась ему такой широкой, как сейчас. Он сидел, кровь сочилась по подбородку, теплая, как слезы, и он хотел, чтобы Лаура ушла. Просто ушла.

Дверь открылась, и он услышал осторожные шаги, потом увидел одного из музыкантов.

– Я принес ваши инструменты, – сказал молодой человек, осторожно опуская на мостовую футляры с виолончелью и скрипкой. – Не хотел, чтобы они пропали.

– Спасибо, – поблагодарила его Лаура.

Молодой человек пошел назад к двери, но остановился и повернулся к ним:

– Они нехорошо поступают. Ужасно несправедливо. Но что я могу сделать? Что может сделать любой из нас?

Он вздохнул и пошел дальше.

– Трус, – бросила ему вслед Лаура.

– Но он прав.

Лоренцо с трудом поднялся на ноги и несколько секунд стоял, стараясь побороть головокружение. В голове прояснилось, и он увидел реальность с душераздирающей четкостью. Вот каким стал теперь мир. Лаура отказывалась признавать это, но он видел мучительную правду.

Он взял свою скрипку:

– Я иду домой.

– Тебя избили. – Она прикоснулась пальцами к его руке. – Позволь мне проводить тебя.

– Нет, Лаура. – Он оттолкнул ее руку. – Нет.

– Я только хочу тебе помочь.

– Ты не должна вступать в мою войну. А то и тебе достанется. – Он горько усмехнулся. – А меня того и гляди убьют.

– Я такого и представить себе не могла, – сказала она треснувшим голосом. – Я вправду думала, что мы сегодня победим.

– Мы не могли не победить. На той сцене нам нет равных. Но я лишил тебя всех шансов на победу. Я украл ее у тебя, Лаура. Я не допущу, чтобы такое повторилось.

– Лоренцо, – окликнула она его, когда он двинулся прочь.

Он не остановился. Он шел, так крепко сжимая скрипку, что пальцы онемели. Он завернул за угол, все еще слыша эхо ее голоса, отдающееся от стен здания, – звук его имени, разлетающийся на горькие обрывки.

Дома Лоренцо никого не нашел – родные еще не вернулись с конкурса. Он стянул с себя испачканную рубашку, вымыл лицо. Красноватая вода стекла в раковину, и он уставился в зеркало: лицо распухло и стало похоже на лиловый воздушный шарик. Вот следствие сопротивления, подумал он, а Лаура была свидетелем его унижения. Она видела его поражение, его бессилие. Он склонил голову, сжал пальцы в кулаки, сплюнул кровавую слюну в раковину.

– Ну, теперь ты понял, как изменился мир, – сказал Марко.

Лоренцо посмотрел на отражение старшего брата, стоявшего у него за спиной.

– Оставь меня.

– Я твержу это несколько месяцев, но ты меня не слушаешь. Ни папа, ни дедушка – никто не хочет слушать. Никто мне не верит.

– Даже поверь мы тебе, что бы мы могли сделать?

– Сопротивляться.

Лоренцо посмотрел на Марко:

– Ты думаешь, я не пытался?

– Ну и сопротивление! – фыркнул Марко. – Ты жил в мире фантазий, брат. Все последние месяцы я указывал тебе на тенденции, но ты ничего не хотел видеть. Ты предавался своим маленьким романтическим снам наяву. Ты и Лаура Бальбони? Неужели ты и вправду думаешь, из этого что-то может получиться?

– Заткнись.

– Да, она красавица – никто не спорит. Я вижу твою увлеченность. Может быть, ты ей тоже небезразличен. Ты, наверное, надеялся, что наши семьи одобряют ваш брак.

– Заткнись!

– На тот случай, если ты невнимательно меня слушал, я повторю: такие браки скоро будут объявлены незаконными. Ты не видел последний бюллетень Большого совета?^[10] Они готовят новый закон, запрещающий смешанные браки. Столько перемен, а ты ни сном ни духом. Мир вокруг нас рушится, а ты мечтаешь о музыке и Лауре. Если она тебе и вправду небезразлична, ты должен ее забыть. Иначе это кончится трагедией для вас обоих. – Марко положил твердую руку на его плечо. – Прояви благоразумие. Оставь ее.

Лоренцо отер слезы, внезапно затуманившие взгляд. Его подмывало стряхнуть с плеча руку Марко, послать его к черту, меньше всего хотелось ему сейчас выслушивать «благоразумные» советы. Но он не мог не почувствовать справедливость слов брата. Лаура стала для него недоступна. Все стало для него недоступно.

– У нас есть выход, – тихо сказал Марко.

– Ты о чем?

Голос Марко зазвучал еще тише:

– Мы должны уехать из Италии. Другие семьи уезжают, ты слышал Бальбони. Мы должны эмигрировать.

– Папа никогда не уедет.

– Тогда нужно ехать без него. Оставить всех. Они погрязли в прошлом и никогда не изменятся. Но мы с тобой могли бы вместе уехать в Испанию.

– И бросить их здесь? Ты сможешь проститься с мамой и Пией, уехать и не оглянуться? – Лоренцо отрицательно покачал головой. – Да как тебе такие мысли в голову приходят?

– Не исключено, что нам так и придется поступить. Если не останется иного выбора, если они не захотят увидеть неизбежное.

– Я никогда не пойду на... – Он замолчал, услышав, как хлопнула дверь.

Потом раздался голос сестры:

– Лоренцо? Лоренцо? – Вбежала Пия и обхватила его руками. – Нам рассказали, что с тобой случилось. Мой бедный братик. Ну почему они такие подлые? Тебе больно? Ничего не сломали?

– Все хорошо, сестренка. Пока ты рядом, пока ты заботишься обо мне, все хорошо.

Он обнял девочку, прижал к груди ее голову, поймал взгляд брата.

«Посмотри на нее, Марко. Неужели ты уедешь из Италии без нее? Неужели ты оставишь нашу сестренку?»

Врачебные приемные и снова врачебные приемные – вот наша жизнь с того дня, когда дочь поранила меня стеклом: мы с Лили высиживаем в приемных у врачей, ждем, когда медсестра вызовет нас. Сначала мы съездили к ее педиатру доктору Черри, и он, казалось, расстроился, узнав, что, возможно, пропустил серьезное мозговое нарушение. Потом, днем, мы поехали к доктору Салазару – детскому неврологу; он задает мне вопросы, которые я уже слышала сто раз. Не случались ли у Лили фебрильные судороги? Не теряла ли когда-нибудь Лили сознания? Были ли у нее травмы или ушибы головы? Нет, нет и нет. Хотя я и вздыхаю с облегчением, не слыша от него предложений обратиться к психиатру, но теперь я боюсь еще более пугающей вероятности: болезни мозга у моей дочери. Отчего она дважды съезжала с катушек. Ей всего три года, а она уже убила нашего кота и вонзила осколок стекла мне в ногу. Что с ней будет в восемнадцать?

Доктор Салазар назначает несколько новых анализов, и нам приходится сидеть в других приемных. Лили делают рентгенограмму, которая ничего не выявляет, анализы крови, которые тоже показывают норму, и, наконец, электроэнцефалограмму.

Она неокончательная.

– ЭЭГ иногда может не выявить дефектные очаги, если аномальные электрические импульсы охватывают только подкорковые области, – говорит мне доктор Салазар, когда я прихожу в его кабинет в пятницу ближе к вечеру.

День был долгий, и я с трудом воспринимаю объяснения доктора. Я вовсе не глупая женщина, но... черт меня побери, если я поняла хоть слово. Лили с Вэл сидят в приемной, я слышу, как дочь зовет меня, и тут уже совсем отчаиваюсь сосредоточиться. Меня раздражает, что Роба нет здесь со мной, и голова все еще болит после удара о журнальный столик. Нет, доктор положительно не хочет говорить на доступном английском.

Он морочит меня словами из какого-то другого языка. Дефекты нервно-психического развития в виде гетеротропного серого вещества. Методики нейровизуализации. Электрическая активность коры головного мозга. Комплексные парциальные припадки.

Последнее слово выпрыгивает и мгновенно смыкает на мне свои

челюсти. Припадки.

– Пойдите, – перебиваю его я. – Вы хотите сказать, у Лили эпилепсия?

– Хотя ее ЭЭГ вроде бы не показывает отклонений от нормы, не исключается вероятность, что оба происшествия стали проявлениями определенного типа эпилепсии.

– Но у нее никогда не случалось никаких припадков. Я, по крайней мере, ничего такого не замечала.

– Я говорю не о классических тонико-клонических судорогах, когда вы падаете и у вас сотрясаются конечности. Нет, проявлением эпилепсии может быть ее поведение. Мы такое поведение называем комплексными парциальными припадками, поскольку человек во время приступа вроде бы не теряет сознания и даже иногда совершает сложные действия. Например, повторяет одну и ту же фразу. Или же ходит кругами, или же поправляет на себе одежду.

– Или вонзает в кого-нибудь осколок стекла.

– Да, – сказал он после паузы. – Это можно считать сложным продолжительным действием.

Внезапно воспоминание обрушивается на меня: кровь струится по моей ноге, голос ровный, механический.

– Мамочке сделать бо-бо, – бормочу я.

– Простите?

– Она вонзила в меня кусок стекла, все время повторяя три слова: «Мамочке сделать бо-бо».

Он кивнул:

– Это безусловно попадает в категорию повторяющихся действий. Такие пациенты совершенно не воспринимают окружающую среду, а потому могут попадать в опасные ситуации. Известны случаи неожиданного появления подобных больных на проезжей части или выпадения из окна. А когда приступ заканчивается, они не помнят, что с ними происходило. Провал в памяти, который они не могут объяснить.

– Значит, она себя не контролирует? И у нее нет намерений причинить кому-нибудь боль?

– Верно. Если это и в самом деле припадки.

Странно, но я испытываю облегчение, узнав возможный диагноз дочери – эпилепсия. Да, именно облегчение я чувствую теперь, поскольку начинаю понимать события ужасных последних недель. Эпилепсия означает, что Лили не отвечает за свои поступки. Она по-прежнему моя сладкая дочурка, которую я всегда любила, и можно ее не бояться.

– Эта болезнь излечима? – спрашиваю я. – Против нее есть средство?

– Скажем так: нет средства, но ее приступы можно контролировать, и у нас есть большой выбор противосудорожных препаратов. Однако давайте не будем опережать события. Я пока не уверен, установили ли мы причину ее поведения. Я хочу провести еще один анализ. Сделать магнитоэнцефалографию, или, короче, МЭГ. Для измерения магнитных полей в мозгу.

– А разве ЭЭГ делает не то же самое?

– МЭГ – гораздо более чувствительна к дефектам, которых не фиксирует ЭЭГ, потому что они находятся глубоко в складках мозга. Для проведения МЭГ пациента сажают в кресло, а на голову надевают подобие шлема. Даже если она будет немного двигаться, мы все равно сможем записать электрические токи. Мы станем воздействовать на нее несколькими стимуляторами и посмотрим, не изменяют ли они активность мозга.

– Какими стимуляторами?

– В случае с вашей дочерью мы применим слуховое воздействие. По вашим словам, в обоих случаях ее агрессивного поведения вы играли одну и ту же скрипичную композицию. А в ней ноты очень высокого диапазона.

– Вы считаете, причиной ее приступов стала музыка?

– Теоретически такое не исключено. Известны случаи, когда приступы были вызваны визуальным воздействием. Например, мигающим светом или повторяющимися вспышками. Может быть, мозг Лили чувствителен к нотам определенных частот или в определенном сочетании. Мы дадим ей прослушать вашу музыку через наушники и будем наблюдать за электрической активностью ее мозга. Посмотрим, не вызовет ли у нее музыка такого же агрессивного поведения.

Его предложение кажется мне абсолютно логичным, и я, конечно, с ним абсолютно согласна. Но тогда кто-то должен записать «Incendio», а меня при мысли о том, что я буду играть эту музыку, мороз подирает по коже. Теперь этот вальс ассоциируется с кровью, с болью, и я больше не хочу его слышать.

– Я назначу МЭГ на следующую среду. Запись должна быть готова заранее, – говорит он.

– Никакой звуковой записи нет. По крайней мере... я думаю, ее не существует. У меня есть нотная запись от руки – я купила ее в антикварном магазине.

– Тогда почему бы вам самой не записать его? А мне можете переслать цифровой файл.

– Я не могу. Я хочу сказать... – Я делаю глубокий вдох. – Я его еще не

освоила. Вещь довольно трудная. Но могу попросить мою подругу Герду записать ее. Она первая скрипка в нашем квартете.

– Отлично. Попросите ее переслать мне файл ко вторнику. А дочку привозите в больницу в следующую среду в восемь утра. – Он улыбается, закрывая медицинскую карту Лили. – Я знаю, вы пережили несколько трудных недель, миссис Ансделл. Надеюсь, МЭГ даст нам ответ.

10

На сей раз Роб тоже едет к доктору, что почему-то раздражает меня. Прежде я одна ездила повсюду, всюду ждала, таскала Лили по приемным и лабораториям. И только теперь, когда наступил решающий день, Роб наконец-то соизволил поехать с нами. Лаборант уводит нашу дочь на МЭГ, и мы с Робом в приемной садимся на жуткого вида диван, обитый клетчатой материей. Хотя мы сидим рядом, за руки не держимся, даже не прикасаемся друг к другу. Я открываю один из женских журналов, лежащих на столике, но нервы шалют, и читать я не могу, а потому бессмысленно листаю глянцевые страницы с кожаными бумажниками, высокими каблуками и красотками с идеальной кожей, по которой скатываются капли росы.

– По крайней мере, теперь мы имеем дело с чем-то, поддающимся лечению, – говорит Роб. – Если одно противосудорожное средство не подействует, попробуем другое.

Он, конечно, посмотрел, какие имеются лекарства. Мой муж собрал множество распечаток по лекарствам против эпилепсии, их дозировкам и побочным эффектам. Теперь, когда у него есть название для болезни Лили, он готов бороться с недугом, как любой человек действия.

– А если препараты не помогут, мы попробуем нейрохирургические процедуры, – добавляет он, словно это какая-то утешительная новость.

– Ей еще не поставили диагноз, – отрезаю я. – Не надо говорить об операции.

– Ты права. Извини. – По крайней мере, теперь он берет меня за руку. – Ты не больна, Джулия?

– Не я здесь пациент. Почему ты спрашиваешь?

– Доктор Черри сказал, что, когда болен ребенок, болеет вся семья. Я знаю, тебе досталось в последние дни.

– А тебе – нет?

– Основная тяжесть легла на тебя. Ты ночами не спишь, почти ничего

не ешь. Может, тебе побеседовать с кем-нибудь? Майкл порекомендовал одного психиатра, женщину, которая специализируется...

– Постой. Ты говорил обо мне с кем-то на работе?

Он пожимает плечами:

– Просто разговаривали. Майкл спросил, как вы с Лили поживаете.

– Я надеюсь, ты не посвятил его во все унижительные детали. – Я выдергиваю свою руку из его и тру голову, которая разболелась от нашего разговора. – Значит, твои коллеги считают, мне нужен мозгоправ?

– Джулия. – Он вздыхает и обнимает меня за плечи. – Все будет хорошо. Что бы ни случилось, что бы ни показал сегодняшней тест, мы все переживем вместе.

Дверь открывается, мы оба поднимаем головы и видим доктора Салазара, который выходит в приемную.

– Лили идеальный маленький пациент, – улыбается он. – Пока лаборант развлекает ее игрушками, давайте поговорим о результатах.

Он садится перед нами, и я пытаюсь прочесть выражение его лица, но вижу только вкрадчивую улыбку. Я понятия не имею, что он собирается нам сказать.

– Во время записи мы стимулировали ее разными способами, как визуальными, так и слуховыми. Мигающим светом, различными акустическими тонами. Громкими и тихими, высоко- и низкочастотными. Ничто не вызывало у нее судорожной активности. Ее мозг, судя по всему, обрабатывает информацию и реагирует совершенно нормально.

– Вы хотите сказать, у нее нет эпилепсии?

– Верно. Об этом говорят полученные результаты.

Я будто несусь на очередной бугор «русских горок», от которого захватывает дух. Я уже смирилась с тем, что поведение Лили объясняется эпилепсией, а теперь у меня нет никаких объяснений, а это даже хуже эпилепсии, так как мне снова возвращают дочь, склонную убивать котов и калечить мать. Маленького монстра, который вонзает мне в ногу осколок стекла, напевая: «Мамочке сделать бо-бо. Мамочке сделать бо-бо».

– В данный момент я не вижу оснований для дальнейшего тестирования, – говорит доктор Салазар. – Я считаю Лили абсолютно нормальным ребенком.

– Но как быть с ее поведением? – спрашиваю я.

Да-да, задаю тот самый докучливый вопрос, который и привел нас сюда.

– Теперь, когда мы убедились в отсутствии неврологических аномалий, вам следует обратиться к детскому психиатру, – говорит доктор

Салазар. – Она еще очень мала, но ее поведение может быть показательным даже в таком нежном возрасте.

– А вы все опробовали во время теста? Вы проигрывали ей вальс? Герда ведь отправила вам запись.

– Да, проигрывали. Кстати, очаровательная вещица, очень запоминающаяся. Мы три раза дали ей прослушать запись через наушники. Отметим только возросшую электрическую активность в правой области префронтальной коры и в теменной коре.

– И что это значит?

– Области мозга, о которых я сказал, насколько нам известно, отвечают за долговременную слуховую память. Если вы слышите что-то в первый раз – например, случайный набор звуков, – то помните его только несколько секунд. Но если вы слышите его многократно или если он имеет для вас какой-то особый смысл, то он многократно проходит через гиппокамп и лимбическую систему. К нему прикрепляются эмоциональные метки, и в таком виде он запоминается в коре головного мозга. Поскольку вальс находится в долговременной памяти Лили, она определенно много раз слышала его прежде.

– Она его не слышала. – Я недоуменно перевожу взгляд с Роба на доктора Салазара и назад. – Она слышала его всего два раза.

– Плод даже в материнском чреве слышит голоса и музыку. Не исключено, что она слышала ваш вальс, когда вы играли его во время беременности.

– Ноты появились у меня всего несколько недель назад.

– Значит, она слышала его где-то в другом месте. Может быть, в детском садике?

– Этот вальс не публиковался. – Мое волнение нарастает, а доктор Салазар и Роб, кажется, все больше успокаиваются, отчего я схожу с ума. – Мне неизвестны какие-либо его записи. Он не мог оказаться в ее долговременной памяти.

Доктор Салазар похлопывает меня по руке.

– У вас нет повода для беспокойства, миссис Ансделл, – говорит он успокаивающим голосом доктора, имеющего ответы на все вопросы. – Вы профессиональный музыкант, поэтому вы, видимо, воспринимаете звуки иначе, чем другие люди. Если я проиграю для вас мелодию, вы наверняка сразу ее запомните. Может быть, вы будете ее помнить и через месяц: ваш мозг отправляет ее прямо в долговременную память. Похоже, вы передали ваш необыкновенный дар дочери. Кроме того, не забывайте: у вашего мужа математический склад ума.

Доктор Салазар переводит взгляд на Роба:

– Математические и музыкальные способности, видимо, крепко связаны в мозгу. Дети, которые научаются читать музыку и играть на музыкальных инструментах в раннем возрасте, нередко имеют и математические наклонности. Ваши гены, мистер Анделл, видимо, тут тоже работают.

– Мне это кажется абсолютно логичным, – соглашается Роб.

– Я читал биографию Моцарта – ему достаточно было один раз прослушать какую-нибудь вещь, чтобы записать ее от начала и до конца. Вот что такое истинный музыкальный талант, и у вашей дочери определенно есть способности. Как и у вас.

– Тогда моя дочь не похожа на меня. Если я и могу напеть первые такты мелодии, то всю вещь я, конечно, не запомню. А в долговременной памяти моей трехлетней дочери вальс каким-то образом успел обосноваться. В старой памяти.

У нас в семье маленький Моцарт – с такой мыслью Роб покидает доктора Салазара, по пути домой он улыбается. Вместо дочери-эпилептики у нас золотоволосый музыкальный гений. Роб начисто забыл о причине, которая привела нас к неврологу, и о том, как начался мой тур по врачам, рентген-кабинетам, тестам ЭЭГ. У него нет тех мучительных напоминаний, что преследуют меня: тупой головной боли от удара о журнальный столик, заживающей раны на ноге, которая все еще пульсирует, хотя швы уже сняли. Роб уже думает о своей гениальной дочери, он забыл о вопросе, на который так никто пока и не ответил: почему моя дочь напала на меня?

Когда мы подъезжаем к дому, Лили спит; Роб поднимает ее с сиденья и несет наверх в ее спальню, а она даже не моргает. Я тоже без сил и, когда Роб уезжает на работу, вытягиваюсь на кровати, собираясь вздремнуть. Но стоит мне закрыть глаза, как я вижу лицо Лили, которое так похоже на мое. Одно ее лицо – и больше ничего.

И еще оно похоже на лицо моей матери. Матери, которую я не помню. Матери, про которую никто не хочет со мной говорить.

Если верить тетушке Вэл, моя мать была талантливым музыкантом, она пела и играла на пианино. Мой отец точно не имел никакого отношения к музыке. Если пел, то фальшивил, не мог прочесть ни одной ноты, не мог выдерживать ритм. Если музыкальный талант передается по наследству, то я унаследовала его от матери, а через меня гены передались Лили. Какие еще свойства я, сама того не ведая, передала дочери?

Просыпаюсь и вижу: солнце уже опустилось за деревья и в комнате

стоят сумерки. Сколько я проспала? Я знаю, Роб уже вернулся с работы, – слышу, как закрывается на кухне дверца шкафчика. Вероятно, он приехал, увидел, что я сплю, и решил приготовить ужин.

Я, сонная, вылезая из кровати и кричу от двери:

– Роб, в холодильнике свиные отбивные размораживаются. Ты их нашел?

Слышу звяканье кастрюльных крышек внизу.

Зевая, я начинаю спускаться по лестнице и кричу:

– Я проснулась. Приготовлю сама. Тебе нет нужды...

Но внезапно нога подгибается. Я пытаюсь ухватиться за перила, но внизу передо мной словно разверзается бездна, и я лечу в ее пасть, падаю, соскальзываю.

Открываю глаза: я лежу у подножия лестницы. Я могу шевелить ногами и руками, но, когда пытаюсь повернуться, боль пронзает мой правый бок, боль, острая как игла. Я падаю на спину и чувствую, как что-то выкатывается из-под моей ноги и отлетает по деревянному полу. Что-то маленькое розовое, оно ударяется о стену в нескольких футах от меня.

Пластиковая машинка. Игрушечная.

– Роб! – кричу я.

Он должен был слышать, как я грохнулась с лестницы. Почему он не отвечает? Почему не выходит из кухни?

– Помоги мне, Роб. Помоги...

Но из кухни появляется вовсе не Роб.

Лили подходит к игрушечной машинке, поднимает ее и разглядывает бесстрастным взглядом ученого, изучающего результаты неудавшегося эксперимента.

– Ты, – шепчу я. – Ты это сделала.

Она смотрит на меня.

– Пора вставать, мамочка, – говорит она и уходит на кухню.

11

– Она специально поставила игрушечную машинку на вторую ступеньку, где я просто не могла на нее не наступить. Потом она стала шуметь на кухне, чтобы меня разбудить, и я пошла вниз. Она хотела, чтобы я упала.

Мой муж изо всех сил старается сохранять нейтральное выражение лица. Он сидит у нашей кровати, на которой я, с затуманенной викиодином

головой полулежу, подсунув под спину подушки. Костей я не поломала, но спину будто перетянули болью, и я шевельнуться не могу без того, чтобы по моим мышцам не прошли новые судороги. Он не смотрит на меня, его глаза прикованы к одеялу, он словно боится встретиться со мной взглядом. Я знаю, сколь абсурдными кажутся слова о том, что трехлетняя девочка намеревалась меня убить, но болеутоляющие таблетки ослабили все связи в моем мозгу, и вокруг меня, словно рой ядовитой мошки, витает целый сонм вероятностей.

Лили внизу с моей тетушкой Вэл, и я слышу голос дочери:

– Мамочка? Мамочка, иди поиграй с нами!

Моя дорогая доченька. Меня дрожь пробирает от ее голоса.

Роб издает встревоженный вздох:

– Я запишу тебя к врачу, Джулия. У нее прекрасная репутация. Думаю, она тебе не навредит.

– Не нужен мне никакой психиатр.

– Но ты должна показаться кому-нибудь.

– Наша дочь пытается меня убить. Психиатр нужен не мне.

– Она не пытается тебя убить. Ей всего три года.

– Тебя здесь не было, Роб. Ты не видел, как она разглядывала игрушечную машинку. Она словно пыталась понять, почему та не сработала. Почему не убила меня.

– Ты слышишь, как она зовет тебя? Наш с тобой ребенок, которому ты нужна. Она тебя любит.

– С ней что-то случилось. Она стала другая. Она уже не прежний ребенок.

Он пересаживается на кровать и берет меня за руку:

– Джулия, ты помнишь день, когда она родилась? Помнишь, как ты плакала от счастья? Ты говорила, какая она идеальная, не желала отдавать ее медсестре, потому что не могла без нее.

Я наклоняю голову, чтобы скрыть слезы, стекающие по щекам. Да, я помню, как плакала от радости. Я помню свои мысли: я в пропасть брошусь, чтобы спасти мою детку.

Он гладит мои волосы:

– Она наша маленькая девочка, Джулия, и ты ее любишь. Я знаю – любишь.

– Девочка изменилась. Превратилась во что-то другое.

– В тебе говорит болеутоляющее. Попробуй-ка уснуть. Когда проснешься, сама не поверишь, что произносила эти слова.

– Я же вижу – у меня был не такой ребенок. Она изменилась с того

времени...

Я поднимаю голову, и сквозь викодиновый туман воспоминания начинают обретать более отчетливую форму. Жаркий и душный день. Лили сидит в патио. Мой смычок скользит по струнам скрипки.

Вот когда все изменилось. Вот когда начался кошмар – когда я впервые играла «Incendio».

Моя подружка Герда живет в конце тихой улочки в пригороде Бостона Милтоне. Я сворачиваю на подъездную дорожку и вижу ее соломенную шляпу,двигающуюся среди цветистых джунглей дельфиниумов; она замечает меня и легко поднимается на ноги. Седоволосая Герда в свои шестьдесят пять подвижна, как подросток. Может, мне тоже заняться йогой, думаю я, пока она идет ко мне, стягивая с рук садовые перчатки. Она в два раза старше меня, но сегодня я, с негнущейся спиной, чувствую себя старухой.

– Извини, опоздала, – говорю я. – Нужно было заехать на почту, а там очередь аж на улице.

– Ну, ты приехала, и это главное. Идем, я приготовила свежий лимонад.

Мы входим в захлавленную кухню, где с потолочных балок свешиваются пучки пахучих трав. На холодильнике пристроилось старое птичье гнездо – она нашла его где-то, оставленное хозяевами, а на подоконнике – пыльная коллекция морских ракушек и речных камушков. Роб назвал все это чрезвычайной ситуацией, но мне неаккуратные эксцентричные штрихи дома Герды кажутся странным образом притягательными.

Герда вытаскивает из холодильника графин с лимонадом.

– Ты принесла письмо от хозяина магазина?

Я достаю из наплечной сумочки конверт:

– Десять дней назад его отправили из Рима. Написано его внучкой.

Пока я потягиваю лимонад, Герда надевает очки и читает письмо вслух:

Уважаемая миссис Ансделл, я пишу вам по просьбе моего деда Стефано Падроне, который не знает английского. Я показала ему присланные вами ксерокопии, и он вспомнил, да, он продал вам ноты цыганских мелодий. Он говорит, что приобрел их несколько лет назад вместе с другими вещами на распродаже из дома человека по имени Джованни Капобьянко в коммуне

Касперия. У него нет никаких сведений об «Incendio», но он спросит у семьи Капобьянко, не знают ли они композитора или откуда взялся интересующий вас листок.

С наилучшими пожеланиями

Анна Мария Падроне.

– Других новостей после этого письма не поступало, – говорю я Герде. – Я три раза звонила в антикварный магазин и оставляла послания на автоответчике. На звонки никто не отвечает.

– Может, он уехал в отпуск. Или не имел возможности поговорить с семьей Капобьянко. – Герда поднимается. – Идем-ка посмотрим еще раз на твой вальс.

Мы заходим в захлавленную репетиционную комнату, где стоит кабинетный рояль, едва оставляющий место для книжного шкафа, двух стульев и журнального столика. На полу лежат кипы нот, словно сталагмиты в пещере. На пюпитре – копия «Incendio», которую я отсканировала и переправила Герде по электронной почте три недели назад, чтобы та записала вальс для неврологического теста Лили. Всего две странички бумаги, испещренные нотами, но я чувствую скрытую в них силу – словно в любую минуту они могут загореться или подняться в воздух.

– Вальс великолепный, но чертовски трудный, – говорит Герда, усаживаясь перед пюпитром. – Мне потребовалось несколько часов, чтобы освоить арпеджио и попасть на высокие ноты.

– У меня так ничего и не получилось, – признаю я, чувствуя себя подтверждением всех дурных шуток о вторых скрипках.

Вопрос: сколько нужно вторых скрипок, чтобы ввинтить лампочку?
Ответ: так высоко они никогда не поднимаются.

Герда вытаскивает скрипку из футляра.

– Тут вот в чем хитрость: чтобы сыграть этот пассаж, нужно перейти в пятую позицию на такт раньше.

Она демонстрирует мне, как нужно играть, и звуки срываются со струны *ми* с сумасшедшей скоростью.

– Не обязательно играть сейчас, – останавливаю я ее.

– И тогда вторую часть играть гораздо легче. Послушай.

– Пожалуйста, перестань!

Я сама потрясена пронзительностью моего голоса. Набираю в легкие побольше воздуха и говорю спокойным тоном:

– Ты мне лучше расскажи, что тебе удалось узнать.

Герда, нахмурившись, кладет скрипку:

– Что с тобой?

– Извини. У меня голова от этого вальса начинает болеть. Давай просто поговорим о музыке?

– Хорошо. Но сначала позволь мне взглянуть на оригинал.

Я вытаскиваю из сумочки книгу с цыганскими мелодиями и раскрываю на той странице, куда засунула листок с «Incendio». Мне даже не хочется прикасаться к нему, а потому я протягиваю Герде всю книгу.

Она вытаскивает пожелтевший листок с вальсом, разглядывает его с одной, с другой стороны.

– Написано карандашом. Обычная писчая нотная бумага, похоже довольно хрупкая. Водяных знаков я не вижу, ничто не указывает на страну происхождения, кроме названия и имени композитора – Л. Тодеско.

Герда поднимает на меня глаза:

– Я поискала фамилию Тодеско в Интернете – музыки композитора с такой фамилией не обнаружила. – Она прищуривается, разглядывая страничку. – Так, вот что интересно. На другой стороне есть несколько полустертых нот, поверх которых написаны другие. Похоже, четыре такта вот здесь редактировались.

– Значит, он не просто копировал ноты из оригинала.

– Нет, изменения достаточно кардинальные, тут не просто правка. Видимо, перед нами оригинал, в который потом вносились изменения. – Она смотрит на меня поверх очков. – Знаешь, вероятно, у нас единственный экземпляр – других просто нет. Ведь звукозаписи не существует.

– Откуда ты знаешь?

– Я послала копию Полу Фронличу в консерваторию. Он пропустил ее через все программы распознавания музыки, сравнил со всеми имеющимися записями. Никаких аналогов не обнаружено. Он считает, твой вальс никогда не записывался, а никакой другой музыки, сочиненной Л. Тодеско, он не нашел. Происхождение твоих нот – великая тайна.

– А книга цыганских мелодий? Я нашла листок с «Incendio» между страниц. Вероятно, владелец был один. Не исключено, что эта книга принадлежала тому же Л. Тодеско.

Она раскрывает рассыпающийся томик с мелодиями. На обложке крест из отклеивающегося скотча, только он, кажется, ее и удерживает. Герда осторожно открывает страницу с копирайтом.

– Издатель итальянский. Год выпуска – тысяча девятьсот двадцать

первый.

– На задней стороне обложки что-то есть.

Герда переворачивает книгу и читает выцветшие слова, написанные синими чернилами: «11 Calle del Forno, Venezia».

– Адрес в Венеции.

– Может быть, адрес композитора?

– В любом случае поиск нужно начинать оттуда. Составим список всех, кто жил по этому адресу с двадцать первого года. – Герда возвращается к двум листочкам, закрепленным на пюпитре. – «Incendio». «Огонь». Интересно, какой огонь здесь имеется в виду.

Она берет инструмент и, прежде чем я успеваю ее остановить, начинает играть. С первыми звуками скрипки я чувствую, как во мне поднимается волна паники. Пальцы начинает пощипывать, электрическое напряжение нарастает с каждой нотой, и вот уже мне начинает казаться – визжит не скрипка, а мои нервы. Я уже готова выхватить у Герды смычок, когда она резко прекращает играть и впивается взглядом в ноты.

– Любовь, – бормочет она.

– А?

– Неужели ты не слышишь? Тут страсть, мука. В первых шести тактах, где вводная мелодия, такая печаль и тоска. Потом, в шестнадцатом такте, сила чувства возрастает. Регистр повышается, ноты ускоряются. Я почти чувствую отчаяние разлученных любовников. – Герда смотрит на меня. – «Incendio». Я думаю, это огонь любви.

– О черт, – тихо говорю я, потирая виски. – Пожалуйста, не играй больше. Я не вынесу.

Она кладет скрипку.

– Тут ведь дело не в музыке. Что с тобой происходит, Джулия?

– Нет, тут дело как раз в музыке.

– Ты в последнее время стала рассеянная. Пропустила две репетиции подряд. – Она делает паузу. – У тебя с Робом нелады?

Я не знаю, что сказать, а потому несколько минут не говорю ничего. В доме Герды так тихо. Она живет одна, ни мужа, ни детей у нее нет, отвечает только перед самой собой, а я вынуждена делить дом с человеком, который считает меня сумасшедшей, и с дочерью, которая меня пугает.

– С Лили, – наконец признаю я. – У нее в последнее время проблемы.

– Какие проблемы?

– Помнишь, я порезала ногу и потребовалось накладывать швы?

– Ты говорила, это несчастный случай.

– Никакой не несчастный. – Я смотрю на нее. – Все устроила Лили.

– Как устроила?

– Вытащила осколок стекла из мусорного бачка и вонзила мне в ногу.

Герда недоуменно смотрит на меня:

– Лили?

Я оттираю слезы:

– А в тот день, когда я упала, тоже был никакой не несчастный случай. Она оставила игрушку на лестнице, а я на нее наступила. Мне никто не верит, но я знаю, она сделала это специально.

Делаю несколько быстрых вдохов, наконец мне удается взять себя в руки. Когда я снова начинаю говорить, голос мой звучит ровно. Покорно.

– Я больше не знаю, кто она. Она превратилась в кого-то другого. И все началось с того дня, когда я впервые играла вальс.

Любой другой сказал бы, что у меня бред, но Герда молчит. Она только слушает, ее молчание успокаивающее, не осуждающее.

– Мы возили ее на всякие медицинские исследования, и ей делали что-то вроде ЭЭГ – считывали мозговые волны. Когда ей дали прослушать вальс – ты его записала, – мозг ее реагировал так, будто он – вальс – находится в ее долговременной памяти. Словно она его уже слышала. Но ты говоришь, он никогда не записывался.

– Старые воспоминания, – бормочет Герда, она разглядывает ноты «Incendio», словно видит в музыке что-то не замеченное ею раньше. – Джулия, я знаю, мои слова покажутся тебе странными. Но меня в детском возрасте посещали воспоминания, которые я никак не могла объяснить. Родители приписывали их моему буйному воображению, но я помнила каменный домик с земляным полом. Поля пшеницы, колосья, раскачивающиеся на солнце. И еще я отчетливо помнила, как смотрю сверху на свои босые ноги – без одного пальца. Все это не имело никакого смысла, но как-то раз бабушка сказала, что меня посещают обрывки воспоминаний о том, кем я была когда-то. В прошлой жизни. – Герда смотрит на меня: – Ты считаешь, это глупости?

Я отрицательно покачиваю головой:

– Мне уже ничто не кажется глупостями.

– Бабушка говорила, что большинство людей не помнят своих прошлых жизней. Или же воспринимают такие воспоминания исключительно как фантазии. Но у маленьких детей разум еще открыт. Они еще имеют доступ к прежним воспоминаниям, хотя и не владеют языком, чтобы рассказать нам о них. Может быть, Лили поэтому так и реагирует на твой вальс – она, наверное, слышала его в прежней жизни.

Могу себе представить реакцию Роба на наш разговор. Он уже

подозревает меня в неуравновешенности, а если я начну говорить о прошлых жизнях, у него и последние сомнения исчезнут.

– Жаль, но другого решения твоей проблемы у меня нет, – говорит Герда.

– Не думаю, что тут вообще есть какое-то решение.

– Слушай, меня теперь разбирает настоящее любопытство. Если твой торговец антиквариатом в Риме не в силах нам помочь, может, мы сами попробуем найти композитора? Я буду играть на фестивале в Триесте – совсем рядом с Венецией. Я могла бы сделать вылазку в Венецию, на Калле-дель-Форно. Выяснить, жил ли там Л. Тодеско.

– Ты пойдешь на такие хлопоты ради меня?

– Ну, на такое мне не жалко времени, и потом, мне и самой занятно. Твой вальс великолепен, и я думаю, он никогда не публиковался. Будет здорово, если наш квартет запишет его первым. Мы должны убедиться, что права на него не защищены и юридически все чисто. Как видишь, у меня есть собственные эгоистические основания искать Л. Тодеско.

– Он, вероятно, давно уже умер.

– Вероятно. – Герда кидает жадный взгляд на ноты. – А если он еще жив?

Вернувшись домой от Герды, я вижу «форд-таурус» Вэл на нашей подъездной дорожке; в гараже уже стоит «лексус» Роба. Я не знаю, почему Роб так рано приехал с работы и почему они оба застывают в дверях, когда я захожу в дом. Знаю только, что ни один из них не улыбается.

– Где ты пропадала, черт подери? – спрашивает Роб.

– Ездил к Герде. Я же тебе говорила, что собираюсь к ней заехать.

– Ты хоть представляешь, который теперь час?

– А разве я обещала вернуться раньше? Не помню такого.

– Господи, Джулия, да что с тобой происходит?

Тут вмешивается моя тетушка:

– Роб, она наверняка была занята и потеряла счет времени. Тут не из-за чего сходить с ума.

– Не из-за чего? Да я уже в полицию звонить собирался!

Я трясусь головой в недоумении:

– Какого черта ты собирался звонить в полицию? Что я такого сделала?

– Мы тебя несколько часов пытались найти. Ты не появилась в садике, и мне позвонили на работу. Вэл пришлось ехать забирать Лили.

– Но у меня с собой мобильник – почему никто не позвонил?

– Мы тебе звонили, Джулия, – говорит Вэл. – Твой телефон переправляет звонки в голосовую почту.

– Значит, он сломался.

Я вытаскиваю телефон из сумочки и удивленно смотрю на экран. Да, вот они – все здесь, пропущенные и отправленные в голосовую почту. Из садика, от Роба, от Вэл.

– Наверное, что-то со звонком, – говорю я. – Может, я его случайно выключила. Или что-то с настройками.

– Джулия, ты все еще принимаешь викодин? – осторожно спрашивает Вэл.

– Нет-нет. Перестала несколько дней назад, – бормочу я, копаясь в меню телефона, пытаюсь понять, как случайно выключила звонок.

Пальцы у меня какие-то неловкие, я все время прикасаюсь не к той иконке. У меня случались такие ночные кошмары – я в отчаянии пытаюсь вызвать помощь по телефону, но все время набираю не тот номер. Но сейчас не ночной кошмар. Это происходит со мной в действительности.

– Прекрати, – говорит Роб. – Джулия, прекрати.

– Нет, нужно немедленно поменять настройки.

Я тыкаю пальцем в иконки, хотя Лили уже выбежала в коридор, хотя уже обхватила руками, словно удушающей лозой, мою ногу.

– Мамочка! Я без тебя скучаю!

Я смотрю на нее и неожиданно замечаю в ее глазах что-то ядовитое, пробивающееся рябью на поверхность тихих вод и снова ныряющее вглубь. Я резко вырываюсь из ее хватки, и она, даже вскрикнув от боли, застывает на месте с распростертыми руками – ребенок, отвергнутый матерью.

Вэл быстро берет девочку за руку:

– Лили, поедем-ка со мной, поживешь у меня пару дней. А то мне самой помидоры не снять. Папочка с мамочкой не буду возражать, если я тебя украду?

Роб устало кивает:

– Думаю, мысль хорошая. Спасибо, Вэл.

– Лили, пойдём наверх, соберем твои вещички. Скажи, что ты хочешь взять с собой?

– Ослика. Я хочу ослика.

– Ну конечно же, мы возьмем ослика. А еще какие игрушки? А как насчет спагетти на ужин?

Вэл уводит Лили наверх, а мы с Робом остаемся внизу. Я боюсь посмотреть на него, боюсь прочесть на его лице, что он обо мне думает.

– Джулия, – вздыхает он, – давай-ка присядем.

Он берет меня под руку и ведет в гостиную.

– Мой треклятый телефон сломался, – гну свое я.

– Я разберусь с ним позднее. Починю.

В нашей семье у Роба именно такая роль. Мастера. Он открывает капот, проверяет провода, находит решение для любой проблемы. А теперь сажает меня на диван, а сам садится в кресло напротив.

– Слушай, я знаю, у тебя трудные времена. Ты худеешь. Плохо спишь.

– Я не сплю, потому что у меня все еще побаливает спина. Ты хотел, чтобы я перестала принимать викодин, и я перестала.

– Детка, мы с Вэл считаем, тебе нужно у кого-нибудь проконсультироваться. Пожалуйста, не думай, речь не идет о психотерапии. Просто проконсультируйся у доктора Роуз.

– Доктор Роуз – психиатр, о котором ты говорил?

– Ее очень рекомендуют. Я проверил ее квалификацию. Посмотрел места работы, ее врачебный рейтинг.

Конечно же, он все проверил!

– Я думаю, она тебе очень поможет. Она поможет всей нашей семье. Вернет нас к отношениям, которыми мы наслаждались, пока не началась эта история.

– Роб! – кричит Вэл сверху. – Где взять чемодан для вещей Лили?

– Уже несу, – отвечает Роб. Он гладит меня по руке: – Я сейчас вернусь, – и идет наверх искать чемодан.

Я слышу, как он шурует в нашей спальне, потом – стук колесиков по деревянному полу. Смотрю в окно гостиной – оно выходит на запад. Только теперь я понимаю, как низко стоит в небе солнце – в три часа дня оно гораздо выше. Неудивительно, что спина у меня снова болит: я уже забыла, когда в последний раз принимала тайленол.

Я иду в туалет вниз, открываю аптечку, вытряхиваю из пузырька три капсулы повышенной дозировки. Закрываю дверцу шкафчика и вздрагиваю, увидев собственное отражение в зеркале: волосы нечесаны, глаза опухшие, кожа блеклая. Я плещу холодную воду в лицо, провожу пятерней по волосам, но вид мой ничуть не улучшается. Я превратилась в призрак самой себя. Вот она – темная сторона материнства, о которой никто не предупреждает, та его часть, где не только объятия и поцелуи. Никто не говорит, что ребенок, которого ты выносила в своем чреве, ребенок, от которого ты ждала одной только любви, словно маленький паразит, начнет грызть твою душу. Я смотрю на себя и думаю: скоро от меня ничего не останется.

Я появляюсь из туалета – Вэл и Роб уже внизу, за углом. Они говорят так тихо, я их почти не слышу, а потому подхожу поближе.

– Камилла была ровесницей сегодняшней Джулии. Вероятно, это важная деталь.

– Джулия ничуть на нее не похожа, – говорит Вэл.

– Но гены-то те же. История душевных болезней ее семьи.

– Поверь мне, сейчас ситуация совершенно иная. Камилла была хладнокровным психопатом, эгоистичным, умным, умелым манипулятором. Но не сумасшедшей.

Они говорят о моей матери. О моей мертвой матери, убийце своего ребенка. Я жадно вслушиваюсь в каждое слово, но сердце мое бьется очень сильно, даже грозит заглушить их голоса.

– Все психиатры, которые ее видели, пришли к единому мнению, – замечает Роб. – Они говорят, у нее случился психический срыв, она потеряла всякую связь с реальностью. Такие вещи передаются по наследству.

– Она их обвела вокруг пальца, обдурила всех до единого. Она была не психопаткой, а воплощением зла.

– Мамочка, возьми меня на ручки! На ручки!

Я поворачиваюсь и вижу Лили прямо перед собой. Моя дочь выдала меня. Она смотрит на меня совершенно невинными глазами, тут из-за угла выходят Вэл и Роб – и вот она я перед ними.

– А, вот ты где! – говорит Вэл как можно небрежнее, но у нее плохо получается. – Мы с Лили как раз собираемся уезжать. Ни о чем не беспокойся.

Лили цепляется за меня в прощальном объятии, и я чувствую на себе взгляд Роба – он следит, не сделаю ли я чего-нибудь, угрожающего дочери. Я знаю, его это беспокоит, недаром он вспомнил имя моей матери – имя, которое никогда не произносили в моем присутствии. Пока он не сказал, мне и в голову не приходило, что я сейчас ровесница матери в то время, когда она совершила самый непростительный грех, какой только может совершить мать. И теперь я спрашиваю себя, не обитают ли во мне унаследованные от нее тараканы.

Не то ли самое чувствовала она в дни перед убийством моего брата? Смотрела на своего ребенка и видела ответный взгляд монстра.

Декабрь 1943 года

Из задней комнаты в скрипичной мастерской отца Лоренцо услышал звон дверного колокольчика и крикнул:

– Подождите, пожалуйста, минуту. Я сейчас.

Никто не ответил.

Лоренцо только-только нанес клей и теперь прилаживал верхнюю деку скрипки к обечайкам – ответственный этап, не допускающий спешки, и он аккуратно затянул зажим, убедился, что углы ровные. Появившись наконец из задней комнаты, он увидел клиента – тот присел перед выставочным стендом со смычками для виолончелей и скрипок. Над прилавком виднелась только верхушка шляпы.

– Чем могу служить? – спросил он.

Она поднялась и улыбнулась ему:

– Лоренцо.

В последний раз они разговаривали пять лет назад. Он несколько раз мельком видел ее на улице, но всегда издалека и ни разу к ней не подходил. А теперь он и Лаура Бальбони стояли лицом к лицу, и разделял их только выставочный стенд – у Лоренцо слова застряли в горле. Ее волосы были теперь коротко подстрижены по последней моде среди студентов Ка-Фоскари. Лицо потеряло девичью округлость, и скулы выступали сильнее, челюсть приобрела более четкие очертания. Смотрела она, как и всегда, прямым взглядом, таким прямым, что Лоренцо как к месту пригвоздило: стоял не двигаясь и дар речи потерял.

– На нем нужно заменить волос, – сказала девушка.

Он посмотрел на виолончельный смычок, который она положила на прилавок. На колодке висели клочья конского волоса.

– Конечно, буду рад сделать его. Когда он тебе нужен?

– Не спеши. У меня есть другой смычок – могу им пока попользоваться.

– На следующей неделе устроит?

– Отлично.

– Тогда ты сможешь забрать его в среду.

– Спасибо.

Она помедлила немного в поисках слов. Потом, беспомощно вздохнув, двинулась к двери. Но там остановилась и повернулась к нему:

– И больше нам нечего сказать друг другу? Только «Можешь забрать в среду. Спасибо»?

– Ты прекрасно выглядишь, Лаура, – тихо произнес Лоренцо.

Он не погрешил против правды: она стала еще красивее, чем в дни их встреч. Прошедшие пять лет словно отполировали ее волосы и лицо, сохранив семнадцатилетнюю девушку, которую он когда-то знал. В полумраке мастерской она словно светилась внутренним светом.

– Почему бы тебе не зайти к нам? – спросила она.

Он оглянулся и виновато пожал плечами:

– Отцу здесь нужны мои руки. И потом, я преподаю – у меня теперь десять учеников.

– Я отправила тебе кучу приглашений, Лоренцо. Ты ни разу не пришел. Даже на мой день рождения.

– Я посылал открытки с извинениями.

– И все они такие вежливые. Мог бы прийти сам и извиниться. Или просто заглянуть поздороваться.

– Ты ходишь на занятия в Ка-Фоскари. У тебя теперь новые друзья.

– И что, я не могу общаться со старыми?

Он разглядывал ее смычок, колодку со щетинкой волос. Он помнил, как энергично ударяла она смычком по струнам виолончели. Осторожные прикосновения не для нее. Такие виолончелисты, как Лаура, быстро рвут струны и изнашивают конский волос. За страсть приходится платить.

– В тот вечер на конкурсе все для нас изменилось, – сказал он.

– Нет, ничего не изменилось.

– Для тебя – да. – Ее забывчивость вдруг разозлила его, и он посмотрел ей прямо в глаза. – Для меня и для моей семьи изменилось все. Но не для тебя. Тебе позволено учиться в Ка-Фоскари. У тебя новые друзья, модная стрижка. Твоя жизнь продолжается, счастливая и идеальная. А моя? – Он оглядел мастерскую и горько усмехнулся. – Я тут как в тюрьме. Неужели ты думаешь, я работаю здесь, потому что мне нравится?

– Лоренцо, – пробормотала она, – я тебе так сочувствую.

– Приходи за смычком в среду. Он будет готов.

– Я же не слепая. Вижу, что происходит.

– Тогда ты должна знать, почему я держусь подальше от тебя.

– Ты прячешься? Засунул голову в песок и прячешься, чтобы не попасть в переделку? – Она наклонилась над прилавком, словно бросая ему вызов. – Настало время быть храбрым. Я хочу быть рядом с тобой. Как бы

ни развивались события, я хочу...

Она замолчала, услышав звон дверного колокольчика. Вошла посетительница, тонкогубая женщина, которая коротко кивнула им, потом принялась медленно обходить мастерскую, разглядывая скрипки и альты, висящие на стенах. Лоренцо никогда не видел эту женщину прежде, и ее неожиданное появление встревожило его. Мастерская его отца существовала благодаря небольшой группе преданных клиентов. Новые почти никогда не приходили сюда, предпочитали скрипичную мастерскую, расположенную чуть дальше по улице, где в витрине навязчиво красовались слова «Negozio ariano» – «Арийская мастерская».

Лаура, казалось, разделяла его тревогу. Избегая встречаться с женщиной взглядом, она быстро отвернулась и принялась рыться в сумочке.

– Чем могу вам помочь, синьора? – спросил Лоренцо у женщины.

– Вы владелец мастерской?

– Владелец – мой отец. Я ему помогаю.

– А где ваш отец?

– Ушел домой пообедать. Но он скоро вернется. Могу я быть вам чем-то полезен?

– Нет, ничем. – Женщина оглядела инструменты, и ее верхняя губа искривилась в отвращении. – Я просто понять не могу, как кому-то приходит в голову поддерживать такой бизнес.

– Почему бы вам не спросить у музыкантов? – вспыхнула Лаура. – Поскольку сами вы не из их числа, я полагаю.

Женщина посмотрела на нее:

– Что вы имеете в виду?

– Лучшие скрипки в Венеции изготавливают здесь.

– Вы ведь дочь профессора Бальбони? – прищурилась женщина. – В прошлом месяце я видела ваше выступление в «Ла Фениче»^[11]. Ваш квартет играл превосходно.

– Я им передам, – холодно сказала Лаура, потом посмотрела на Лоренцо. – Я приду за смычком в среду.

– Синьорина Бальбони? – окликнула женщина Лауру, когда та открыла дверь. – Очень вам рекомендую зайти в мастерскую синьора Ландра – это чуть дальше по улице. Он делает превосходные инструменты.

Она не просто советовала – в голосе слышалась темная нотка предостережения.

Лаура одарила ее взглядом жестким, точно алмаз, но ничего не сказала. Она вышла, с силой хлопнув дверью, отчего колокольчик резко звякнул.

Женщина последовала за ней.

Лоренцо не слышал, о чем они говорили, но в окно видел, что женщина остановила Лауру на улице. Видел, как Лаура презрительно тряхнула головой и быстро зашагала прочь.

«Как же мне не хватало тебя, – подумал он. – Пять лет спустя мы снова поговорили, только для того, чтобы наш разговор закончился на такой горькой ноте».

Он поднял смычок Лауры с прилавка и только теперь увидел сложенный клочок бумаги, подсунутый под колодку. Раньше там ничего не было. Вероятно, она подложила его, пока он разговаривал с женщиной. Он развернул бумажку и прочел, что написала Лаура:

«Сегодня вечером у меня дома. Никому не говори».

Как она и велела, Лоренцо никому не сказал. Он ничего не сказал, когда отец вернулся после обеда, ни словом не обмолвился вечером, когда его семья собралась за столом на ужин из хлеба и рыбного супа – еды, состряпанной из отбросов, принесенных Марко, который работал на рынке грузчиком. Марко повезло – он устроился на эту тяжелую и грязную работу, потому что торговцы рыбой плевать хотели на законы, запрещающие брать евреев. По всей Италии тысячи нанимателей вроде торговцев рыбой продолжали вести дела как обычно, не обращая внимания на новые законы, и были готовы платить молодым людям пачками лир за день тяжелой работы. Пять лет назад будущее представлялось Марко совсем иным, он мечтал о карьере дипломата, а теперь сидел ссутулившийся и усталый за столом, от него пахло потом и вьевшимся навсегда запахом рыбы. Даже пылкий Марко смирился с поражением.

Годы согнули и папу. Число клиентов Бруно сократилось до нескольких человек в неделю, и никто из них не покупал новых скрипок. Брали теперь только самое необходимое – канифоль и струны, это не окупало содержания мастерской, но шесть дней в неделю Бруно садился за верстак, резал, шлифовал, лакировал очередной отличный инструмент, который не мог продать. А что он будет делать, когда его всё уменьшающиеся запасы кленовой и еловой древесины иссякнут? Сидеть в мастерской месяц за месяцем, год за годом, пока не иссохнет и не превратится в прах?

Годы изменили нас всех, думал Лоренцо. Неудивительно, что мать поседела и выглядела усталой. После удара, постигшего ее отца Альберто четыре месяца назад, Элоиза каждый день ходила в интернат для инвалидов, кормила его с ложки, натирала ему спину, читала книги и

газеты. Стул Альберто пустовал и ждал его возвращения домой, но с каждой неделей такая перспектива казалась все менее вероятной. И уж конечно, никогда больше не возродится дует внука и деда, никогда они не насладутся вместе мелодиями и музыкальными играми.

Только Пию прошедшие годы никак не сломили. Она превратилась в стройную темноглазую красавицу, которая со временем обещала привлекать мужские взгляды, но в пятнадцать оставалась слишком скромной, чтобы щеголять своей красотой. Поскольку школа стала недоступна, она большую часть времени помогала маме ухаживать за Альберто, или читала в одиночестве в своей комнате, или предавалась грезам у окна – конечно, о своем будущем муже. В этом Пия ничуть не изменилась, оставаясь романтической девочкой, влюбленной в любовь. «Если бы только я смог сохранить ее такой, – думал Лоренцо, – защитить ее от жестокого мира. Если бы только я мог сохранить всех нас такими, какие мы сейчас, в тепле и безопасности».

– Ты все молчишь. Ты не заболел, Лоренцо? – спросила Пия.

Конечно, именно она заметила в нем изменения – стоило ей взглянуть на брата, как она узнала о его усталости, тревоге, волнении.

– Все в порядке, – улыбнулся он.

– Ты уверен?

– Он же сказал: все в порядке, – проворчал Марко. – Ему не приходится целыми днями таскать ящики с рыбой.

– Лоренцо работает. У него есть ученики, которые ему платят.

– Их все меньше и меньше.

– Марко, – осадила его Элоиза, – мы все вносим посильный вклад.

– Кроме меня, – вздохнула Пия. – Я ничего не делаю, разве только рубашки иногда латаю.

Лоренцо потрепал ее по щеке:

– Мы счастливы одним тем, что ты такая, какая есть.

– Ну и что с того проку?

– Это самое главное, Пия.

Ты даешь нам надежду, подумал он, глядя, как сестра поднимается по лестнице в спальню. Марко покинул стол, промычав что-то, но Пия на лестнице напевала себе под нос какую-то старую цыганскую мелодию – Альберто играл им ее в детстве. Пия по-прежнему верила, что все люди носят в себе добро.

Если бы так.

Лоренцо выскользнул из дома глубоко за полночь. Декабрьский холод загнал всех людей в дома, и в воздухе висел странный туман, налитанный

запахом рыбы и водорослей. Лоренцо редко отваживался выходить из дома ночью, опасаясь встреч с головорезами-чернорубашечниками, которые постоянно бродили по улицам. Две недели назад Марко пришел домой в крови, со сломанным носом, в разодранной в клочья рубашке – следствие такой встречи.

Все могло закончиться гораздо хуже.

Он держался в тени, быстро проходил по узким улочкам, избегал площадей, освещенных уличными фонарями. У мостика в Дорсодуро он помедлил, прежде чем перейти на другую сторону канала, где на открытом пространстве не было ни малейшего шанса спрятаться. Ночь, однако, стояла слишком холодная и промозглая, даже чернорубашечники не рискнули выходить, к тому же он никого не увидел. Лоренцо опустил голову, замотал лицо шарфом, прошел по мосту и поспешно прошагал к дому Лауры.

В последние пять лет величественный дом на Фондамента-Брагадин манил Лоренцо, словно песня сирены, искушая его возможностью увидеть Лауру. Снова и снова забредал он на пешеходный мостик и на улицу, по которой когда-то ходил такой счастливый. Один раз он даже не мог понять, как оказался на этом мосту, – ноги сами принесли его туда. Он напоминал себе лошадь, которая знает путь домой и всегда поворачивает в сторону конюшни.

Лоренцо остановился перед домом Бальбони, посмотрел в окна, в которых в прежние его визиты горел свет. Сегодня здание казалось гораздо менее приветливым, занавесы были плотно задернуты, комнаты освещены еле-еле. Он ударил медной колотушкой – дерево задрожало, как живое.

И тут же в дверях, освещенная со спины, появилась она и ухватила его за руку.

– Быстро, – прошептала Лаура, втаскивая его в дом.

Едва он перешагнул через порог, она закрыла и заперла дверь. Даже в сумерках он видел, как покраснелись ее щеки, как горят ее глаза.

– Слава богу, ты добрался. Мы с папой так беспокоились.

– Что происходит?

– Мы считали, времени, чтобы все устроить, еще достаточно. Но после того как к тебе в мастерскую пришла та женщина, я поняла: времени нет.

Он прошел за ней по коридору в столовую, где проводил такие счастливые вечера с Бальбони. Он помнил смех, и бесконечные бокалы вина, и разговоры о музыке. Сегодня он увидел пустой стол – даже без вазы с фруктами. Только маленькая включенная лампа стояла на нем. Окна, выходящие в сад, были плотно завешены.

Профессор Бальбони сидел на своем обычном стуле во главе стола, но Лоренцо не увидел того франтоватого веселого синьора, которого помнил. Перед ним высилась мрачная, усталая, сильно изменившаяся версия прежнего Бальбони – Лоренцо никак не мог поверить, что перед ним тот самый человек, которого он знал пять лет назад.

Бальбони поднялся, поздоровался с гостем, выдавил подобие улыбки.

– Принеси вина, Лаура! – велел он. – Выпьем за нашего давно потерявшегося скрипача.

Лаура подала три бокала и бутылку, но настроение за столом, хотя Бальбони и налил вина, царило далеко не праздничное; на лице профессора застыло мрачное выражение, словно эта драгоценная бутылка должна была стать для них последней.

– Salute, – сказал Бальбони.

Он выпил без удовольствия, поставил пустой бокал и посмотрел на Лоренцо:

– За тобой никто не шел?

– Нет.

– Ты уверен?

– Я никого не видел. – Лоренцо перевел взгляд на Лауру, потом на ее отца. – В Венеции должно случиться то же, что произошло в Риме?

– И гораздо раньше, чем я ожидал. Перемирие^[12] все изменило, и теперь мы в оккупированной Италии. Войска СС ужесточают режим, и они сделают с евреями то же, что сделали в прошлом месяце в Риме^[13]. Глава еврейской общины Венеции профессор Йона предвидел это, а потому сжег все документы, чтобы в руки СС не попали ваши имена. Он пожертвовал собой и дал всем драгоценное время для бегства. Твой отец не хочет видеть грядущую катастрофу, он всех вас подвергает опасности.

– Нас держит здесь не папа, – возразил Лоренцо. – После удара дедушка даже ходить не может – как ему покинуть инвалидный дом? Мама никуда не уедет без него.

Мучительное выражение появилось на лице Бальбони.

– Твой дед – один из моих лучших друзей. Ты сам знаешь. У меня сердце разрывается, но я тебе скажу: у него нет ни малейшей надежды. Альберто уже мертв, и вы ничем не в силах ему помочь.

– И вы говорите, он ваш друг?

– Я говорю именно как его друг. Я знаю, он бы хотел безопасности для вас, а в Венеции больше не безопасно. Ты ведь наверняка обратил внимание, что многие твои ученики перестали приходить на занятия.

Сколько соседей потихоньку покинули дома? Исчезли без всякого предупреждения и никому не сказали, куда отправились. Они слышали о римской катастрофе. Тысячу человек арестовали и депортировали. То же самое произошло в Триесте и Генуе.

– Но мы в Венеции. Папа уверяет, здесь такого никогда не случится.

– Пока мы с тобой говорим, эсэсовцы составляют списки – имена и адреса всех евреев города. Профессор Йона дал нам небольшую фору – сжег все документы, но теперь наше время истекло. Женщина, приходившая сегодня в вашу мастерскую, определенно одна из них. Она приходила посмотреть, что подлежит конфискации. По Веронскому манифесту от ноября сего года вся собственность евреев может быть изъята. Дом, мастерская твоего отца – ничто из этого вам не принадлежит, и они захватят все в любой момент.

– Марко каждый день то же самое говорит.

– Твой брат все понимает и знает, чего ждать.

– А откуда вы знаете, чего ждать? Почему вы так уверены?

– Потому что я сказала синьору Бальбони, – раздался голос за спиной Лоренцо.

Он повернулся и увидел горничную Альду, каргу с кислым выражением лица, которая, казалось, вечно прячется где-то поблизости. Пять лет назад она остерегала Лоренцо, говорила, что он должен отказаться от участия в конкурсе, и грозила последствиями.

Лоренцо повернулся к Бальбони:

– Вы ей доверяете? Она же чернорубашечница!

– Нет, Лоренцо. Ты ошибаешься.

– Она знала, что случится на конкурсе.

– Я пыталась вас предостеречь, но вы не хотели слышать, – сказала Альда. – Вам повезло – отделались в ту ночь лишь синяками.

– Альда не чернорубашечница, но у нее есть связи, – сказал Бальбони. – Она знает о планах СС. Мы предупредили всех евреев, кого смогли, но не все готовы слышать. Твой отец один из них.

– Идиот, – пробормотала горничная.

– Альда! – покачал головой Бальбони.

– Он не хочет верить, вот и не верит.

– И разве можно его винить? Кто мог поверить, что эсэсовцы расчленили еврейскую семью в Интре? Учинят избиение младенцев в Лаго-Маджоре? Все думают, это просто страшилки для запугивания евреев и выдавливания их из страны.

– Папа так и считает, – кивнул Лоренцо.

– Вот почему его не спасти. Но мы попытаемся спасти тебя и, возможно, твою сестру и брата.

– Нельзя терять ни минуты, – взволнованно сказала Лаура. – Вы должны исчезнуть к завтрашнему вечеру. Возьмите только то, что сможете унести.

– Но куда мы пойдём? Спрячемся у вас?

– Нет, в моем доме небезопасно, – отрезал профессор Бальбони. – Мои симпатии слишком хорошо известны, и я боюсь, к нам придут с обыском. Но близ Падуи есть монастырь, где вы проведете несколько дней. Монахи будут прятать вас, пока мы не найдем кого-нибудь, кто переведет вас через швейцарскую границу.

Он положил руку на плечо Лоренцо:

– Не теряй веры, сынок. Повсюду в Италии вы найдете друзей. Нужно только определить, кому можно верить, а кому – нет.

Все происходило слишком быстро. Лоренцо знал: Марко уговаривать не придется, но как убедить сестру? И мама ни в какую не согласится бросить деда в доме инвалидов. Он боялся неизбежных слез и споров, разбитого сердца и чувства вины. Не в силах переварить то, что ему предстоит, Лоренцо набрал в грудь побольше воздуха и оперся руками о стол.

– Значит, я должен бросить моих отца и мать на милость СС.

– К сожалению, у тебя нет иного выбора.

– Ты бы могла бросить отца? – спросил Лоренцо у Лауры. – Зная, что больше никогда его не увидишь?

Ее глаза внезапно наполнились слезами.

– Выбор страшный, Лоренцо. Но ты должен спастись.

– Ты бы так смогла, Лаура?

Она провела ладонью по глазам и отвернулась:

– Не знаю.

– Я бы хотел, чтобы она поступила так, – сказал профессор Бальбони. – Да я бы даже сам настаивал. Последние недели были обманчиво тихими. Вот почему твой отец считает, что вы все выживете, просто спрятав голову в песок и затаившись. Но время на исходе, и скоро начнутся аресты. Почему я тебя предупреждаю? Мне кажется, так я выполняю долг перед моим другом Альберто, а кроме того, ты наделен музыкальным талантом, которым должен поделиться с миром. Но мир никогда тебя не услышит, если ты не переживешь войну.

– Послушай папу, – взмолилась Лаура. – Прошу тебя.

Раздался стук в дверь, и все напряглись. Лаура бросила на отца

испуганный взгляд.

– Отведи его наверх. Быстро! – прошептал Бальбони. – Альда, уברי бокалы. Никто не должен знать про нашего гостя.

Лаура схватила Лоренцо за руку и повела его к лестнице. Взяв на второй этаж, они слышали стук в дверь. Потом громкий голос Бальбони:

– Кто там шумит? Мы вроде не горим?! Иду, иду!

Лаура и Лоренцо проскользнули в спальню и прижались ушами к закрытой двери, пытаясь услышать, что происходит внизу.

– Полиция в такое время? – пророкотал бас Бальбони. – Да в чем дело?

– Приношу извинения за поздний визит, профессор Бальбони. Но я хотел вас предупредить о некоторых изменениях, – донесся до них мужской голос, тихий, но взволнованный.

– Понятия не имею, о чем вы говорите, – сказал Бальбони.

– Я понимаю, почему вы, вероятно, не питаете ко мне доверия. Но сегодня очень важно, чтобы вы мне доверились.

Собеседники перешли в столовую, и голоса перестали доноситься до Лауры и Лоренцо.

– Что будет с вами, если полиция найдет меня здесь? – прошептал Лоренцо.

– Не беспокойся, папа его заговорит. Он умеет. – Она прижала пальцы к губам. – Оставайся здесь. И ни звука.

– Что ты собираешься делать?

– Помогу отцу отвлечь нашего гостя. – Лаура натянуто улыбнулась. – Папа говорит, у меня это хорошо получается. Попробуем выяснить, насколько хорошо.

Сквозь закрытую дверь спальни он слышал ее шаги по скрипучей лестнице – она спускалась к мужчинам, разговаривающим в столовой.

– Папа, ну как же тебе не стыдно – не предложил нашему гостю закуски, – раздался ее веселый голос. – Синьор, меня зовут Лаура, я дочь профессора Бальбони. Позвольте налить вам бокал вина? Может быть, выпьете кофе с печеньем? Альда, принесите, пожалуйста, поднос. Не хочу, чтобы наш гость подумал, будто мы забыли слово «гостеприимство».

Ответов посетителя Лоренцо не слышал, но до него доносился смех Лауры, веселое позвякивание фарфора, шаги Альды между столовой и кухней. Своим приходом Лаура сумела превратить тревожный визит незнакомца в беседу за чаем. Даже полицейский не мог противиться ее обаянию. Теперь гость тоже смеялся; Лоренцо услышал, как хлопнула пробка винной бутылки.

Шея у него заболела – он слишком долго выгибал ее, прижимая ухо к

двери, – Лоренцо выпрямился и потер ноющее место. Впервые он оглядел комнату и понял, что находится в спальне Лауры. Здесь стоял ее запах, аромат цветов, лаванды и солнца. В комнате царил веселый беспорядок, книги как попало лежали на прикроватной тумбочке, на стул был наброшен свитер, туалетный столик завален кремами, пудрами и гребнями. Он прикоснулся к гребню, на его зубчиках остались светлые волосы. Он представил, как гребень проходит по ее волосам, – так же, наверное, просеивают золото.

В книжном шкафу очаровательные безделушки – множество фарфоровых поросят, собравшихся в кружок для своего поросячьего разговора. Лепешка канифоли для виолончели. Ваза с теннисными мячами. И еще книги – как же Лаура любила книги! Он увидел поэтические сборники, биографию Моцарта, собрание пьес Ибсена. И целую полку любовных романов – вот уж чего он никак не ожидал найти. Его неистовая, реалистичная Лаура читает романы о любви? Он ее совсем не знал и никогда не узнает теперь, ведь завтра он покинет Венецию.

Мысль о том, что он больше никогда не увидит Лауру, заставила Лоренцо прижать руку к сердцу: его пронзила такая сильная боль, будто его ударили в грудь. А оттого, что он стоял здесь, в ее комнате, вдыхая ее запах, боль ощущалась лишь сильнее.

Снизу донесся громкий приветливый голос:

– Доброй ночи, синьор! Пожалуйста, не задерживайте папу слишком долго!

Потом шаги вверх по лестнице, мелодия, которую она мурлыкала себе под нос, словно ничто в целом мире ее не заботило.

Лаура вошла в комнату, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной, ее лицо от напряжения исказилось нервной гримасой. На его вопросительный взгляд она ответила отрицательным покачиванием головы.

– Он не уходит, – прошептала она.

– И что будет делать твой отец?

– Напоит его. Постарается вывести что-нибудь важное.

– Почему он пришел?

– Не знаю. Это меня и пугает. Он, похоже, слишком хорошо осведомлен о нас. Говорит, что хочет нам помочь, если только папа будет сотрудничать.

Она выключила свет и, когда комната погрузилась в темноту, отважилась отдернуть портьеру. Посмотрев на улицу, сказала:

– Я никого не вижу, но все равно, возможно, за домом наблюдают. – Лаура повернулась к нему. – Пока тебе нельзя уходить. Там небезопасно.

– Но мне нужно домой. Предупредить семью.

– Ты для них ничего не в состоянии сделать, Лоренцо. По крайней мере, сейчас.

Она замолчала – из столовой донесся громкий мужской смех.

– Папа знает, как управляться с такими делами. Умеет это делать. – Уверенность, казалось, придавала ей силу. – Он может очаровать любого.

«Как и ты», – подумал Лоренцо.

В темноте он видел только ее силуэт в створе окна. Он столько всего хотел ей сказать, раскрыть столько тайн, но отчаяние поглотило слова.

– Ты должен остаться здесь. Неужели ты меня так боишься? – спросила Лаура, коротко усмехнувшись. – Боишься оказаться взаперти со мной?

Она повернулась, чтобы посмотреть на него, и, когда их взгляды встретились, замерла.

Он схватил ее руку и прижал к губам.

– Лаура, – прошептал Лоренцо.

Он больше ничего не сказал – только произнес ее имя. И столько нежности слышалось в его голосе, что от всех его тайн не осталось и следа.

И она услышала. Шагнула к нему, а он уже распахнул ей навстречу руки. Вкус ее губ пьянил, как вино, и он никак не мог напиться, все ему было мало. Они оба знали: они заплатят за это сердечной болью, но пламя, в которое плеснули пять лет разлуки и желания, уже разгорелось с неподвластной им силой.

Дыхание у них перехватило, они разделились, чтобы вдохнуть воздуха, и уставились друг на друга в темноте. Сквозь щель в портьерах проникал лунный луч, высвечивающий полоску – такую прекрасную – на лице Лауры.

– Как я тосковала по тебе, – прошептала она. – Я написала тебе столько писем о моих чувствах.

– Я не получил ни одного.

– Я их все разорвала. Я так страдала при мысли о том, что ты не испытываешь ко мне ничего похожего.

– Испытываю. – Он взял ее лицо в свои ладони. – Ах, Лаура, мои чувства даже не передать словами.

– Почему же ты ничего мне не сказал?

– После того случая я и представить не мог, что мы когда-нибудь...

– Будем вместе?

Он вздохнул, руки его упали.

– Сейчас это кажется еще менее вероятным, чем прежде.

– Лоренцо, – сказала она и прижала свои губы к его, но не в порыве страсти, а в желании поддержать. – Если мы для начала не станем воображать будущее, то оно никогда и не наступит. Вот этим мы и должны заниматься.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Никогда не хотел ничего иного.

– И поэтому чурался меня.

– Мне нечего тебе предложить. У меня ничего нет.

– Мир переменится! Пусть он безумен сегодня, но ведь это не навсегда. Вокруг слишком много хороших людей. Мы исправим его.

– Так тебе говорит отец?

– Я верю, что так будет. Должна верить, иначе не остается места для надежды, а без надежды я жить не могу.

Теперь он тоже улыбнулся:

– Моя неистовая Лаура. Ты знаешь, я когда-то боялся тебя.

– Да. – Она рассмеялась. – Папа говорит, я должна научиться не наводить страх на людей.

– Но я тебя за это люблю.

– А знаешь, почему я люблю тебя?

– И представить себе не могу, – покачал он головой.

– Ты такой же безудержный – в том, что касается музыки, твоей семьи. Важных вещей. В Ка-Фоскари столько ребят говорят, что хотят быть богатыми или знаменитыми. Или иметь виллу за городом. Но такие вещи можно только хотеть. Душа о них не болит.

– А ты этого никогда не желала? Ну хотя бы чуть-чуть?

– Да как? Я думала только о тебе, о том, как ты стоял на сцене в тот вечер. О том, каким ты был уверенным, каким властным. Когда ты играл, я слышала, как твоя душа напевает мне. – Лаура прижалась своим лбом к его. – Я такого никогда ни с кем не чувствовала, только с тобой.

– Я не знаю, когда вернусь. Я не могу просить тебя ждать.

– Ты помнишь, что я сказала? Будущее никогда не наступит, если мы для начала не станем его воображать, поэтому нужно представлять, что мы будем когда-нибудь вместе. Я думаю, ты с годами обретешь такой благородный вид! Седые волосы здесь и здесь. – Она прикоснулась к его вискам. – А улыбка будет рождать прекрасные морщинки у глаз. Станешь носить такие же забавные очки, как папа.

– А ты будешь всегда такой же прекрасной, как сегодня.

– Ах, нет, я растолстею, нарожав кучу детей.

– Но все равно останешься красавицей.

– Ну, теперь понимаешь? Вот какое будущее нас ждет. Мы состаримся

вместе. Нельзя терять веру в наше общее будущее, потому что когда-нибудь...

Сирены воздушной тревоги пронзили ночной воздух.

Они оба повернулись к окну, и Лаура распахнула портьеры. На улице внизу собирались соседи, оглядывали небо – откуда прилетит самолет? Несмотря на частые тревоги, город ни разу не подвергся воздушной атаке, и венецианцы стали беспечно относиться к вою сирены, который регулярно прерывал их сон. Даже если бомбы сбросят, где жителям искать укрытия в стоящем на воде городе?

Из темного окна Лаура крикнула:

– Синьоры, это очередные учения?

– При таких тучах и тумане время для воздушного налета самое неподходящее! – ответил человек снизу. – Летчику не видно, что в десяти футах перед ним.

– Так почему воют сирены?

– Кто-нибудь знает? – крикнул человек снизу трем мужчинам, топтавшимся на холоде с сигаретами, красные огоньки которых витали рядом. – Есть новости?

– По радио ничего. Моя жена звонит сестре в Местре^[14], узнать, не видела ли та чего-нибудь.

На улице появлялись все новые и новые люди, приходили с разных сторон, закутанные в пальто и шарфы. Они, перекрикивая непрекращающийся вой сирен, задавали вопросы. Лоренцо не слышал в их голосах страха – только недоумение и возбужденность. И даже какую-то праздничную нотку, словно горожане собирались устроить танцы на улице под вой сирен.

Внезапно скрипнула, открываясь, дверь спальни, и в комнату вошел профессор Бальбони.

– Наш гость наконец-то ушел, – прошептал он.

– Что он сказал, папа? Зачем приходил? – спросила Лаура.

– Господи боже, если то, что он сказал, правда... он говорил...

– О чем он говорил?

– Эсэсовцы будут обходить дом за домом, арестовывать людей. – Он посмотрел на Лоренцо. – Времени не осталось. Ты должен исчезнуть сегодня. Сейчас, пока воют сирены, пока на улицах царит хаос, тебе, вероятно, удастся ускользнуть.

– Я должен пойти домой. Должен сказать им, – проговорил Лоренцо, поворачиваясь к двери.

Бальбони схватил его за руку:

– Спасать их поздно. Твоя семья в списке. Они, вероятно, уже направляются к твоему дому.

– Моей сестре всего пятнадцать! Я не могу ее оставить!

Лоренцо высвободил руку и бросился прочь из комнаты.

– Лоренцо, стой! – крикнула Лаура, пускаясь за ним по лестнице.

У входной двери она успела схватить его за руку, остановить:

– Пожалуйста, послушай папу!

– Я должен их предупредить. Ты же знаешь, я должен.

– Поговори с ним, – взмолилась Лаура, обращаясь к отцу, который тоже спустился к двери. – Скажи ему, что это слишком опасно.

Бальбони печально покачал головой:

– Думаю, он сделал свой выбор и нам его не переубедить. – Он посмотрел на Лоренцо. – Держись темных улиц, мальчик. Если тебе удастся вывести семью из Каннареджо, направляйтесь в монастырь в Падуе. Они дадут вам убежище, пока не найдется кто-нибудь, кто перевел бы вас через границу.

Он обнял Лоренцо за плечи.

– Когда все это кончится, когда Италия выздоровеет от безумия, мы будем ждать тебя здесь. И отпразднуем нашу встречу.

Лоренцо посмотрел на Лауру. Она прижимала руку ко рту, пытаясь сдержать слезы. Он обнял ее, почувствовал, как содрогается ее тело в попытках сдержать рыдания.

– Всегда верь в нас, – прошептал он.

– Я буду верить. Всегда.

– Наше будущее наступит. – Он прижал свои губы к губам Лауры, вкушая ее в последний раз. – Мы сделаем так, чтобы оно наступило.

13

Лоренцо пошел в ночь. Он закутал лицо в шарф, прячась от недружеского взгляда. Сирены воздушной тревоги выли непрерывно, словно само небо возопило в отчаянии. На Кампо-делла-Карита собралась небольшая толпа людей, покинувших ночью свои дома в поисках новостей. Если бы налет был настоящий, они стали бы жертвами собственного любопытства – смерть нашла бы их на открытом пространстве. Но, как и в другие ночи, ни одна бомба не упала на город, и у тех, кто слишком долго оставался на улице, лишь замерзли руки и ноги, да утром, глядя на мир сонными глазами, они сожалели, что так поздно улеглись спать.

Никто не обратил внимания на молодого человека, который, держась в тени, проходил мимо.

В эту ночь тумана и хаоса Лоренцо незамеченным прошагал по мосту и по району Сан-Поло. Самая трудная часть пути ждала его впереди. Как вывести из города семью до рассвета? Сможет ли мама дойти пешком до Падуи? Не послать ли им вперед Марко и Пию? Если семья разделится, как и где им воссоединиться?

Он услышал крики, звон стекла и метнулся в тень. Выглянув из-за угла, он увидел людей, которые вытащили из дома мужчину и женщину и поставили их на колени на улице. Посуда сыпалась из верхних окон, следом, словно раненые птицы, полетели книги и бумаги, образуя растущую кучу. Женщина, стоявшая на коленях, рыдала и умоляла солдат сжалиться, но ревушие сирены заглушали ее крики.

В темноте вспыхнула спичка. Ее швырнули в груды бумаги, и пламя быстро расцвело, превратив улицу в ад.

Лоренцо попятился от яркого костра и метнулся в обход на север, по Санта-Кроче. Перебежав по мосту в Каннареджо, он увидел впереди дьявольское мерцание другого пожара.

«Моя улица. Мой дом!»

Он ринулся за угол на Калле-дель-Форно и в ужасе уставился на костер, ревуший посреди улицы – поглощающий груды книг. Книг дедушки. Море битого стекла на брусчатке, осколки, словно маленькие лужицы огня, отражают пламя.

Дверь расколочена и распахнута. Не нужно было заходить внутрь, чтобы оценить хаос: битая посуда, порванные занавески.

– Их увели, Лоренцо, – раздался девичий голос.

Он повернулся и увидел двенадцатилетнюю соседку Изабеллу – она одиноко стояла по другую сторону улицы и смотрела на него.

– Их забрала полиция. Потом пришли чернорубашечники и все подожгли. Они вели себя как сумасшедшие. Зачем им понадобилось бить посуду? Папа сказал, чтобы я не выходила из дома, но я все видела из окна. Все-все.

– Где они? Где моя семья?

– Они в Марко Фоскарини. Всех туда отводят.

– Почему их увели в школу?

– Полицейский сказал, их отправят в трудовой лагерь. Сказал папе, чтобы он о них не беспокоился, потому что это ненадолго. Когда все успокоится, им позволят вернуться. Он сказал, у них будет что-то вроде отпуска. Папа говорит, мы ничего не можем изменить. Так и должно быть.

Лоренцо посмотрел на пепел – все, что осталось от ценнейшей музыкальной библиотеки его деда Альберто. Упавший в тень томик спасся от огня. Он подошел и поднял его – от опаленных страниц пахло дымом. Томик цыганских мелодий, известных Лоренцо с колыбели. Эти же мелодии напевала по вечерам Пия, расчесывая волосы. Он стоял с драгоценными нотами в руках, мучимый мыслями о сестре. Думал о том, как она, вероятно, испугана. Вспомнил о матери, у которой больные колени и слабые легкие. Как она перенесет суровые условия трудового лагеря?

– Ты поедешь с ними, Лоренцо? – спросила Изабелла. – Если поспешишь, то догонишь их, и вы будете вместе. В лагере не так уж плохо. Так сказал полицейский.

Он посмотрел на разбитые окна своего дома. Если он уйдет из города сейчас, то к восходу будет уже на дороге в Падую. Оттуда придется идти на северо-запад в горы, а там – через швейцарскую границу. Так ему и советовал поступить профессор Бальбони: беги, забудь о семье и спасайся.

А когда война закончится, подумал он, как я буду смотреть им в глаза, зная, что бросил их на произвол судьбы в трудовом лагере? Он представил Пию, смотрящую на него как на предателя. Он ни о чем другом не мог думать – только о выражении ее глаз.

– Лоренцо?

– Спасибо, Белла. – Он мягко положил руку на голову девочки. – Береги себя – настанет день, и мы снова встретимся.

– Ты хочешь бежать?

– Нет. – Он засунул книгу нот под пальто. – Я хочу найти свою семью.

Заметила его Пия. За воплями детей и младенцев он услышал, как она выкрикнула его имя, увидел, как она бешено размахивает руками, привлекая его внимание. Столько народа было набито в импровизированный центр временного содержания в школе Марко Фоскарини, что Лоренцо пришлось протискиваться мимо ошеломленных людей, покачивающихся в отчаянии, пришлось перешагивать через семьи, просто груды рухнувшие на пол от усталости.

Пия так радостно бросилась в его объятия, что его даже отбросило назад.

– А я уж думала, никогда тебя не увижу! Марко сказал, ты дал деру, но я знала – ты бы никогда этого не сделал. Я знала – ты нас не оставишь!

Мать и отец тоже кинулись его обнимать, их руки сплелись тугим клубком. И только когда они наконец отпустили Лоренцо, подошел и его брат Марко и твердо похлопал по спине.

– Мы понятия не имели, куда ты делся, – сказал Марко.

– Я был в доме Бальбони, когда завывали сирены.

– Они завели их для прикрытия, – горько сказал Марко. – Чтобы застать нас врасплох. За этим воем никто не слышал, что происходит. Мы пока ничего не знаем о дедушке. Ходят слухи, они и на дом инвалидов напали.

Марко скосил глаза на мать, которая опустилась на скамью, крепко вцепившись в пальто, и сказал вполголоса:

– Они вытащили ее из кровати. Даже одеться толком не дали. Мы схватили, что успели, прежде чем они вытолкали нас на улицу.

– Я видел дом. Чернорубашечники разбили все окна, сожгли все книги. И так по всему городу.

– У тебя ведь была возможность бежать? Почему ты этого не сделал? Ты мог бы сейчас идти в сторону границы!

– А Пия? А мама? Мы же семья, Марко. Мы должны держаться вместе.

– И сколько, по-твоему, ты протянешь в трудовом лагере? Сколько, ты думаешь, продержатся они?

– Тише. Ты напугаешь Пию.

– Мне теперь не страшно, – сказала Пия. – Ведь мы все вместе.

Она взяла Лоренцо за руку:

– Идем, я тебе покажу кое-что. Тебе очень понравится.

– Что?

– Услышав, как ломятся в дверь, я сразу побежала в твою комнату. Спрятала под пальто, чтобы они не увидели.

Девочка потащила Лоренцо туда, где сидела мать, сунула руку под скамью.

Он посмотрел на вещь в руке Пии и на мгновение потерял дар речи – так тронул его поступок сестры. В футляре в полной сохранности лежала Ла Дианора. Лоренцо прикоснулся к лакированному дереву и даже здесь, в холодном помещении, почувствовал кончиками пальцев живое, как от тела, тепло.

Он сквозь слезы посмотрел на сестру:

– Спасибо. – Он обнял ее. – Спасибо, дорогая Пия.

– Я знала, ты вернешься за ней. Вернешься за нами.

– И вот я здесь.

Там, где и должен быть.

На следующее утро Лоренцо проснулся от детского плача.

Спина после проведенной на полу ночи одеревенела, и он, застонав, сел и потер глаза. Свет, проникавший сквозь грязные окна актового зала, окрашивал все лица в холодный серый цвет. Рядом с ним изможденная женщина пыталась успокоить капризничающего ребенка. Старик сидел, раскачиваясь туда-сюда и бормоча слова, понятные только ему. Куда бы ни посмотрел Лоренцо, он видел сутулые плечи и испуганные лица, многие из которых были ему знакомы. Он видел Перлмуттеров, у которых дочь родилась с заячьей губой, видел Сангвинетти, чей четырнадцатилетний сын когда-то ходил к нему учиться игре на скрипке. Он увидел Полаччо, владевших портновской мастерской, и синьора Бержера, который прежде президентствовал в банке, и старую синьору Равенну, которая каждый раз при встрече с мамой на площади вступала с ней в спор. Молодые ли, старые ли, ученые ли, рабочие ли, они все оказались в одинаково бедственном положении.

– Когда нас покормят? – завопила синьора Перлмуттер. – Мои дети голодны!

– Мы все голодны, – раздался мужской голос.

– Вы можете обойтись без еды. А дети – нет.

– Говорите за себя.

– Больше вы ни о ком не в состоянии думать? Только о себе?

Синьор Перлмуттер примирительно прикоснулся к локтю жены:

– Свары никому не помогут. Прошу тебя, прекрати. – Он улыбнулся своим детям. – Не волнуйтесь. Скоро они нас покормят.

– Когда, папа?

– К завтраку, я уверен. Сами увидите.

Но время завтрака пришло и миновало, а потом и время обеда. В тот день их так и не покормили. И в следующий тоже. У них была только вода из крана в туалете.

Ночью крики голодных детей не давали Лоренцо уснуть.

Он свернулся на полу рядом с Пией и Марком, закрыл глаза и попытался не думать о еде, но не получилось. Он вспоминал о яствах, которыми его угощали в доме профессора Бальбони. Прозрачайшие, чистейшие супы, какие ему доводилось пробовать. Хрустящая рыба из лагуны, такая крохотная, что он ел ее с костями и потрохами. Он вспоминал о печенье и винах, о головокружительном запахе жарящейся курицы.

Сестра стонала во сне – голод вторгался и в ее сны.

– Тише, Пия, я с тобой, – шептал Лоренцо, обнимая ее. – Все будет хорошо.

Она прижалась к брату и снова уснула, но к тому сон не шел.

Лоренцо не спал, когда через открытое окно влетел первый мешок.

Тюк упал чуть не на голову женщины. Она проснулась в темноте с криком:

– Теперь они пытаются нас убить! Размозжить нам головы во сне!

Потом влетел еще один мешок, из него что-то вывалилось и покатило по полу.

– Кто в нас кидается? Почему они это делают?

Лоренцо забрался на скамью и выглянул из высокого окна: двое в темном скорчились внизу, один собирался забросить в окно через высокий подоконник третий мешок.

– Эй, вы! – крикнул Лоренцо. – Вы что делаете?

Человек поднял голову. Стояла полная луна, и в ее резком свете он увидел лицо пожилой женщины, одетой во все черное. Она прижала палец к губам, призывая его к молчанию, после чего вместе со своим спутником поспешила прочь и исчезла в темноте.

– Яблоки! – раздался довольный женский голос. – Здесь яблоки!

Кто-то зажег свечу, и в ее тусклом свете они увидели щедрые подарки, просыпавшиеся из мешков. Буханки хлеба. Куски сыра, завернутые в газеты. Матерчатый мешок с вареной картошкой.

– Покормите сначала детей! – взмолилась женщина. – Детей!

Но люди уже хватали еду, торопясь завладеть хоть чем-то, прежде чем все исчезнет. Яблоки пропадали в карманах. Две женщины вцепились друг в дружку, борясь за кусок сыра. Мужчина засунул в рот картофелину и проглотил, пока никто не отобрал.

Марко нырнул в эту куча-мала и секунду спустя появился с половиной буханки хлеба – все, что ему удалось добыть для семьи. Они собрались в кучку, и Марко разделил добычу на пять равных кусочков. Хлеб был твердый, как подошва, испеченный минимум день назад, но Лоренцо он показался нежнее самого свежего печенья. Он наслаждался каждым кусочком, закрывал глаза от удовольствия, когда дрожжевая сладость растекалась на языке. Лоренцо вспоминал хлеб, какой ему доводилось есть в жизни, как бездумно он его поглощал, даже не чувствуя вкуса; ведь хлеб – он вроде воздуха, ты его принимаешь как нечто само собой разумеющееся, бесплатное приложение к еде.

Он слизывал последние крошки с ладони, когда увидел, что отец не прикоснулся к хлебу, а только смотрит на него, держа кусок в руке.

– Папа, поешь.

– Я не голоден.

– Не может быть! Ты не ел два дня!

– Не хочу. – Отец протянул хлеб Лоренцо. – На. Это тебе, Пии и Марко.

– Папа, не дури, – сказал Марко. – Тебе нужно поесть.

Бруно отрицательно покачал головой:

– Я виноват. Я во всем виноват. Почему я не слушал умных людей? Не слушал тебя, Марко, и профессора Бальбони. Нужно было уехать из Италии много месяцев назад. Упрямый старый дурак – вот кто я!

Хлеб выпал из его рук, а отец уронил лицо в ладони, подался вперед. Тело его сотрясали рыдания. Лоренцо никогда прежде не видел, чтобы отец плакал. Неужели сломленный человек перед ним и в самом деле его папа, который всегда утверждал, будто знает, что нужно его семье? Который упорно не закрывал свою скрипичную мастерскую, работал шесть дней в неделю, хотя клиентов почти не осталось? Какое мужество требовалось Бруно, чтобы пять лет скрывать сомнения, нести в полной мере бремя ответственности за каждое решение, плохое или хорошее. И вот к чему привели его решения. Сломленный отец совершенно потряс Лоренцо – он не знал ни что ему говорить, ни что делать.

Но мама знала. Нежными руками она обняла мужа и притянула его лицо к своему плечу.

– Нет-нет, Бруно, ты ни в чем не виноват, – пробормотала она. – Я не могла бросить папу. Я тоже не хотела уезжать, значит это и моя вина. Мы вместе сделали выбор.

– И теперь вместе страдаем.

– Это когда-нибудь закончится. И вообще, неужели трудовой лагерь так ужасен? Я не боюсь работы. И знаю, ты тоже не боишься. Ты всю жизнь много работал. Важно то, что мы вместе, ведь правда? – Она разгладила редущие пряди его волос и поцеловала в затылок. – Правда?

Лоренцо не помнил, когда родители в последний раз на его глазах целовались или обнимались. Дома они казались отдельными планетами, двигались по своим орбитам, сближались, но никогда не соприкасались. Он не мог себе представить, что они горят желанием друг к другу, как горел он желанием к Лауре, но вот сейчас перед ним они обнимались, как любовники. Знал ли он своих родителей?

– Папа, поешь, пожалуйста, – взмолилась Пия и вложила кусок хлеба в руку Бруно.

Бруно уставился на хлеб так, будто никогда не видел его прежде и не знал, что с ним делать. А когда все же начал есть, то без всякого удовольствия, словно исполняя долг и делая это, только чтобы угодить семье.

– Ну вот. – Его жена улыбнулась. – Все будет хорошо.

– Да.

Бруно глубоко вздохнул и сел прямо, глава семьи снова взял бразды правления в свои руки:

– Все будет хорошо.

На рассвете третьего дня двери распахнулись.

Лоренцо разбудил тяжелый топот ботинок по полу. Он поднялся на ноги, глядя на заполнявших помещение людей в форме со знаками различия фашистской Guardia Nazionale Repubblicana.

Заглушая детские вопли, прозвучал громкий голос:

– Внимание! Тишина!

Офицер не перешагнул порога – он обращался к ним от двери, словно воздух в комнате был нечист и он не хотел загрязнять свои легкие.

Пия сунула ладонь в руку Лоренцо. Ее трясло.

– Статья седьмая Веронского манифеста объявляет вас враждебными элементами, – сообщил офицер. – Согласно изданному первого декабря полицейскому приказу номер пять, вы будете отправлены в лагерь для интернированных. Министерство милосердно исключило из списка подлежащих интернированию престарелых и тяжелобольных, но все вы признаны трудоспособными и годными к транспортировке.

– Значит, дедушке ничто не угрожает? – спросила Пия. – Они не заберут его из дома инвалидов?

– Ш-ш-ш. – Лоренцо остерегающе сжал ее ладошку. – Не привлекай их внимания.

– Вас ждет поезд, – сказал офицер. – После погрузки каждый из вас получит разрешение написать по одному письму. Я предлагаю сообщить друзьям или соседям, что с вами все в порядке и они могут не волноваться. Заверяю вас, письма будут доставлены адресатам. А теперь собирайте ваши вещи. Берите только то, что сможете донести до станции.

– Ну видишь? – прошептала Бруно жена. – Они даже разрешают нам отправить письма. И папу оставляют в доме инвалидов. Я ему напишу, чтобы он о нас не беспокоился. А ты должен написать профессору Бальбони. Скажешь ему, он нас напрасно пугал, у нас все в порядке.

Семей было много, много и малолетних детей, а потому процессия двигалась медленно. Евреи плелись мимо знакомых витрин, по тому самому мостику, по которому бесчисленное количество раз ходил Лоренцо. Зеваки смотрели на них в боязливом молчании, словно на парад призраков. Среди них он увидел соседскую девочку Изабеллу. Она помахала ему, но

отец ухватил и опустил ее руку. Когда Лоренцо проходил мимо, этот человек не смог посмотреть ему в глаза – устремил взгляд в брусчатку мостовой, словно опасался, встретившись с ним глазами, тоже превратиться в обреченного.

Молчаливая колонна пересекла площадь, на которой в любой другой день раздавался бы смех, слышался бы гул разговоров, возгласы женщин, окликающих своих детей. Но сегодня здесь стоял другой звук – шаркающих ног, множества ног,двигающихся в усталой колонне. А те, кто видел это шествие, не осмеливались выразить протест.

Разорвавший тишину одинокий голос прозвучал тем более пугающе:
– Лоренцо! Я здесь!

Сначала он увидел только отблеск солнца на светлых волосах и толпу, расступающуюся перед ней. А Лаура протискивалась с криком:

– Пропустите меня! Мне нужно пройти!

И вдруг она оказалась перед ним, обняла его, прижалась губами к его губам. И он ощутил вкус соли и слез.

– Я тебя люблю, – сказал Лоренцо. – Жди меня.

– Обещаю. А ты должен пообещать, что вернешься.

– Эй, девушка! – пролаял охранник. – Прочь отсюда!

Лауру выхватили из объятий Лоренцо, а его затолкнули в двигающееся стадо, которое понесло его вперед, вперед.

– Обещай мне! – услышал он ее крик.

Лоренцо повернулся – так отчаянно хотелось ему еще раз увидеть возлюбленную, но ее лицо уже затерялось в толпе. Он увидел только бледную руку, поднятую в прощальном жесте.

– Они слепы, они все слепы, – сказал Марко. – Закрывают глаза и не хотят видеть происходящего.

Их родители и сестра задремали рядом с ними, убаюканные ритмичным постукиванием колес на стыках, а братья тихо разговаривали.

– Эти письма домой ничего не значат. Они дали их написать, чтобы мы не волновались. Чтобы нас отвлекь. – Он посмотрел на Лоренцо. – Ты ведь написал Лауре?

– Хочешь сказать, мое письмо не доставят?

– Возможно, она его и получит. Но как ты думаешь – почему?

– Я не понимаю твоего вопроса.

– Ты такой же слепец, как и все остальные, братишка! – фыркнул Марко. – Ты плывешь по жизни на облаке, мечтаешь только о своей музыке, веришь, что все будет хорошо-прекрасно! Ты женишься на Лауре

Бальбони, у вас родятся идеальные детишки, и вы заживете счастливо, поигрывая прекрасную музыку.

– По крайней мере, я не стану таким ожесточенным и сердитым, как ты.

– А ты знаешь, почему я ожесточенный? Просто я вижу правду. Твое письмо доставят. Как и письма Пии и мамы. – Он посмотрел на спящих родителей, которые, сплетя руки, прижались друг к другу. – Ты видел ту чушь, которую написала мама? «В нашем поезде удобные сиденья третьего класса. Нам обещают, что условия проживания в лагере также будут приемлемыми». Мы словно едем на какой-то курорт на Комо!^[15] Наши друзья и соседи посчитают: все в порядке, они путешествуют в поезде, точно туристы, а потому не будут и беспокоиться. Как отказывается беспокоиться папа. Он всю жизнь работал руками, и если чего не видит, если не может потрогать, то и не верит. Ему не хватает воображения, чтобы представить худший вариант. И вот почему никто никогда не оказывает сопротивления – мы все хотим верить в лучшее. Потому что представлять последствия страшновато.

Марко уставился Лоренцо в глаза:

– Ты обратил внимание, в каком направлении мы едем?

– Откуда мне знать? Шторки на всех окнах опущены.

– Они не хотят, чтобы мы знали, куда нас везут. Но даже и сквозь шторки понятно, с какой стороны светит солнце.

– Сказали, нас повезут в лагерь для интернированных в Фоссоли. Они всех туда отправляют.

– Так они говорят. Но ты посмотри на свет, Лоренцо. Видишь, с какой стороны солнце? Мы едем не в Фоссоли. – Марко мрачно вперился перед собой и тихо сказал: – Поезд идет на север.

Роб ужасно зол на меня. Я понимаю это по громкому хлопку входной двери и по его возбужденным шагам, приближающимся к кухне.

– Почему ты отменила встречу с доктором Роуз? – спрашивает он.

Я не поворачиваюсь к нему, продолжаю нарезать морковку и картошку к обеду. Сегодня у нас в меню жареная курица, натертая оливковым маслом и лимоном, приправленная розмарином и морской солью. Мы будем есть вдвоем, потому что Лили все еще у Вэл. Ее нет в доме, где теперь так тихо, и он уже не то, чем должен быть. Ощущение такое, будто я соскользнула в какую-то грустную параллельную вселенную, а настоящий дом, где обитаю настоящая я, находится где-то в другом месте. Дом, где все мы снова счастливы, где моя дочь любит меня, а муж не стоит на кухне, поедая меня сердитым взглядом.

– Я была не в настроении встречаться с ней, – говорю я ему.

– Не в настроении? Ты представляешь, с каким трудом она втиснула тебя в расписание в столь срочном порядке?

– Обратиться к психиатру – твоя идея, не моя.

– Да, она предупреждала, что ты будешь упорствовать, – раздраженно усмехается Роб. – Она сказала: одна из твоих проблем – отрицание.

Я спокойно кладу нож и поворачиваюсь к параллельной вселенной, где обитает Роб. В отличие от моего спокойного мужа в накрахмаленной рубашке, у человека, которого я вижу перед собой, покрасневшее лицо и возбужденный вид, а галстук сбился набок.

– Ты с ней уже встречался? Вы уже говорите обо мне?

– Конечно говорим! Я в отчаянии. Я должен хоть с кем-то говорить.

– И что ты ей сказал?

– Что ты одержима какой-то треклятой музыкальной вещицей и не хочешь думать о реальной проблеме. Отдалилась от Лили. И от меня.

– Если бы тебя кто-то пырнул ножом, ты бы тоже отдалился.

– Я знаю, ты считаешь, проблема в Лили, но доктор Роуз три часа наблюдала за ней. Она увидела совершенно нормального очаровательного трехлетнего ребенка. Никакой склонности к насилию, никаких признаков патологии.

Я смотрю на мужа, ошарашенная его словами.

– Ты водил мою дочь к психиатру и даже не потрудился поставить меня в известность?

– Думаешь, для Лили все так просто? Она больше времени проводит у Вэл, чем здесь. Она совсем не понимает происходящего. А ты тем временем каждый день звонишь в Рим. Я видел телефонные счета. Несчастный владелец антикварного магазина, наверно, понять не может, почему эта сумасшедшая дама никак не оставит его в покое!

Слово «сумасшедшая» бьет меня, как пощечина. Он впервые произносит его мне в лицо, но я знаю, оно уже давно сидит у него в голове. Я – его сумасшедшая жена, дочь другой сумасшедшей женщины.

– Боже мой, Джулия, извини, бога ради. – Он вздыхает и тихо произносит: – Прощу тебя, покажись доктору Роуз.

– Но и что будет проку? Похоже, вы на пару уже поставили мне диагноз. Заочно.

– Она хороший психиатр. С ней легко говорить, и я думаю, она очень внимательна к своим пациентам. Лили она сразу понравилась. Я думаю, тебе она тоже понравится.

Я снова поворачиваюсь к разделочной доске и беру нож, затем медленно и методично нарезаю морковку. Даже когда он подходит ко мне сзади и обнимает за талию, я продолжаю нарезать морковку, лезвие ножа стучит по доске.

– Я делаю это для нас, – шепчет он и целует меня в шею.

От жара его дыхания меня пробирает дрожь – я словно оказалась в объятиях чужого человека. Не мужа, которым я восхищалась, не мужчины, которого любила больше десяти лет.

– Ведь я люблю вас обеих. Тебя и Лили. Двух моих лучших в мире девочек.

Когда Роб засыпает, я вылезаю из кровати, тихонько спускаюсь по лестнице к его компьютеру и нахожу в Интернете доктора Диану Роуз. Роб прав, я целиком погрузилась в поиски автора «Incendio» и не обращала внимания на происходящее в собственном доме. Мне нужно узнать больше о женщине, которая уже диагностировала меня как «упорствующую в отрицании». Она умело протиснулась в мою семью, очаровала мою дочь, произвела впечатление на мужа, а я про нее ничего не знаю.

«Гугл» выкидывает с десятков ссылок на доктора Диану Роуз из Бостона. Ее профессиональный веб-сайт называет ее специализацию (психиатрия), дает сведения о практике (адрес в центре Бостона, многочисленные связи с больницами) и образовании (Бостонский

университет и Гарвард). Но мое внимание приковывает ее фотография.

Роб пел ей дифирамбы, но забыл сообщить: доктор Роуз поразительно красивая брюнетка. Нажимаю на следующую гугловскую ссылку. Сообщение из Вустера, штат Массачусетс, о судебном деле, в котором доктор Роуз участвовала в качестве эксперта. Она подтвердила, что некая миссис Лиза Вердон представляет опасность для собственных детей. На основании ее показаний суд назначил отца опекуном детей.

Страх узлом завязывается у меня в животе.

Я иду по следующей ссылке. Еще одно судебное дело, я читаю слова «слушания о дееспособности». Доктор Роуз дает показания от имени штата Массачусетс и рекомендует принудительную госпитализацию для некоего мистера Лестера Хейста, потому что он опасен для себя самого.

И еще в десятке найденных ссылок я неизменно встречаю слово «дееспособность». Экспертиза доктора Роуз. Она определяет, опасен ли пациент для себя или других. Следуют ли запереть его в психушку, как заперли мою мать.

Я закрываю браузер, смотрю на экран компьютера и тут обращаю внимание на новые обои рабочего стола. Когда Роб их заменил? Всего неделю назад тут была наша семейная фотография на фоне нашего сада. Теперь на фото одна Лили, ее волосы ярко светятся в солнечном нимбе. Накатывает чувство, будто меня стерли из нашей семьи, и если я опущу взгляд, то увижу, как исчезают мои руки. Сколько должно пройти времени, чтобы на рабочем столе появилась фотография другой женщины? Большеглазой брюнетки, которая считает мою дочь абсолютно нормальной очаровательной малышкой?

Доктор Диана Роуз в жизни не менее привлекательна, чем на фотографии ее веб-сайта. Большие окна ее кабинета на пятом этаже выходят на реку Чарльз, но жалюзи опущены. Темные окна давят на меня неким подобием клаустрофобии, я словно заперта в белой коробке с белой мебелью, и если не произнесу правильных слов, если не докажу, что я в здравом уме, эта женщина запрет меня здесь навсегда.

Ее первые вопросы вполне безобидные. Где я родилась, где росла, каково мое общее физическое состояние. У нее зеленые глаза и безупречная кожа, а бледно-желтая шелковая блузка достаточно прозрачна, чтобы рассмотреть под ней очертания бюстгальтера. Я спрашиваю себя, отметил ли эти детали мой муж, сидя на той самой кушетке, на которой теперь сижу я. Голос у нее сладкий, словно мед, она умеет делать вид, будто ей действительно безразлично мое здоровье, но я думаю, она – воровка. Она

украдала любовь моей дочери и преданность мужа. Когда сообщаю, что я профессиональный музыкант и получила степень в консерватории, мне кажется, ее губы презрительно кривятся. Она, видимо, не считает музыкантов настоящими профессионалами. Ее дипломы, сертификаты и грамоты в рамочках развешены по всей стене – документальное подтверждение того, что она выше любого музыкантишки.

– Значит, по вашему мнению, неприятности в семье начались, когда вы сыграли музыкальную вещицу под названием «Incendio», – говорит она. – Расскажите подробнее об этих нотах. Вы сказали, что приобрели их в Риме.

– В антикварном магазине, – подтверждаю я.

– А почему?

– Я коллекционирую ноты. Всегда ищу что-нибудь, чего не слышала прежде. Что-нибудь уникальное и красивое.

– И вы поняли, что вещь красива, просто посмотрев на ноты?

– Да. Читая ноты, я слышу музыку. Я решила, мы сможем сыграть эту вещь в моем квартете. Приехала домой и стала разучивать ее на скрипке. И вот тут Лили... – Я замолкаю. – Вот тогда она и стала другой.

– И вы убеждены: причина ее необычного поведения – «Incendio».

– Я слышу в «Incendio» что-то неправильное. Что-то темное и тревожное. В нем есть негативная энергия, и я ее почувствовала, когда играла вальс в первый раз. Я думаю, Лили почувствовала то же самое. И я думаю, она реагировала на музыку.

– И поэтому она вас поранила...

Доктор Роуз говорит с совершенно нейтральным выражением, но я слышу скептицизм в ее голосе. Я слышу его так же четко, как слышу фальшивую ноту, которая портит в остальном безупречное исполнение.

– ...Из-за негативной энергии, содержащейся в музыке.

– Не знаю, как еще сказать, – энергия или нет, но что-то в «Incendio» не так.

Она кивает, словно понимая. Но конечно же, ничего она не понимает.

– И поэтому вы так часто звоните в Рим?

– Я хочу выяснить происхождение и историю «Incendio». Может быть, тогда удастся понять, почему Лили так реагирует на музыку. Я пыталась поговорить с человеком, который продал мне ноты, но он не отвечает на звонки. Его внучка несколько недель назад написала мне письмо, пообещала поспрашивать его, но с тех пор – ни слова.

Доктор Роуз набирает в грудь воздуха, меняет позу. Невербальный знак того, что она собирается изменить стратегию.

– Что вы чувствуете по отношению к дочери, миссис Ансделл? – тихо

спрашивает она.

Этот вопрос заставляет меня задуматься, потому что я не уверена, как нужно ответить. Я помню, как мне улыбалась новорожденная Лили и как я тогда думала, будто этот миг всегда будет самым счастливым в моей жизни. Я помню ночь, когда у нее поднялась температура, помню, как я обезумела при мысли о том, что могу ее потерять. Потом я вспоминаю тот день, когда опустила глаза и увидела осколок у себя в ноге и услышала, как моя дочь напевает: «Мамочке сделать бо-бо. Мамочке сделать бо-бо».

– Миссис Анделл?

– Я, конечно, ее люблю, – автоматически отвечаю я.

– Даже несмотря на то, что она напала на вас.

– Да.

– Даже несмотря на то, что она, кажется, стала другим ребенком.

– Да.

– У вас никогда не возникало желания сделать ей больно в ответ?

Я недоуменно смотрю на нее:

– Что?

– Такие чувства вполне обычны, – говорит она убедительным тоном. – Даже самая терпеливая мать иногда выходит из себя и шлепает или колотит ребенка.

– Я ее ни разу и пальцем не тронула. Я никогда не хотела причинить ей боль!

– А у вас никогда не возникало желания поранить себя?

Ах, как легко она ввернула свой вопросик. Я понимаю, куда такие вопросы могут нас привести.

– Почему вы спрашиваете?

– Вы получили две травмы. Ранение стеклом и ушибы в результате падения с лестницы.

– Не сама же я себе вонзила стекло в ногу! И не бросилась по собственному желанию с лестницы.

Она вздыхает, словно я слишком глупа и не в силах понять очевидное.

– Миссис Анделл, никто не видел, как это случилось. Может, в вашей памяти сохранилось не совсем то, что было на самом деле?

– В моей памяти все сохранилось точно так, как я рассказываю.

– Я просто пытаюсь проанализировать ситуацию. У вас нет никаких оснований испытывать ко мне враждебность.

Неужели она слышит враждебность в моем голосе? Я набираю полную грудь воздуха, стараясь успокоиться, хотя у меня есть все основания испытывать к ней недобрые чувства. Мой брак под угрозой, дочь хочет

меня покалечить, а передо мной сидит доктор Роуз, такая безмятежная и владеющая собой. Занятно, думаю я, ее частная жизнь такая же идеальная, как и ее образ? А вдруг она тайная пьяница, мелкая воровка или нимфоманка?

Или крадет мужей у других женщин.

– Слушайте, я не знаю, почему вообще разговариваю с вами, – замечаю я. – Думаю, мы обе просто попусту теряем время.

– Ваш муж беспокоится о вас, поэтому-то вы и здесь. Он сказал, вы похудели и плохо спите.

– Что он вам еще сказал?

– Что вы отделились от дочери. И от него. Вы вроде бы заняты собой и, кажется, не слышите его слов. Вот почему я задаю вам такие вопросы. Вы слышите голоса?

– В каком смысле?

– Голоса у вас в голове? Голоса людей, которых нет рядом, но которые говорят, что вы должны делать? Может быть, покалечить себя?

– Вы спрашиваете, не психопатка ли я? – Я раздражаюсь смехом. – Отвечаю не просто «нет», доктор Роуз. Категорически «нет»!

– Надеюсь, вы понимаете, я обязана задавать вам такие вопросы. Ваш муж обеспокоен состоянием дочери, а поскольку днем он работает, мы должны быть уверены, что она в безопасности, находясь вдвоем с вами дома.

Наконец-то мы добрались до истинной причины моего появления в кабинете психиатра. Они считают меня опасной для Лили. Считаю чудовищем, детоубийцей, как мою мать, и защищают от меня Лили.

– Мне сказали, ваша дочь сейчас у вашей тетушки. Это временное решение, – говорит доктор Роуз. – Ваш муж хочет, чтобы его дочь вернулась домой, но он должен быть уверен: дома ей не угрожает опасность.

– Вы думаете, я не хочу, чтобы она вернулась? Я со дня ее рождения практически с ней не расставалась. Когда ее нет, мне кажется, нет какой-то части меня.

– Даже если вы хотите возвращения Лили, подумайте о случившемся. Вы опоздали на несколько часов, когда должны были забрать ее из детского сада, но даже не поняли этого. Вы верите, что ваша дочь склонна к насилию и хочет вас искалечить. Вы одержимы музыкальной вещицей, в которой, по вашему мнению, таится зло. – Она делает паузу. – И в вашей семье имели место случаи психоза.

Картину она нарисовала безусловно отвратительную. Любой, кто

услышит такую безжалостную цепочку фактов, не сможет поспорить с выводами доктора Роуз. А потому ее следующие слова меня вовсе не удивляют:

– Прежде чем я уверюсь в том, что дома ваша дочь в безопасности, полагаю, вам потребуется еще одна экспертиза. Рекомендую наблюдение в стационаре. Близ Вустера есть прекрасная клиника, я уверена, вам там будет удобно. Отнесите к этому как к короткому отпуску. К возможности на время снять с плеч груз всех обязанностей и просто сосредоточиться на себе.

– Вы говорите о коротком отпуске – что вы имеете в виду под словом «короткий»?

– Я не могу назвать никаких сроков.

– Значит, речь идет о неделях. Даже месяцах.

– Все будет зависеть от вашего состояния.

– А кто его будет оценивать? Вы?

Моя реплика заставляет ее откинуться на спинку стула. «Пациент проявляет крайнюю враждебность» – вот такой будет запись в моей карте. Тем не менее подобная деталь добавит еще один красочный штрих к неприятному портрету Джулии Анделл, сумасшедшей мамыши.

– Позвольте мне подчеркнуть, этот период абсолютно произволен, – говорит она. – Вы в любую минуту сможете покинуть клинику.

Она говорит так, словно у меня есть выбор и дальнейшее зависит исключительно от меня, но мы обе знаем: я в ловушке. Скажу «нет» – потеряю дочь и, весьма вероятно, мужа. На самом деле я уже потеряла обоих. У меня теперь осталась только моя свобода, и даже она целиком в руках доктора Роуз. Ей нужно лишь объявить, что я представляю опасность для себя и окружающих, и дверь психушки захлопнется.

Я взвешиваю ответ, чувствуя на себе ее взгляд.

«Ты должна оставаться спокойной, покладистой», – уговариваю я себя.

– Мне нужно время, чтобы подготовиться. И я должна убедиться, что моя тетушка Вэл в состоянии заботиться о Лили.

– Конечно. Я понимаю.

– Поскольку придется отсутствовать некоторое время, я должна решить кое-какие практические вопросы.

– Мы же не говорим о вечности, миссис Анделл.

Но для моей матери это обернулось вечностью. Клиника для душевнобольных стала точкой в ее короткой и бурной жизни.

Доктор Роуз выводит меня в приемную, где ждет Роб. Он привез меня сюда, чтобы убедиться, что я не пропущу приема, и теперь я вижу его

вопросительный взгляд, обращенный на доктора Роуз. Та кивает ему в этакое безмолвное заверение – все, мол, прошло хорошо и сумасшедшая женушка согласилась с их планами.

Согласилась ли я? Какой у меня есть выбор? Я тихо сижу в машине, за рулем – Роб. Мы приезжаем домой, и он на некоторое время задерживается, хочет убедиться, что я не выброшусь в окно, не вскрою себе вены. Я слоняюсь по кухне, ставлю чайник на плиту, стараясь по мере сил выглядеть нормальной, хотя мои нервы крайне напряжены – готовы лопнуть в любую минуту. Когда он наконец уезжает на работу, я с облегчением и без сил падаю на стул у кухонного стола и сотрясаюсь в рыданиях.

Вот, значит, как сходят с ума.

Я роняю голову на руки и думаю о психиатрических больницах. «Клиника» – так ее назвала доктор Роуз, но я знаю, куда они хотят меня упрятать. Я видела фотографию заведения, где умерла моя мать. Там растут прекрасные деревья, есть большие лужайки. А еще замки на окнах. Неужели и я закончу дни в таком месте?

Чайник свистит, взывает ко мне.

Я встаю, чтобы заварить чай, потом сажусь перед пачкой писем, накопившихся за три дня на кухонном столе. Я их еще не просматривала. Мы в совершенном смятении с головой погрузились в наш семейный кризис и не занимались никакими повседневными делами – не гладили рубашки, не оплачивали счета. Неудивительно, что Роб в последние дни такой помятый. Его жена занята – она сходит с ума, ей некогда накрахмалить ему воротничок.

Поверх пачки лежит предложение сделать бесплатный маникюр в любом из расположенных неподалеку торговых центров, но мне теперь наплевать на мои ногти. Неожиданно злость охватывает меня, и я сметаю почту со стола. Конверты разлетаются по кухне. Один из них падает на пол у моих ног. С итальянской почтовой маркой. Я узнаю имя отправителя: Анна Мария Падроне.

Я хватаю конверт и вскрываю его.

*Уважаемая миссис Ансделл,
извините, что на ответ у меня ушло так много времени, но у нас случилась ужасная трагедия. Мой дед умер. Через несколько дней после отправки моего предыдущего письма его убили при налете на магазин. Полиция ведет расследование, но мы почти не надеемся, что они найдут преступника. Моя семья в*

трауре, и мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Мне очень жаль, но я больше не смогу отвечать на ваши письма. Пожалуйста, уважайте нашу частную жизнь.

Я долго сижу, глядя на письмо Анны Марии. Меня одолевает желание поделиться с кем-нибудь этой новостью. Вот только с кем? С Робом и Вэл нельзя, они и без того уверены в моей опасной одержимости «Incendio». С доктором Роуз тоже нельзя – она лишь еще больше утвердится в мнении о моем сумасшествии.

Я беру телефонную трубку и звоню Герде.

– Боже мой, – бормочет она. – Его убили?

– Я совершенно ничего не понимаю. В его лавке одно старье – ничего ценного. Рассохшаяся мебель да жуткие картины. На той улице масса других магазинов. Почему грабители ворвались именно в его лавку?

– Может, им показалось, что их там ждет легкая добыча. Или он продавал какие-то ценные вещи, которых ты не заметила.

– Старые книги и ноты? Ничего ценнее у него не было. Вряд ли это интересуют воров. – Я смотрю на письмо из Рима. – Внучка просит больше ей не писать, значит мы, наверно, никогда не узнаем, откуда взялись эти ноты.

– Ну, одна ниточка у нас все же остается, – говорит Герда. – У нас есть адрес в Венеции из книги цыганских мелодий. Если композитор когда-то жил там, может, нам удастся найти его семью. Вдруг он написал еще какое-то произведение, но его так и не опубликовали? А если нам удастся первыми его записать?

– У тебя бурная фантазия. Мы даже не уверены, жил ли он там.

– Попытаюсь выяснить. Я упаковываю вещи – лечу в Триест. Помнишь, я тебе говорила о концерте? Когда закончу с выступлением, поеду в Венецию. Я уже заказала номер в хорошеньком маленьком отеле в Дорсодуро. – Она замолкает на секунду. – Почему бы тебе не прилететь туда ко мне?

– В Венецию?

– У тебя в последнее время одни неприятности, Джулия. Отдохни немного в Италии. Попробуем раскрыть загадку «Incendio» и заодно устроим себе недельный девичник. Что скажешь? Роб тебя отпустит?

– Хотелось бы мне слетать в Италию.

– Так за чем дело стало?

За тем, что меня вот-вот запрут в психушку, и я больше никогда не увижу Италию.

Я смотрю на письмо и вспоминаю маленький мрачный магазин, где купила ноты. Вспоминаю горгулий над дверями и колотушку в виде головы Медузы. И еще я вспоминаю, какой холод обуял меня там, словно я уже тогда почувствовала Смерть, которая готовилась нанести визит торговцу. Каким-то образом я перенесла проклятие этого места в виде листка нотной бумаги на свой дом. Даже если я сожгу привезенные ноты сейчас, вряд ли удастся освободить свой дом от проклятия. Я никогда не смогу вернуть дочь. И уж совершенно точно не смогу, пока буду сидеть в психушке.

Может быть, мне предоставляется единственный шанс дать отпор. Вернуть семью.

Я поднимаю голову.

– Ты когда улетаешь в Италию? – спрашиваю я Герду.

– Фестиваль в Триесте начнется в воскресенье. Я собираюсь сесть на поезд до Венеции в понедельник. А что?

– Я передумала. Я прилечу к тебе.

15

Если все считают тебя абсолютно сговорчивой, ты можешь без труда убежать от своей жизни и из страны. По Интернету я покупаю билет на сайте «Орбитс» – осталось только два билета по такой цене! – вылет поздно вечером, прибытие в Венецию рано утром. Я прошу Вэл поддержать Лили несколько дней у себя, пока я готовлюсь к госпитализации. Я внимательно выслушиваю все, что говорит мне Роб, даже если он говорит совершенно пустые слова, – теперь он не сможет меня обвинить, будто я слышу голоса, когда он со мной беседует. Я готовлю три великолепных обеда подряд, подаю их с улыбкой и ни разу не упоминаю ни «Incendio», ни Италию.

В день отлета я сообщаю мужу, что до пяти буду у парикмахера; если подумать, то предлог довольно дурацкий: с какой стати женщина, которую вот-вот запрут в психушку, будет заботиться о своей прическе? Но Робу мое вранье кажется абсолютно рациональным. Он начнет беспокоиться обо мне только вечером, когда я не вернусь домой.

А я к тому времени буду уже над Атлантикой, в двадцать восьмом ряду, на среднем месте между пожилой итальянкой справа и рассеянного вида бизнесменом слева. Никто из них не расположен к болтовне, а мне отчаянно хочется с кем-нибудь поговорить, с кем угодно, пусть бы и с этими двумя незнакомыми мне людьми. Я хочу признаться: я бежавшая из

дома жена, мне страшно, но еще и немного любопытно. Мне нечего терять, потому что муж уже считает меня сумасшедшей, а психиатр собирается запереть в дурдом. Я никогда не делала ничего столь безумного или импульсивного, а теперь у меня почему-то приподнятое настроение. У меня такое чувство, будто настоящая Джулия бежала из тюрьмы и теперь должна закончить свою миссию. Миссию по возвращению ее дочери и ее жизни.

Стюардессы приглушают свет в салоне, и все вокруг устраиваются на ночь, а я сижу без сна, думаю о том, что сейчас, вероятно, происходит дома. Роб наверняка позвонит Вэл и доктору Роуз, потом – в полицию. «Моя сумасшедшая жена исчезла». Он не сразу узнает о моем отъезде из страны. Только Герде известно, куда я направляюсь, а она уже в Италии.

Если в Риме я была несколько раз, то в Венеции лишь однажды – мы с Робом летали туда в отпуск четыре года назад. Мы прилетели в августе, и я помню Венецию как путаный лабиринт улочек и мостов, забитых мокрыми от пота туристами. Я помню их запах, а еще запах морепродуктов и солнцезащитных кремов. И я помню раскаленное добела солнце.

Выхожу из аэропорта, ошарашенно мигая, и опять солнце обжигает меня. Да, именно такую Венецию я и помню, только теперь она еще более переполненная... и дорогая.

Я трачу почти весь свой запас евро на водное такси, которое отвозит меня в Дорсодуро, где Герда зарезервировала номер в маленьком отеле, втиснутом в тихую улочку. У этого скромного заведения темное фойе, на стульях потертый бархат; повсюду местный колорит. Герда назвала бы его очаровательным, а я вижу здесь всего лишь убожество. Хотя Герда еще не объявилась, наш номер готов, две односпальные кровати имеют чистый и привлекательный вид. Я так устала, что даже пренебрегаю душем. Падаю на кровать и через несколько секунд засыпаю.

– Джулия. – Меня трясет чья-то рука. – Слушай, ты уже когда-нибудь проснешься?

Я открываю глаза и вижу склонившуюся надо мной Герду. Она выглядит ярко и весело... слишком весело, думаю я, издавая стон и потягиваясь.

– Полагаю, я дала тебе выспаться. Давно уже пора просыпаться.

– Ты когда появилась?

– Сто лет назад. Я уже прогулялась и позавтракала. Сейчас три.

– В самолете я вообще не спала.

– Если ты сейчас же не встанешь, ночью вообще не сомкнешь глаз. Давай поднимайся, а то так и будешь тут жить в другом времени.

Я сажусь и слышу, как вибрирует мой телефон на прикроватной тумбочке.

– Он уже раз шесть звонил, – сообщает Герда.

– Я звонок выключила, чтобы поспать.

– Может, посмотришь, что тебе там направили. Похоже, тебя кто-то ищет.

Я беру телефон, прокручиваю с полдюжины пропущенных вызовов и сообщений. Роб, Роб, Роб, Вэл, Роб. Я кидаю телефон в сумочку:

– Ничего важного. Роб проверяет.

– Он не возражал против твоего путешествия в Венецию?

Я пожимаю плечами:

– Он поймет. Если будет звонить тебе – не отвечай. Он тебя отчитает за то, что я здесь.

– Ты ему не сказала про Венецию?

– Я сказала, что мне нужно исчезнуть на какое-то время, больше ничего. Сказала, хочу побыть в женской компании, а вернусь, когда отдохну и буду чувствовать себя хорошо. – Я вижу, как она хмурится, и добавляю: – Беспокоиться не о чем. У меня еще полно средств на кредитке.

– Меня беспокоит не твоя кредитная карточка. Меня беспокоите вы с Робом. На тебя это не похоже – уехать, не сказав ему куда.

– Ты сама меня сюда пригласила, помнишь?

– Да. Но я никак не ждала от тебя такой прыти: вскочила в самолет, не обсудив сначала свое путешествие с мужем. – Она внимательно смотрит на меня. – Не хочешь поговорить об этом?

Я избегаю ее взгляда, отворачиваюсь и смотрю в окно.

– Он мне не верит, Герда. Он считает, я галлюцинирую.

– Ты имеешь в виду те ноты?

– Он не понимает их силы. И уж конечно, он не понял бы, зачем мне лететь на другой конец света, чтобы попытаться найти композитора. Он бы сказал, что я сошла с ума.

– Наверное, я тоже сумасшедшая, – вздыхает Герда. – Ведь я здесь ищу ответы на те же вопросы.

– Тогда нам пора начинать. – Я беру сумочку, набрасываю ее на плечо. – Пойдем поищем Калле-дель-Форно.

Скоро мы обнаруживаем, что в Венеции не одна Калле-дель-Форно. Первая, куда мы приходим, расположена в сестьере Санта-Кроче, где в четыре часа улицы заполнены туристами, которые заходят в магазинчики и винные бары близ моста Риальто. Хотя день уже клонится к вечеру, жара

стоит удушающая, а в моей голове все еще туман от смены часовых поясов. Мы никак не можем найти дом номер одиннадцать, поэтому заходим в мороженицу, где Герда пытается общаться на своем зачаточном итальянском с женщиной средних лет за прилавком. Женщина смотрит на записанный адрес, отрицательно покачивает головой и подзывает подростка, который сидит ссутулившись за угловым столиком.

Парнишка хмурится, вытаскивает из ушей наушники айпода и обращается к нам по-английски:

– Моя мать говорит, что вы не на той улице.

– Но это ведь Калле-дель-Форно? – Герда протягивает ему бумажку с адресом. – Мы никак не найдем одиннадцатый дом.

– Здесь нет одиннадцатого дома. Вам нужна Калле-дель-Форно в Каннареджо. В другой сестьере.

– Далеко отсюда?

Он пожимает плечами:

– Пересекаете канал по Понте-деи-Скальци. Идете минут пять, может десять.

– Вы бы не могли проводить нас?

Парнишка смотрит на нее взглядом, не требующим перевода: с какой стати я бы стал это делать? И только когда Герда предлагает ему двадцать евро, его лицо проясняется. Он вскакивает на ноги, сует айпод в карман:

– Я вас провожу.

Мальчишка ведет нас рысцой по забитым туристами улицам, мелькает его красная футболка, то исчезая из виду, то появляясь. Один раз, когда он сворачивает за угол, мы вовсе теряем его. Потом слышим окрик «эй, леди!» и видим, как он машет нам далеко впереди. Паренек хочет поскорее получить свои двадцать евро и потому раздражается и подгоняет нас – эти американки плетутся как черепашки по заполненным людьми улицам.

По другую сторону Понте-деи-Скальци толпа еще гуще, и нас сметает поток путешественников, выходящих из здания вокзала неподалеку. Я уже оставила попытки запомнить маршрут и отмечаю только то, что выпрыгивает на меня из карусели цвета и шума. Девушка с загорелым лицом. Витрина магазинчика с карнавальными масками. Быкообразный мужчина в майке, плечи его щетинятся волосами. Наконец мальчишка сворачивает в сторону от канала, и толпа сразу же редет. Мы в одиночестве направляемся в мрачный проход, где крошащиеся здания с двух сторон чуть не смыкаются, словно желая нас раздавить.

– Вот номер одиннадцать, – показывает парнишка.

Я смотрю на шелушащуюся краску, на растрескавшийся, затянутый

паутиной фасад – морщины на древнем лице. Сквозь пыльные окна я вижу пустые комнаты, забросанные картонными коробками и смятыми газетами.

– Похоже, здесь уже никто не живет, – говорит Герда.

Она окидывает взглядом улочку и видит двух пожилых женщин, которые смотрят на нас из дверей.

– Спроси у этих синьор, кому принадлежит дом, – велит она мальчику.

– Вы обещали мне двадцать евро, если я приведу вас сюда.

– Хорошо-хорошо. – Герда дает ему деньги. – А теперь спросишь?

Мальчишка окликает двух пожилых женщин, затем они громко перекикиваются на итальянском. Женщины покидают дверной проем и приближаются к нам. У одной из них белесая катаракта, другая идет, опираясь на палку, которую держит в руке, искалеченной артритом.

– Они говорят, в прошлом году дом купил один американец, – сообщает мальчик. – Он хочет сделать здесь художественную галерею.

Старухи фыркают при мысли о том, что кто-то хочет открыть еще одну галерею в Венеции, тогда как сам город представляет живое, дышащее произведение искусства.

– А прежде кто здесь жил? – интересуется Герда.

Мальчик показывает на искалеченную артритом женщину с палкой:

– Она говорит, что домом долго владела ее семья. После войны дом купил ее отец.

Я достаю из сумочки сборник цыганской музыки, вытаскиваю из нее листочек с «Incendio» и показываю на имя композитора.

– Она что-нибудь знает об Л. Тодеско?

Женщина с палкой наклонилась, чтобы лучше видеть имя. Она долго молчит. Потом протягивает руку, трогает лист и бормочет что-то по-итальянски.

– Что она говорит? – спрашиваю я у мальчика.

– Говорит, они уехали и больше не вернулись.

– Кто?

– Люди, которые жили в этом доме. До войны.

Исключенные пальцы внезапно хватают меня за руку и тащат, тащат вперед. Старуха ведет нас по улочке, ее палка стучит по мостовой. Несмотря на возраст и немощь, двигается она решительным шагом, сворачивает за угол, и мы оказываемся на более людной улице. Мальчишка уже сорвался с места и оставил нас, а потому мы не можем спросить старуху, куда идем. А если она неправильно поняла наш вопрос и мы окажемся в ее семейном магазинчике с безделушками? Мы шествует за ней через мост, потом по городской площади, где она корявым пальцем

указывает на стену.

Мы видим деревянные доски с вырезанными на них именами: «Gilmo Perlmutter 45», «Bruno Perlmutter 9», «Lina Prani Corinaldi 71»...

– Qui, – тихо говорит женщина. – Lorenzo.

Первой видит фамилию Герда:

– Боже мой, Джулия, вот же он!

Она показывает на имя, вырезанное среди других: «Lorenzo Todesco 23».

Старуха смотрит на меня загнанным взглядом и шепчет:

– L'ultimo treno^[16].

– Джулия, это что-то вроде мемориальной доски, – говорит Герда. – Если я правильно понимаю, она говорит о том, что случилось здесь, на площади.

Хотя звучат итальянские слова, их смысл понятен даже мне. Ebraica. Deportati. Fascisti dai nazisti. 246 итальянских евреев, депортированных из Венеции. Среди них и молодой человек по имени Лоренцо Тодеско.

Я оглядываю площадь и вижу слова «Campo del Ghetto Nuovo». Теперь я понимаю, где мы находимся, – в еврейском квартале. Я иду через площадь к другому зданию, где замечаю бронзовые доски со сценами депортации и быта концентрационных лагерей, но я останавливаюсь перед доской с изображением поезда, из вагонов которого появляются обреченные человеческие существа. «L'ultimo treno», – сказала нам старуха. Последний поезд, он увез семью, которая жила когда-то в доме номер одиннадцать по Калле-дель-Форно.

В висках на такой жаре стучит, голова кружится.

– Мне нужно присесть, – говорю я Герде и двигаюсь в тень огромного дерева, где чуть не падаю на скамью.

Сижу, массирую макушку, думаю о Лоренцо Тодеско, молодом человеке двадцати трех лет. Совсем молодом. Его дом в заброшенном ныне здании на Калле-дель-Форно всего в сотне шагов от этого места. Может быть, он когда-то сиживал под этим деревом, бродил по этой же брусчатке. А вдруг я сейчас сижу на той самой скамейке, где на него нашло вдохновение, по велению которого он сочинил «Incendio» в думах о мрачном будущем.

– Вон Еврейский музей, – говорит Герда, показывая на здание неподалеку. – Там кто-нибудь наверняка говорит по-английски. Давай я спрошу, знают ли они что-нибудь о семье Тодеско.

Герда уходит в музей, а я остаюсь на скамье, в голове гудит миллион пчел, они роятся в моем мозгу. Мимо проходят туристы, но я слышу только

пчел, они заглушают голоса и шаги. Я не могу не думать о Лоренцо, которому было почти на десять лет меньше, чем мне сегодня. Я вспоминаю себя десятилетней давности. Новобрачная, у которой вся жизнь впереди. У меня хороший дом, карьера, к которой я стремилась, и ни облачка на горизонте. Но над Лоренцо, евреем во взбесившемся мире, черные тучи смыкались все теснее.

Вернулась Герда. Рядом с ней стоит хорошенькая темноволосая молодая женщина.

– Джулия, познакомься: Франческа, куратор Еврейского музея. Я ей объяснила, почему мы здесь. Она хотела бы увидеть «Incendio».

Я вытаскиваю ноты из сумочки и отдаю молодой женщине, которая хмурится, читая имя композитора.

– Вы купили это в Риме? – спрашивает она.

– Нашла в антикварном магазине. Заплатила сотню евро, – робко добавляю я.

– Лист и в самом деле, похоже, старый, – соглашается Франческа. – Но я сомневаюсь, что ваш композитор принадлежал к семье Тодеско, жившей здесь, в Каннареджо.

– Так вы знаете о семье Тодеско?

Она кивает:

– В нашем архиве есть досье на всех депортированных евреев. Бруно Тодеско работал в Венеции, он широко известный скрипичный мастер. Кажется, у него было два сына и дочь. Мне нужно посмотреть документы, но вполне вероятно, они жили на Калле-дель-Форно.

– А Л. Тодеско не может быть одним из его сыновей? Этот вальс я нашла в старой книге с нотами, а на ней написан адрес по Калле-дель-Форно.

Франческа отрицательно покачивает головой:

– Все книги и бумаги семьи сожгли фашисты. Насколько нам известно, ничто не уцелело. Если Тодеско удалось спасти что-то от огня, то все пропало в лагере смерти, куда их отправили. А потому эта композиция... – Франческа смотрит на «Incendio», – даже не должна существовать.

– Но она существует, – говорю я. – И я заплатила за нее сотню евро.

Она внимательно разглядывает ноты. Поднимает листок к солнцу и прищуривается, рассматривая закорючки на стане.

– Вы говорите, что купили их в Риме. В магазине сказали, откуда у них ноты?

– Торговец приобрел их у владельца дома, принадлежавшего некоему

Капобьянко.

– Капобьянко?

– Так мне написала внучка хозяина магазина. – Я снова запускаю руку в сумку, вытаскиваю оттуда письма Анны Марии Падроне и протягиваю Франческе. – Синьор Капобьянко жил в городке Касперия. Кажется, это недалеко от Рима.

Она читает первое письмо, потом разворачивает второе. Неожиданно я слышу ее резкий вдох, а когда она смотрит на меня, что-то в ее глазах меняется. В них загорается искорка интереса, пожар занялся.

– Значит, хозяин магазина убит?

– Всего несколько недель назад. Его магазин ограбили.

Франческа снова принимается разглядывать «Incendio». Теперь держит лист осторожно, словно бумага превратилась во что-то опасное. Слишком горячее, чтобы удерживать голыми пальцами.

– Можно, я оставлю ваши ноты себе на некоторое время? Хочу показать моим людям. И письма тоже.

– Вашим людям?

– Специалистам по документам. Уверяю вас, в их руках все ваши бумаги будут в полной безопасности. Если ноты и в самом деле такие старые, как кажутся, человеческим рукам больше не следует к ним прикасаться. Скажите, в каком отеле вы остановились, и я позвоню вам завтра.

– У нас дома есть копии, – говорит мне Герда. – Думаю, мы ничем не рискуем, пусть хорошенько исследуют твою находку.

Я смотрю на «Incendio» и думаю о том, как листик старой бумаги искалечил мою жизнь. Как расколол мою семью и отравил мою любовь к дочери.

– Берите, – говорю я. – Не хочу больше видеть эту проклятую бумажку.

Вроде бы я должна чувствовать облегчение: «Incendio» больше не моя забота, теперь он в руках людей, знающих, что с ним делать, тем не менее в ту ночь я лежу без сна и меня мучают вопросы, ответы на которые мне по-прежнему неизвестны. Герда крепко спит на соседней кровати, а я лежу, уставясь в темноту, и думаю, сумеет ли Франческа, как обещала, установить автора музыки, или ноты станут еще одним документом, похороненным в хранилище музея в ожидании ученого, который раскроет их тайну.

Я оставляю попытки уснуть, одеваюсь в темноте и выхожу из номера.

За стойкой ночной портье, она отрывает глаза от романа в мягкой

обложке и дружески кивает мне. В здание проникают смех и громкие голоса с улицы. В столь поздний час полуночники все еще веселятся и гуляют по городу. Но у меня сегодня нет желания бродить по Венеции. Я подхожу к девушке-портье и спрашиваю:

– Не поможете мне? Мне нужно связаться с людьми в другом городе, но я не знаю их телефона. У вас есть справочник, по которому я могла бы найти номер?

– Конечно. Где они живут?

– В Касперии. Насколько я знаю, так называется городок близ Рима. Их фамилия Капобьянко.

Портье обращается к компьютеру и загружает, насколько я понимаю, итальянский аналог «Белых страниц».

– Есть два человека с такой фамилией. Филиппо Капобьянко и Давиде Капобьянко. Вам который из них нужен?

– Не знаю.

Она смотрит на меня недоуменно:

– Вы не знаете имени этого человека?

– Я знаю только, что семья живет в Касперии.

– Тогда я дам вам оба телефона.

Портье записывает номера на клочке бумаги и протягивает мне.

– Не могли бы вы...

– Да?

– Они, вероятно, не говорят по-английски, и я даже не знаю, смогу ли пообщаться с ними. Не могли бы вы позвонить от моего имени?

– Но сейчас час ночи, мадам.

– Я имею в виду завтра. Я доплачу сколько нужно за междугородный звонок, если требуется. Не могли бы вы передать им кое-что от меня?

Девушка берет чистый лист бумаги:

– Что передать?

– Скажите им, меня зовут Джулия Анделл, я ищу семью Джованни Капобьянко. Я хочу спросить о листочке с нотами, который ему принадлежал. Автор музыки – композитор по имени Лоренцо Тодеско.

Она записывает послание и поднимает на меня глаза:

– Вы хотите, чтобы я позвонила по обоим номерам?

– Да, я должна быть уверена, что нашла именно ту семью.

– А если они захотят поговорить с вами? Вы долго собираетесь у нас гостить? Вдруг понадобится передать вам послание.

– Пробуду еще два дня. – Я беру ее ручку и записываю номер моего сотового и адрес электронной почты. – А потом они смогут найти меня в

Штатах.

Портье приклеивает записку к столу рядом с телефоном:

– Я позвоню им утром, перед тем как уйти домой.

Я понимаю, моя просьба довольно странная, и сомневаюсь, выполнит ли ее девушка. Спросить ее я не могу: на следующее утро за стойкой портье сидит другая женщина, а записки у телефона больше нет. Никто мне ничего не передавал. Никто, кроме Роба, который пытался дозвониться мне на сотовый.

Стоя в фойе, я просматриваю последние послания Роба, отправленные в полночь, два часа ночи и в пять по бостонскому времени. Бедняга Роб, он не спит по моей вине. Я вспоминаю ночь, когда рожала Лили, вспоминаю, как Роб все время сидел рядом с моей кроватью, держал за руку, клал прохладную салфетку мне на лоб. Я помню его опухшие глаза и небритое лицо и представляю, как он выглядит сейчас. Я должна ответить ему, что и делаю коротким посланием: «Пожалуйста, не беспокойся. Я кое-что сделаю, а потом вернусь домой». Нажимаю «отправить» и представляю облегчение на его лице, когда он читает мое послание на экране своего сотового. Или раздражение? Я все еще его любимая женщина или уже проблема его жизни?

– Вот ты где, Джулия, – говорит Герда, появляясь из буфета.

Она видит телефон у меня в руке:

– Ты говорила с Робом?

– Отправила ему эсэмэску.

– Хорошо. – Я слышу в ее голосе удивительное облегчение, и она еще раз повторяет: – Хорошо.

– От Франчески есть что-нибудь? По поводу нот.

– Слишком рано, дадим ей еще время. А пока давай-ка прогуляемся по этому великолепному городу. Ты что желаешь посмотреть?

– Я бы хотела вернуться в Каннареджо. В Гетто-Нуово.

Герда колеблется, ей явно не нравится предложение прогуляться в еврейский квартал.

– А если мы сначала заглянем в Сан-Марко?^[17] – предлагает она. – Я хочу побродить по магазинам и выпить «Беллини»^[18]. Мы в Венеции. Будем же туристами!

Именно так мы и проводим большую часть дня. Заходим в магазины в Сан-Марко, пробиваемся сквозь толпы посетителей у Дворца дождей, торгуемся на многолюдном мосту Риальто, покупая всякие безделушки, которые мне вовсе не нужны.

Когда мы наконец переходим по мосту в Каннареджо, день уже клонится к вечеру; я чувствую, как чертовски устала протискиваться сквозь толпы народа. Мы спасаемся в относительно тихом еврейском квартале, где на узкие улицы уже опустились вечерние тени. Я испытываю облегчение, выбравшись из городской толчеи, и поначалу тишина, царящая здесь, меня не беспокоит.

Но, пройдя полпути по проулку, я вдруг останавливаюсь и оглядываюсь. Вижу только мрачный туннель, веревку с бельем, полощущимся высоко наверху, и ни души. Ничего тревожного, но кожу начинает покалывать, и мои чувства мгновенно обостряются.

– Что случилось? – спрашивает Герда.

– Мне показалось, за нами кто-то идет.

– Я никого не вижу.

Я на ходу внимательно оглядываю проулок – вдруг замечу движение. Вижу только белье, колышущееся впереди на ветру, – три выцветшие рубашки и полотенце.

– Никого там нет. Идем, – говорит Герда, не останавливаясь.

У меня нет выбора – только идти следом, я ничуть не хочу оставаться одна в таком устрашающе узком проходе. Мы возвращаемся на Кампо-ди-Гетто-Нуово, где я снова останавливаюсь перед досками с именами депортированных евреев. Вот он, Лоренцо Тодеско. Если Франческа сомневается в том, что он и есть автор «Incendio», то я в этом уверена. Увидев здесь его фамилию, я словно встретила лицом к лицу с человеком, с которым была давно знакома, но узнала только сейчас.

– Уже поздно, – говорит Герда. – Идем в отель?

– Подожди.

Я пересекаю площадь в направлении музея, который уже закрылся. За окном я вижу человека, выравнивающего стопку брошюр. Я стучу в стекло, и он в ответ отрицательно покачивает головой и показывает на часы. Но я стучу еще раз, и он все-таки открывает дверь и смотрит на меня с недовольным выражением, словно говоря: «Шла бы ты отсюда».

– Франческа здесь? – спрашиваю я.

– Она ушла. На встречу с одним журналистом.

– А завтра она будет?

– Не знаю. Приходите – увидите.

Он захлопывает дверь, и я слышу, как недовольно скрежещет щеколда.

Вечером мы с Гердой ужинаем в ресторане средней руки. Выбираем наобум и попадаем в одну из многочисленных ловушек для туристов

(которые больше никогда туда не вернутся) близ Пьяцца Сан-Марко, где можно перекусить пиццей и пастой. Все столики заняты, и мы сидим локоть к локтю с семьей со Среднего Запада, они слишком громко смеются и слишком много пьют. Аппетита нет, и я с трудом заставляю себя есть безвкусные спагетти по-болонски, которые расползаются кроваво-красной массой по тарелке.

Герда, наливая себе в бокал кьянти из графина, говорит жизнерадостным голосом:

– Я бы сказала, что мы завершили нашу миссию, Джулия. Приехали, задали вопрос, получили ответ. Теперь мы знаем, кем был наш композитор.

– Франческа сомневалась.

– Имя совпадает, адрес совпадает. Наверняка он и есть Лоренцо Тодеско. Похоже, вся его семья погибла, и мы не нарушим авторских прав, если запишем вальс. Вернемся домой, подготовим аранжировку для квартета. Стефани наверняка предложит благозвучную партию для виолончели.

– Не знаю, Герда. Мне кажется, не следует нам его записывать.

– Почему?

– Мы словно его эксплуатируем. Наживаемся на трагедии. Музыка с такой страшной историей... боюсь, мы накликаем на себя несчастье.

– Джулия, это всего лишь вальс.

– А человек, который мне его продал, убит в Риме. Эта музыка словно налагает проклятие на всех, кто с ней соприкасается или кто ее слышит. Даже на мою собственную дочь.

Несколько секунд Герда молчит, потом делает глоток вина, осторожно ставит бокал.

– Джулия, я знаю, последние несколько недель дались тебе нелегко. Проблемы с Лили. Падение с лестницы. Но я не думаю, что это как-то связано с «Incendio». Да, музыка тревожная, сложная и мощная, и ей сопутствует трагическая история, но «Incendio» – всего лишь ноты на бумаге, и люди должны их услышать. Так мы воздадим должное памяти Лоренцо Тодеско – поделимся его музыкой с миром. Он обретет бессмертие, которого заслуживает.

– А моя дочь?

– Что твоя дочь?

– Эта музыка изменила ее. Я точно знаю.

– Вероятно, тебе так только кажется. Когда начинаются неприятности, вполне естественно искать им объяснение, но, может, никакого объяснения и нет. – Она кладет свою руку на мою. – Возвращайся домой, Джулия.

Поговори с Робом. Вам нужно помириться.

Я смотрю на нее, но она избегает встречаться со мной взглядом. Почему все вдруг изменилось между нами? Если даже Герда против меня, на моей стороне не остается никого.

Мы в молчании покидаем ресторан и по мосту Академии возвращаемся в Дорсодуро. Несмотря на поздний час, на улицах кипит жизнь, стоит шум. Вечер теплый, и хипповая молодежь повсюду – громкоголосые парни с рубашками навыпуск, беззаботные девчонки в коротких юбочках и топиках на бретельках флиртуют, смеются, выпивают. Но мы с Гердой молчим, сворачивая с многолюдной улицы на более тихую, и направляемся в наш отель.

Роб теперь уже, вероятно, знает, что я в Венеции.

Ему достаточно заглянуть в интернет-банк – и все станет ясно: я снимала наличные в одном из венецианских банкоматов и пользовалась кредиткой в ресторане в Сан-Марко. Такие вещи от бухгалтера не скроешь, а он специалист по отслеживанию денег. Я не отвечаю на его телефонные звонки, чувствуя себя виноватой и боясь его слов. Опасаясь услышать: «Все, мое терпение иссякло». Неужели после десяти лет брака, хорошего брака, я могу его потерять?

В дальнем конце улицы слабо мерцает вывеска нашего отеля. Мы подходим все ближе, и я все еще думаю о Робе, о том, что скажу ему, как переживу все это. Я не замечаю человека, стоящего в дверях. Потом его силуэт, широкоплечий и безликий, неожиданно отделяется от тени и становится у нас на пути.

– Джулия Ансделл? – спрашивает он – голос низкий, итальянский акцент.

– Кто вы? – спрашивает Герда.

– Я ищущ миссис Ансделл.

– Вы ведете себя совершенно неподобающим образом, – осаживает его Герда. – Вы пытаетесь ее напугать?

Человек надвигается на нас, а я отступаю, пока не упруюсь спиной в стену.

– Прекратите, вы ее пугаете! – говорит Герда. – Ее муж сказал, все будет по-другому.

«Ее муж». Всего два слова – и я, потрясенная, прозреваю. Я смотрю на Герду:

– Ты... Роб...

– Джулия, милая, он позвонил мне сегодня утром, пока ты спала. Он объяснил все. Твой нервный срыв, визит к психиатру. Они хотят вернуть

тебя домой и положить в больницу. Роб обещал не расстраивать тебя, но, как я вижу, прислал какого-то кретина. – Она становится между мной и громилой, отталкивает его от меня. – Убирайтесь отсюда, вы меня слышите? Если ее муж хочет, чтобы она вернулась домой, ему придется приехать сюда самому и...

Я замираю на месте от грохота выстрела. Герду отбрасывает на меня, и я стараюсь ее удержать, но она сползает на землю. Я чувствую ее кровь, теплую и влажную, она течет по моим рукам.

Неожиданно дверь отеля распахивается, и я слышу смех двух мужчин, выходящих из здания. Стрелок поворачивается в их сторону, отвлекается на мгновение.

И тут я бросаюсь наутек.

Я инстинктивно бегу к свету, к спасительной толпе. Слышу еще один выстрел, чувствую свист в воздухе рядом с моей щекой. Я поворачиваю за угол и вижу впереди кафе, людей за выставленными на улицу столиками. Я бегу к ним и пытаюсь закричать, привлечь их внимание, но от паники перехватывает горло, и я не могу выдать ни звука. Я уверена, что стрелок преследует меня, а потому все бегу. Я мчусь мимо людей, и они оглядываются. Больше глаз, больше свидетелей, но кто встанет между мной и пулей?

Самый короткий путь из Дорсодуро – мост Академии. Если мне удастся его пересечь, я смогу потеряться в густой толчеи Сан-Марко, среди этих вечно веселящихся толп. И я помню, где-то там есть полицейский участок.

Мост впереди. Моя дверь в безопасность.

Я от него всего в нескольких шагах, но тут чья-то рука хватается меня, останавливает. Я разворачиваюсь, готовая выцарапать глаза гангстеру, готовая сражаться за свою жизнь, но вижу молодое женское лицо. Франческа из Еврейского музея.

– Миссис Анделл, мы как раз шли к вам. – Она замолкает, хмурится при виде моего испуга. – Что случилось? Почему вы бежите?

Я оглядываюсь, безумными глазами обшариваю лица:

– Там человек... он пытается меня убить!

– Что?

– Он ждал у отеля. Герда, моя подружка Герда... – Мой голос срывается на рыдания. – Кажется, она мертва.

Франческа поворачивается и говорит что-то по-итальянски бородатому молодому человеку, который стоит рядом с ней. На нем рюкзачок, очки в роговой оправе, он похож на прилежного студента-старшекурсника. Он

мрачно кивает и быстрым шагом идет в направлении моего отеля.

– Мой коллега Сальваторе выяснит, что случилось с вашей подругой, – говорит она. – А теперь идемте отсюда быстрее. Не нужно вам быть на виду.

– Куда?

Она берет меня под руку:

– В безопасное место.

Декабрь 1943 года

Когда не видишь, куда тебя везут, когда не знаешь пункта назначения, каждый час тянется, словно вечность.

Опустилась ночь, и при закрытых шторках Лоренцо уже не мог понять, в каком направлении движется поезд. Он представлял себе поля и фермы за окном, деревеньки, где в домах горит свет и семьи сидят за ужином. Слышат ли они, как постукивают на стыках колеса? Замирают ли, не донеся ложки до рта, задумываются ли о людях в поезде? Или же продолжают свой ужин – ведь происходящее за стенами дома их не касается. Да и что они могут сделать? Этот поезд, как и все другие до него, пройдет, а они будут разламывать хлеб, пить вино и жить дальше.

«А мы проедем мимо, как призраки в ночи».

Рука Лоренцо занемела, но он не хотел шевелиться: Пия уснула на его плече. Она несколько дней не мылась, и ее длинные волосы свалялись и засалились. Девочка так гордилась своими волосами, так любила закидывать их за плечи, когда мимо проходил хорошенький мальчик. Посмотрел бы на нее какой-нибудь мальчик сейчас, когда потускневшие волосы торчат во все стороны, лицо похудело и побледнело. Тени ее длинных ресниц были похожи на синяки под глазами. Он представил сестру за работой в трудовом лагере, представил, как она дрожит на холоде, худеет и слабеет с каждым днем. Он поцеловал ее в затылок и вместо аромата розовой воды ощутил запах пота и грязной кожи. Как быстро человек теряет человеческий облик, подумал он. Всего несколько дней без еды, кровати, ванной, и огонек погас во всех нас, даже в Марко, который сидел ссутулившись в отчаянии.

Неожиданно поезд дернулся и остановился. За закрытыми шторками Лоренцо разглядел холодное сияние прожекторов на платформе.

Пия вздрогнула и проснулась, посмотрела на него сонными глазами:

- Мы приехали? В Фоссоли?
- Не знаю, сестренка.
- Есть так хочется. Почему нас не кормят? Нехорошо столько времени держать нас без еды.

Двери вагона со скрипом открылись, раздались громкие голоса:

– Alle runter! Alle runter!
– Что они говорят? – спросила Пия срывающимся от страха голосом. – Я не понимаю, что им от нас нужно!
– Они приказывают нам покинуть вагоны, – сказал Марко.
– Значит, мы должны подчиниться. – Лоренцо взял скрипку и сказал Пии: – Держись ближе ко мне, детка. Возьми меня за руку.
– Мама? – в страхе воскликнула Пия. – Папа?
– Все будет в порядке, я уверен, – сказал Бруно. – Только не привлекайте к себе внимания, ни на кого не смотрите. Мы просто должны это пережить. – Отец выдавил натужную улыбку. – И держаться вместе. Вот что самое главное. Держаться вместе.

Пия смотрела в землю, вцепившись в руку Лоренцо, когда они выходили из поезда следом за мамой, папой и Марко. Было холодно, и дыхание парком срывалось с их губ и вихрилось в воздухе. Платформу освещали прожекторы, яркие, как солнечные лучи, и люди щурились; ослепленные, они сбивались в кучки, чтобы не замерзнуть. Стиснутые со всех сторон, подталкиваемые толпой, Лоренцо и его сестра напоминали двух потерявшихся пловцов среди моря испуганных душ. За спиной завизжал младенец, завизжал так громко, что Лоренцо не слышал приказов, выкрикиваемых с дальнего конца платформы. Только когда охранник вышел вперед и начал расталкивать людей, Лоренцо понял: им приказывают выстроиться для осмотра. Сотрясаемые дрожью, они стояли бок о бок, и Пия не отпускала его руку, боясь, как бы толпа не унесла ее от брата. Лоренцо посмотрел на Марко – тот стоял справа от него, только брат смотрел перед собой, распрямив плечи и выставив вперед подбородок, словно бросая охранникам вызов.

Солдаты подошли ближе и двинулись вдоль строя задержанных, а Лоренцо опустил глаза на платформу. Он увидел пару отполированных сапог, неожиданно остановившихся перед ним.

– Ты, – громыхнул голос.

Лоренцо медленно поднял глаза и увидел уставившегося на него офицера СС. Офицер задал вопрос по-немецки. Лоренцо ничего не понял и отрицательно покачал головой. Офицер показал на скрипку в руке Лоренцо и повторил вопрос.

Подошел итальянский охранник и перевел:

– Он хочет знать, твой ли это инструмент.

Лоренцо в ужасе от мысли, что у него отнимут Ла Дианору, крепче ухватил футляр скрипки:

– Да, мой.

– Ты играешь на скрипке?

Лоренцо проглотил слюну:

– Да.

– И какую музыку ты играешь?

– Любую. Какие ноты вижу, такую и играю.

Итальянский охранник посмотрел на немецкого офицера, который резко кивнул.

– Ты пойдешь с нами, – сказал итальянец.

– И моя семья тоже?

– Нет, только ты.

– Но я должен остаться с семьей.

– Твоя семья нам не нужна.

Он подал знак двум солдатам, которые подошли к Лоренцо и схватили его за руки.

– Нет. Нет!

– Лоренцо! – вскрикнула Пия, когда брата оторвали от нее. – Не забирайте его! Пожалуйста, не забирайте!

Он повернулся, чтобы в последний раз посмотреть на сестру, и увидел, как Пия вырывается из рук Марко. Он увидел мать и отца, в отчаянии цепляющихся друг за друга. Его повели по бетонным ступеням прочь от платформы. Все еще ослепленный сиянием прожекторов, он не видел, что происходит, но слышал, как Пия выкрикивает его имя.

– Моя семья... пожалуйста, позвольте мне остаться с семьей! – умолял Лоренцо.

– Тебе с ними не понравится, – отрезал солдат.

– Куда их везут?

– Ты просто считай, что тебе повезло, идиот.

Крики Пии стихли – Лоренцо уводили все дальше от платформы по разбитой дороге. Вдали от прожекторов он различал только высокие стены впереди. На фоне ночного неба виднелись зловещие башни, похожие на каменных гигантов. Проходя через ворота, он почувствовал на себе взгляды охранников сверху. Они пересекли двор в направлении невысокого здания, и один из солдат три раза громко стукнул в дверь.

Голос изнутри приказал войти.

Лоренцо, которого подтолкнули в спину, влетая в комнату, зацепился ногой за порог и чуть не выронил Ла Дианору. Он упал на колени, в нос ему ударил запах сигарет и древесного дымка. Дверь за спиной захлопнулась.

– Идиоты! – пролаял кто-то по-итальянски.

Оскорбление адресовалось не Лоренцо, а двум солдатам.

– Вы не видите – у него в руках скрипка? Я с вас шкуры сдеру, если с ней что-то случилось!

Лоренцо медленно поднялся на ноги, но с испугу не мог поднять глаза на того, чей голос слышал, а потому обвел взглядом комнату. Он увидел истертый сапогами дощатый пол, стол, стулья, пепельницу, полную окурков. На столе горела единственная лампа и лежали четыре аккуратные стопки бумаг.

– Что у нас тут? Ну-ка взгляни на меня.

Наконец Лоренцо посмотрел на сидящего за столом человека и с этого мгновения больше не мог отвести от него глаз. Он увидел горящие голубые глаза, резко контрастирующие с волосами, черными как смоль. Пронзительный взгляд незнакомца будто пригвоздил Лоренцо к месту. Военный в звании полковника принадлежал к итальянским частям СС.

– Он говорит, что он музыкант, – сказал один из солдат.

– А скрипка? – Полковник скользнул взглядом по футляру. – На ней можно играть?

Его взгляд снова впился в Лоренцо.

– Можно?

Лоренцо прерывисто вздохнул:

– Да. Синьор.

– Открой. – Полковник показал на стол. – Давай посмотрим.

Лоренцо положил футляр на стол. Холодными неуверенными пальцами он расстегнул кофр и откинул крышку. Внутри Ла Дианора сверкала, как полированный янтарь, драгоценность на черном бархате.

Полковник восхищенно охнул:

– И как такая скрипка оказалась у тебя?

– Она принадлежала моему деду. А до этого – его деду.

– Так ты, значит, музыкант?

– Да.

– Докажи. Я хочу услышать, как ты играешь.

Руки Лоренцо онемели от холода и страха. Он сжал кулаки, чтобы накачать теплую кровь в пальцы, потом поднял Ла Дианору с ее бархатного ложа. Несмотря на долгую езду и холод на платформе, скрипка держала настройку.

– Что вам сыграть, синьор?

– Что угодно. Мне нужно услышать, умеешь ли ты играть.

Лоренцо задумался. Что сыграть? Неуверенность парализовала его. Он поднял смычок, поднес к струнам, задержал, прогоняя дрожь из рук. Шли

секунды. Полковник ждал. Наконец смычок начал двигаться чуть ли не по собственному желанию, словно Ла Дианора не могла больше ждать, когда Лоренцо выберет музыку. Несколько слабых нот, несколько неуверенных движений, и вдруг мелодия полилась, словно прорвало плотину. Она заполнила все темные углы комнаты. Воздух загудел, а сигаретный дымок заплясал в тени. Ноты Лоренцо не требовались, мелодия навечно врезалась в его память и в его сердце.

Эту музыку он с Лаурой исполнял в Ка-Фоскари дуэтом, который всегда будет напоминать ему о счастливейшем мгновении в его жизни. Он играл и чувствовал рядом ее присутствие, видел черное атласное платье, которое было на ней в тот вечер, изгиб ее плеч, когда она обнимала виолончель. Он видел, как ее разметавшиеся волосы на миг приоткрывают восхитительный загривок. Он играл так, будто она сидела рядом. Он закрыл глаза – и вдруг все исчезло, осталась одна Лаура. Лоренцо забыл, где находится, забыл про усталость, и голод, и страх. Лаура давала ему силы, эликсир, наполняющий жизнью его занемевшие руки, и каждая прозвучавшая нота была голосом его сердца, взывавшим к сердцу любимой сквозь время и разделившее их безотрадное расстояние. Он покачивался в такт музыке, на лбу его выступили капельки пота. Комната, которая поначалу показалась ему такой холодной, теперь раскалилась, как печь, и он горел в ней, его пожирал огонь, высекаемый из струн.

Ты слушаешь, моя радость? Слышишь, как я пою тебе?

Прозвучала последняя нота, и Лоренцо опустил смычок. Когда музыка стихла, холод комнаты снова проник в конечности. Музыкант в изнеможении опустил скрипку и замер со склоненной головой и ссутуленными плечами.

Пауза затянулась. Они оба молчали.

Наконец полковник сказал:

– Что-то неизвестное. Кто композитор?

– Я, – пробормотал Лоренцо.

– В самом деле? Ты сочинил эту музыку?

– Дуэт для виолончели и скрипки, – устало кивнул Лоренцо.

– Значит, ты можешь писать музыку для ансамблей?

– Если меня посещает вдохновение.

– Понимаю. Понимаю.

Полковник обошел его, словно чтобы разглядеть со всех сторон. Потом резко повернулся к двум солдатам:

– Оставьте нас.

– Подождать за дверью? Бог его знает, что он может...

– Ты думаешь, я не справлюсь с жалким заключенным? Ну ладно, если хотите, стойте за дверь. Идите.

Полковник молча, с каменным лицом ждал, когда солдаты выйдут из комнаты. Только когда дверь закрылась, он снова посмотрел на Лоренцо.

– Садись, – приказал он.

Лоренцо положил скрипку в футляр и опустился на стул, игра настолько вымотала его, что ноги подгибались.

Полковник взял Ла Дианору, поднес к лампе, восхищаясь теплым налетом времени на дереве.

– В руках человека менее искусного такой инструмент был бы бесполезен. Но в твоих руках он оживает.

Он поднес скрипку к уху и постучал по задней деке, прислушался к сочному звуку дерева. Положив Ла Дианору назад в футляр, он увидел сборник цыганских мелодий, засунутый за ремешок под крышкой. Военный вытащил книгу и нахмурился, листая страницы.

Желудок Лоренцо завязался в узел. Будь это ноты какого-нибудь почтенного композитора вроде Моцарта, Баха или Шуберта, он бы не беспокоился, но полковник держал в руках книгу с цыганскими мелодиями, с музыкой неприкасаемых. Полковник засунул книгу назад в футляр.

– Из библиотеки моего деда, – поспешно пояснил Лоренцо. – Он профессор музыки в Ка-Фоскари. Его работа – собирать всякие...

– Что касается музыки, тут не мне судить, – сказал полковник, движением руки отпуская грех Лоренцо. – Я не похож на головорезов-чернорубашечников, которые сжигают книги и разбивают инструменты. Нет, я люблю музыку, всякую музыку. Даже в разгар таких грязных дел мы не должны терять любовь к искусствам. Ты согласен?

Он вытянул губы и несколько секунд разглядывал Лоренцо. Затем встал, подошел к столику, вернулся с жалкими остатками своего ужина и поставил перед Лоренцо.

– Художнику, чтобы творить, нужно топливо. Ешь, – приказал он.

Лоренцо устался на горбушку и загустевшую подливку в белом слое жира. Мясa не осталось, только несколько долек морковки и лука, но для голодного человека – настоящий пир. Но он не прикоснулся к еде. Представил себе худое лицо сестры. Подумал о матери – она от голода ослабела и плохо держалась на ногах.

– Моя семья не ела весь день, – сказал он. – Никто в поезде не ел. Не могли бы вы дать им...

– Ты будешь есть или нет? – оборвал его полковник. – Если не будешь – отдам собакам.

Лоренцо взял хлеб, подержал его в руке, чувство вины грызло его, но он так оголодал, что не мог противиться искушению. Он провел куском хлеба по подливке, собрал отвратительную ленточку жира и, сунув в рот, вздохнул, когда почувствовал взрыв вкуса на языке. Нежный говяжий жир. Сладковатая морковь. Дрожжевая горечь подгоревшей корочки. Он намочил оставшийся кусочек в подливке, а когда хлеб исчез во рту, пальцами подобрал последнюю канавку жира и наконец вылизал тарелку.

Полковник сел на стул против него, закурил сигарету. На лице его застыло удивление, разбавленное скукой.

– Я уберу, а то ты еще фарфор начнешь жевать, – сказал он и отнес тарелку на столик. – Могу приказать, чтобы принесли еще.

– Прошу вас. Моя семья тоже голодна.

– Тут я бессилён.

– Но вы же можете... – Лоренцо осмелился заглянуть в глаза полковника. – Моей сестре всего пятнадцать. Ее зовут Пия, и она не сделала ничего плохого. Она хорошая, добрая душа, из тех душ, что заслуживают жить. И моя мать – она себя плохо чувствует, но будет работать. Они все будут.

– Я для них ничего не могу сделать. И тебе советую перестать о них думать.

– Перестать о них думать? Это моя семья, я не могу...

– Не только можешь, но и должен, если хочешь выжить. Скажи мне, ты из тех, кто выживает?

Лоренцо посмотрел в прозрачные голубые глаза и тут же понял: человек перед ним явно принадлежит к тем, кто умеет выживать. Брось его в океан или швырни в орущую толпу, и он как-нибудь исхитрится выбраться без единой царапинки. И теперь полковник призывал Лоренцо сделать то же самое, сбросить с себя весь тот груз, что может утащить его под воду.

– Я хочу быть с ними, – сказал Лоренцо. – Не разделяйте нас. Если моя семья останется единой, я уверен, мы будем работать лучше. Мы принесем вам гораздо больше пользы.

– Где ты, по-твоему, сейчас находишься?

– Нам сказали, что нас везут в Фоссоли.

Полковник хмыкнул:

– Ты не в Фоссоли. Ты в Сан-Саббе. Здесь только транзитный лагерь. Отсюда большинство депортированных отправляются в другие места, если только не владеют определенными навыками. Как ты.

– Тогда мне нужно вернуться в поезд, пока он не ушел.

- Поверь мне, тебе не нужно возвращаться в этот поезд.
- Куда их повезут? Пожалуйста, скажите, куда их повезут.

Полковник глубоко затянулся сигаретой и выдохнул. Глядя на Лоренцо сквозь облачко дыма, он сказал:

- Поезд идет на север. В Польшу.

Полковник поставил перед Лоренцо стакан с вином; налил другой для себя и отхлебнул, разглядывая заключенного, сидящего напротив.

– Ты из тех, кому повезло. Ты должен благодарить Бога, что остаешься здесь, в Сан-Саббе.

- Моя семья... куда их повезут в Польше?
- Вряд ли это имеет значение.
- Для меня имеет.

Полковник пожал плечами и закурил еще одну сигарету.

– В какой бы лагерь их ни отвезли, там будет холодно. Холоднее, чем ты можешь себе представить. Больше я тебе ничего не могу гарантировать.

– У моей сестры только тонкое пальтишко. И она такая болезненная... ей нельзя на тяжелые работы. Если бы ее назначили на какую-нибудь женскую... шить форму, чистить кастрюли... она бы справилась. Вы могли бы посодействовать?

– Ты совсем ничего не понимаешь? Не понимаешь, что значит для еврея отправка в Польшу? Ты избежишь такой участи, если будешь работать со мной.

- Моя сестра...
- Да забудь ты про свою сестру, черт побери!

Вспышка полковника потрясла Лоренцо. В отчаянной попытке спасти Пию он забыл о собственном опасном положении. Полковник может отдать приказ расстрелять его на месте, и, судя по ярости в его глазах, сейчас он, видимо, именно такой вариант и взвешивает. Шли секунды, Лоренцо сидел и ждал, готовый к тому, что бездна судьбы развернется перед ним пулей в затылок.

Полковник откинулся на спинку стула и отхлебнул еще вина:

– Если ты будешь сотрудничать, то возможно, останешься в живых. Но только если будешь сотрудничать.

Лоренцо проглотил слюну, горло его пересохло от страха.

- Что я должен делать?
- Играть, и больше ничего. Как играл мне.

Свет лампы отбрасывал зловещие тени на лицо полковника, а его глаза горели ледяным сиянием. Кто он такой? Явный приспособленец. Но это

еще никак не характеризовало его. Какое сердце билось в его груди под отглаженной формой – доброе или злое?

– Для кого я буду играть? – спросил Лоренцо.

– Ты будешь играть во всех случаях, когда коменданту потребуется музыка. Теперь, когда Рисьера-ди-Сан-Сабба^[19] расширяется, таких случаев будет много. На прошлой неделе из Берлина прибыло с полдюжину офицеров. На следующей неделе приезжает сам герр Ламберт^[20] с инспекцией нового сооружения. Будут приемы, обеды. Гостей нужно развлекать.

– Значит, я должен буду играть для немецких офицеров, – сказал Лоренцо, не в силах скрыть отвращение в голосе.

– Ты предпочтешь, чтобы тебя вывели во двор и там расстреляли? Если хочешь, я это легко устрою.

– Нет, синьор, – сглотнул Лоренцо.

– Тогда будешь играть там и когда прикажет комендант Оберхаузер. Меня просили найти музыкантов, у которых достаточно таланта, чтобы играть в ансамбле. Пока ты третий. Считаю тебя, у нас уже два скрипача и виолончелист. Но мы только начали. С каждым поездом приезжают новые кандидаты. Может быть, в следующей группе я найду кларнетиста и валторниста. Мы уже собрали достаточно инструментов, чтобы оснастить небольшой оркестр.

Не собрали – он имел в виду «конфисковали», отобрали у несчастных, лишенных собственности. Неужели и Ла Дианору ждет такая же судьба? Неужели ее тоже отберут у него и она станет безымянной скрипкой, потеряется в кладовке для осиротевших инструментов? Он посмотрел на свою скрипку с таким же страхом, какой испытывает любая мать, опасаясь, что у нее из рук вырвут ребенка.

– Твоя скрипка не чета другим, – сказал полковник, выдыхая облачко сигаретного дыма. – Гораздо лучше любого инструмента в нашей коллекции.

– Прошу вас. Я получил ее от деда.

– Ты думаешь, я собираюсь отобрать ее у тебя? Нет, играть на ней должен ты, ведь никто другой не знает ее лучше тебя. – Полковник подался вперед, пробив лицом дымовую завесу, и посмотрел на Лоренцо пронизывающим взглядом. – Я, как и ты, художник. И я знаю, каково находиться в окружении людей, которые не разбираются ни в музыке, ни в литературе. Мир взбесился, и война привела к власти варваров. Мы должны просто потерпеть и приспособиться к новому порядку вещей.

«Он говорит о приспособленчестве, а я просто пытаюсь остаться в живых».

Но полковник хотя бы дал ему капельку надежды: возможно, он не умрет здесь. Полковник его соотечественник, итальянец, он проявит снисходительность к земляку. Вероятно, он поступил в СС только для того, чтобы вписаться во власть, а на самом деле не сочувствовал нацистам, лишь был прагматиком. Чтобы выжить, человеку нужно как минимум делать вид, что он сторонник победителя.

Полковник поднялся, взял стопку бумаг со стола, положил перед Лоренцо пустые нотные листы.

– Будешь аранжировать музыку для нашего нового ансамбля. Ты, похоже, разбираешься в партитурах.

– Какую музыку мы должны играть?

– Бога ради, чтобы никаких цыганских мелодий, иначе комендант прикажет вас расстрелять, а меня отправит на передовую. Они предпочитают старую знакомую музыку. Моцарта, Баха. У меня есть ноты для фортепьяно – воспользуйся ими для справки. Твоя задача написать партитуры для музыкантов, которых мы найдем.

– Вы сказали, у вас есть две скрипки и виолончель. Вряд ли это можно назвать оркестром.

– Тогда пусть вторая скрипка играет в два раза больше нот! Пока вам придется довольствоваться имеющимся в наличии. – Полковник швырнул в него карандашом. – Докажи, что ты чего-то стоишь.

Лоренцо посмотрел на листы с пустыми нотными станами, которые ему предстояло заполнить. По крайней мере, он видел что-то знакомое, понятное. Музыка станет его якорем, поддержит его. В мире, сошедшем с ума, музыка поможет ему сохранить здравомыслие.

– Здесь, в Сан-Саббе, ты можешь стать свидетелем некоторых... неприятных вещей. Я тебе советую ничего не слышать, ничего не видеть. И помалкивать. – Полковник постучал пальцами по стопке размеченной бумаги. – Думай о музыке. Делай свою работу хорошо, и тогда у тебя будет шанс выжить.

Май 1944 года

Ночью Лоренцо, лежа на своей койке, слышал крики из камеры номер один. Он никогда не знал, кого пытаются. Никогда не видел жертв. Знал

только, голоса пытаемых от ночи к ночи меняются. Иногда он слышал женский голос. Иногда мужской. Иногда мужской голос разражался плачем, рыдал высоким голосом мальчика на пороге зрелости. Если бы Лоренцо хоть раз отважился выглянуть через зарешеченную дверь, то мог бы увидеть мельком несчастных, которых тащат в тюремный блок, в первую дверь налево. Итальянский полковник предупредил его: ничего не видеть, ничего не слышать. Но как он мог не обращать внимания на крики из камеры для допросов? Люди кричали по-итальянски, по-хорватски, но на любом языке кричали они одно: «Я не знаю. Я не могу вам ничего сказать. Пожалуйста, прекратите, умоляю, прекратите!» Одни были партизанами, другие сражались в Сопротивлении в городах. Некоторые попали в лагерь совершенно случайно, и их мучители истязали только ради удовольствия.

«Ничего не видеть. Ничего не слышать. Помалкивать. И тогда у тебя будет шанс выжить».

Пять сокамерников Лоренцо умудрялись не просыпаться от ночных криков. На койке под ним похрапывал барабанщик, издавая свои обычные рулады и роняя слюни. Неужели вопли несчастных никогда не будили его? Как ему удавалось так легко ускользать в убежище грез? Лоренцо лежал без сна, а барабанщик и остальные спали. Спали от измождения и слабости. А еще потому, что большинство живых существ могут привыкнуть почти к чему угодно, даже к воплям несчастных. Нет, их сердца не зачерствели, просто они ничего не могли изменить, а бессилие ведет к особой форме спокойствия.

Виолончелист Витторио вздохнул и перевернулся. Ему, наверное, снились жена и дочери, которых он в последний раз мельком видел на железнодорожной платформе Сан-Саббы. Той самой платформе, где их, узнав, что они музыканты, оторвали от тех, кого они любили. Даже теперь, несколько месяцев спустя, рана от разрыва с семьей мучительно ныла в душе Лоренцо, словно только что отнятая конечность. Их семьи почти наверняка погибли, а им самим, шестерым сломленным мужчинам, музыка подарила жизнь.

Их всех отобрал лично итальянский полковник. «Жалкий оркестрик» – так он называл их, но свое назначение они выполняли. Вместе с Лоренцо в ансамбле играл миланец Шломо, барабанщик со слезящимися глазами, его арестовали вместе с семьей при попытке пересечь границу со Швейцарией. Вторую скрипку, Эмилио, вытащили с фермы его друга близ Брешии – друга без лишних формальностей расстреляли за предоставление убежища еврею. Виолончелиста Витторио схватили в Виченце, его волосы, словно по волшебству, поседели за несколько недель пребывания в Сан-Саббе.

Валторнист Карло – у этого в прошлом толстяка кожа теперь на животе висела складками. И наконец, альтист Алекс из Словении, талантливый музыкант, его бы принял любой симфонический оркестр мира, а он стал членом оркестра проклятых, от него осталась лишь оболочка человека, который играл теперь механически, с пустыми глазами. Алекс никогда не говорил ни о своей семье, ни о том, как попал в Сан-Саббу. А Лоренцо не спрашивал.

Ему хватало собственных кошмаров.

Крики в камере номер один стали столь пронзительными, что Лоренцо закрыл уши ладонями, спасаясь от жутких звуков. Он все сильнее зажимал уши, пока вопли не стихли; остались только удары его сердца. Когда он наконец отважился отнять руки от головы, то услышал знакомые звуки: заскрипела дверь камеры, а потом во двор поволокли тело заключенного.

Лоренцо знал конечный пункт назначения.

Три месяца назад в здании напротив их тюремного корпуса начались строительные работы. Хотя ему и советовали ничего не видеть и ничего не слышать, Лоренцо не мог ослепнуть настолько, чтобы не замечать грузовиков, завозивших материалы через лагерные ворота. Он не мог не заметить бригады строителей из Берлина во главе с немецким архитектором, который неустанно бродил по лагерю, отдавая распоряжения. Сначала никто из музыкантов не знал, что строят внутри здания напротив. Лоренцо полагал, там возводят еще один тюремный блок для размещения новых задержанных. Каждый день поезда привозили множество мужчин, женщин и детей, и их иногда просто загоняли на открытый двор, где они, дрожа от холода, ждали поезда, который отвезет их на север. Да, новый тюремный блок – в этом был смысл.

Потом среди заключенных, которые носили кирпичи и цемент в новое сооружение без окон, пошли слухи. Они видели подземный туннель, ведущий к вытяжной трубе. Нет, там строят не новый тюремный блок, сказали они Лоренцо. Что-то другое. Сооружение, о назначении которого они могли только догадываться.

Одним холодным апрельским утром Лоренцо впервые увидел дым, курящийся из трубы.

На следующий день заключенных, работавших прежде внутри здания и рассказавших Лоренцо о том, что они видели внутри, вывели из их блока. Они так и не вернулись. На следующее утро из трубы валил дым с характерным всепроникающим запахом. Он въедался в одежду и волосы, застревал в горле и носу, попадал в легкие. Как заключенные, так и охранники по необходимости вдыхали смерть.

«Ничего не видеть. Ничего не слышать. Помалкивать. И тогда у тебя будет шанс выжить».

Все затыкали уши, спасаясь от криков из камеры номер один и от грома расстрельной команды. Но от одного звука никто не мог спастись, звука столь ужасающего, что даже охранники морщились. Некоторые из тех, кого доставляли к печам, не были мертвы, они просто потеряли сознание в предчувствии роковой пули или удара, и их зашвыривали в огонь живыми. Солдаты вжимали в пол педаль газа своих грузовиков или злили собак, чтобы те лаяли, но все это не могло перекрыть вопли, доносившиеся время от времени из чудовища, изрыгающего дым.

Чтобы заглушить агонию умирающих, маленькому оркестру Сан-Саббы приказывали играть во дворе.

И потому каждое утро Лоренцо и его ансамбль покорно собирали инструменты с пюпитрами и выходили из блока. Он потерял счет неделям, прошедшим со дня его прибытия, но в последний месяц отметил, как постепенно зазеленел плющ, ползущий по стенам зданий, а несколько недель назад увидел крохотные белые цветочки, пробившиеся в щелях между камнями. Даже в Сан-Саббу пришла весна. Лоренцо представил дикие цветы, расцветающие за стенами и колючей проволокой, и затосковал по запаху земли, травы и деревьев. Но здесь, в лагере, стояла лишь вонь выхлопных газов, сточных вод и дыма из трубы крематория.

С рассвета из-за стен без конца доносились выстрелы, и теперь в лагерь въехал первый грузовик, набитый урожаем утренней пальбы.

– Дрова подвезли, – сообщил итальянский полковник, когда машина заехала во двор для разгрузки.

За стенами снова раздались выстрелы, и он обратился к оркестру:

– Ну, чего вы ждете? Начинайте!

Музыканты не играли спокойные менуэты или безмятежные пьесы, потому что не развлечение было их целью. Они играли, чтобы заглушить и отвлечь, а для этого требовались громкие марши или танцевальная музыка, исполняемая максимально громко. Они играли, а итальянский полковник вышагивал по двору, требуя, чтобы его музыканты играли громче! Громче!

– Не просто форте, а фортиссимо! Больше барабанов, больше меди!

Ревела валторна, и бил барабан. Четыре струнника пилили своими смычками со всей силы, пока руки у них не начинали дрожать, но все равно громкости не хватало. Никакой громкости не хватало, чтобы скрыть ужас, творившийся в здании с трубой.

Первая машина уехала, через ворота вкатилась вторая, перегруженная, – ее кузов чуть не лежал на осях. Она прогремыкала по

двору, часть груза вывалилась через полотняный карман и с тошнотворным стуком ударилась о камни.

Лоренцо уставился на простреленный череп, обнаженные конечности, изнуренную плоть. Дрова для печи. Валторна неожиданно смолкла, но барабан продолжал бить. Изможденный труп не отвлек от игры Шломо. Бодро наигрывали и струнные, хотя смычок Лоренцо дрожал и выдавал фальшивые ноты: ужас почти парализовал пальцы, когда он увидел то, что лежит у его ног.

– Играй! – Полковник отвесил валторнисту подзатыльник. – Я тебе приказываю: играй!

Несколько пробных продувок, и Карло удалось восстановить дыхание, и теперь они все снова заиграли, но недостаточно громко – полковнику не понравилось. Он ходил перед ними, требуя:

– Форте, форте, форте!

Лоренцо сильнее ударил смычком по струнам и попытался сосредоточиться на нотах, но труп смотрел на него, и музыкант видел, что у покойника зеленые глаза.

Из кабины грузовика выпрыгнули солдаты, чтобы подобрать выпавший груз. Один из солдат швырнул на землю недокуренную сигарету, растоптал ее подошвой, наклонился и ухватил мертвеца за щиколотки. Его напарник взялся за запястья, они вдвоем раскачали тело и забросили в кузов, словно мешок с мукой. Мертвец, выпавший из машины, даже не заставил их прервать разговор. Да и с какой стати, когда множество машин, подобных той, на которой ехали они, день за днем въезжали в ворота все с тем же страшным грузом. Мясник, разрубающий туши, не думает о нежных овечках, он видит только мясо. Точно так же солдаты, ежедневно привозившие все новые и новые тела, видели в них лишь топливо для печей.

И все время играл маленький оркестр Сан-Саббы. Под рев грузовиков, собачий лай и стаккато далеких выстрелов. Под крики из печей. Самое главное – под крики. Они играли, пока крики не стихали наконец, пока разгруженные машины не уезжали, пока из трубы не переставал валить зловонный дым. Они играли, чтобы не слышать, не думать, не чувствовать, сосредотачивались на музыке, только на музыке. Держать темп! Играть вместе! Мы играем чисто? Не думать о том, что происходит в здании напротив. Смотреть в ноты, держать смычок на струнах.

А когда дневная пытка заканчивалась, когда музыкантам наконец разрешали опустить руки, у них не оставалось сил, чтобы подняться со стульев. Они сидели, опустив инструменты, склонив головы, пока

охранники не прогоняли их. Они поднимались на ноги и молча шли в свою камеру. Инструменты уже отговорили за них, и у узников не оставалось слов.

До ночи, лежа на своих койках, окутанные полутьмой, они говорили о музыке. О чем бы ни заходил разговор, он всегда возвращался к музыке.

– Мы сегодня играли вразнобой, – заметил Эмилио. – Какие мы музыканты, если даже не можем выдерживать темп?

– Темп задает барабан. Вы меня не слушали, – сказал Шломо. – Вы должны следовать за барабанщиком.

– Но как, когда валторна ревет тебе в уши?

– Значит, если у вас не получается играть в унисон, виноват я? – вскинулся Карло.

– Никто ничего не слышит, кроме твоей треклятой валторны. К концу дня мы все глохнем.

– Я играю точно так, как написано в нотах. Вам хочется меня винить, но там же все время форте, форте и форте. Если ничего другого не придумаете, набейте тряпки в уши!

Так проходили их вечерние разговоры, неизменно о музыке, никогда о том, что они видели или слышали во дворе днем. Никогда о машинах, или их грузе, или о зловонном дыме, поднимающемся из трубы. Никогда об истинной причине, по которой они каждый день должны были выходить во двор со своими инструментами и пюпитрами. О таких вещах и думать нельзя. Лучше прогнать все подобные мысли и вместо них сетовать на игру невпопад во второй части и спрашивать, почему Витторио всегда опережает темп и почему они должны снова и снова играть занудный «Голубой Дунай»? Такие же сетования можно услышать в консерваториях и джаз-клубах по всему свету. За кулисами их может ожидать смерть, но на сцене они музыканты. Вот что поддерживало их, вот то единственное, что не давало свалиться в бездну ужаса.

Но в ночной тиши, когда каждый оставался наедине со своими мыслями, страхи возвращались. Да и как могло быть иначе, если из камеры номер один снова доносились крики? Быстрее, зажми уши руками. Натяни одеяло на голову и думай о чем-нибудь другом. О чем угодно.

«Лаура. Она ждет меня».

Лоренцо всегда возвращался к согревавшей мысли: Лаура – его свет во тьме. Внезапно перед его мысленным взором расцвел живой образ: Лаура у окна, голова склонилась над виолончелью, солнечный свет золотит ее волосы. Смычок скользит по струнам. Ноты гудят в воздухе, и пылинки дрожат, как звездочки, вокруг ее головы. Она играет вальс, покачиваясь в

такт, прижимая, словно любовника, к груди виолончель. Что это за мелодия? Он почти, хотя и не до конца, различал ее. Минорный лад. Форшлаги. Арпеджио воспаряют в душераздирающем крещендо. Он напрягал слух, чтобы услышать, но музыка доходила до него обрывками, осколками, насквозь пронзенными криками.

Лоренцо вздрогнул и проснулся, последние щупальца сна еще цеплялись за него, как любящие руки. Он услышал утреннее ворчание грузовиков и топот сапог во дворе. Еще один рассвет.

Музыка. Какой вальс играла ему во сне Лаура? Он вдруг понял, что обязан его записать, пока не забыл, не утратил навсегда, и вытащил из-под матраса карандаш и нотную бумагу. В камере стояла темнота, и он почти не видел нот, появлявшихся из-под его карандаша на нотном стане. Он писал быстро, чтобы успеть все переложить на бумагу, прежде чем мелодия умрет в его памяти. Вальс в ми миноре. Арпеджио до третьей струны. Он набросал первые шестнадцать тактов и облегченно вздохнул.

Да, он уловил главную мелодию, скелет, на котором строится вальс. Но в этой музыке слышалось и нечто большее, гораздо большее.

Лоренцо писал все быстрее и быстрее, наконец его карандаш уже просто летал по бумаге. Мелодия ускорялась, ноты налезали на ноты, стан заполнялся стоящими вплотную знаками. Он перевернул лист на пустую сторону, все еще слыша музыку, ноту за нотой, такт за тактом. Он писал очень быстро, и рука у него занемела, шея заболела. Он заметил, как сквозь решетку в камеру проник дневной свет. Он не слышал, как заскрипели койки, – на них зашевелились, просыпаясь, его товарищи. Он слышал только музыку, музыку Лауры, душераздирающую и захватывающую. Четыре такта получились не вполне корректными, он стер и исправил их. Теперь оставалось только два пустых стана. Как заканчивается вальс?

Он закрыл глаза и снова представил себе Лауру, увидел ее сияющие волосы в венчике солнечного света. Увидел, как застыл ее смычок в мгновение тишины, а потом с неожиданной яростью обрушился на две одновременно прижатые струны. Исступленная прежде мелодия замедлилась до тягучего погребального плача. Завершается вальс без каких-либо драматических прикрас, без ошеломительной концовки. Звучат три последние ноты, приглушенные и скорбные, переходящие в тишину.

Он положил карандаш.

– Лоренцо, что ты пишешь? – спросил Карло. – Что там у тебя за ноты?

Лоренцо поднял глаза и увидел, что другие музыканты смотрят на него.

– Вальс, – ответил он. – Для умирающих.

После толп и шума Сан-Марко на узкой улочке, куда приводит меня Франческа, удивительно тихо. Поздно вечером редко кто из туристов отваживается зайти в этот глухой уголок сестеры Каstellо, и скрежет ключа Франчески в скважине кажется слишком громким. Мы заходим в квартиру, и я стою в темноте, ошеломленная, а Франческа быстро двигается по комнате, опускает жалюзи. Только закрыв все окна, она зажигает маленькую лампу. Я думала, она привела меня в свою квартиру, но, когда оглядываюсь, вижу выцветшую парчу, кружевные салфетки и абажур с бахромой. Таких украшений обычно не увидишь в квартире молодой женщины.

– Это дом моей бабушки, – объясняет Франческа. – Она на неделю уехала в Милан. Дождемся здесь возвращения Сальваторе.

– Нужно позвонить в полицию.

Я залезаю в сумочку, которую как-то сумела не потерять во время панического бегства по Дорсодуро. Вытаскиваю телефон, но она хватает меня за руку.

– Мы не можем вызвать полицию, – тихо говорит она.

– Мою подругу застрелили! Почему?

– Им доверять нельзя.

Франческа берет мой телефон и ведет меня к дивану.

– Пожалуйста, миссис Анделл, присядьте.

Я погружаюсь в потертые подушки. Внезапно меня пробивает дрожь, и я обхватываю себя руками. Только теперь, оказавшись в безопасности, я могу отпустить узду, в которой держала себя. Я почти чувствую, как раскалываюсь, распадаюсь на части.

– Не понимаю, не понимаю, почему он хочет меня убить.

– Кажется, я понимаю, – говорит Франческа.

– Вы? Но вы даже не знаете моего мужа!

Она смотрит на меня недоуменно:

– Вашего мужа?

– Он послал человека, чтобы найти меня. Убить. – Я оттираю слезы с лица. – Боже мой, не могу поверить, что такое возможно.

– Нет-нет-нет. Это не имеет никакого отношения к вашему мужу. – Она

берет меня за плечи. – Выслушайте меня. Пожалуйста, выслушайте.

Я смотрю в ее пронзительные глаза и чуть ли не чувствую их лазерный жар. Она садится на стул против меня и несколько секунд молчит, обдумывая слова. У нее роскошные черные волосы и брови дугой – она вполне могла бы быть девушкой с портрета эпохи Возрождения. Черноглазая мадонна, которая хочет поделиться со мной тайной.

– Вчера вечером, после того как вы оставили мне тот листок с нотами, я сделала несколько телефонных звонков, – говорит она. – Первый – одному знакомому журналисту. И он подтвердил: да, синьора Падроне и в самом деле убили в ходе так называемого ограбления его антикварного магазина. Потом я позвонила в Рим женщине, она работает в Европоле – полицейском агентстве Евросоюза. Час назад она отзвонилась мне и сообщила очень тревожные сведения. Она сказала, что, хотя синьора Падроне убили в ходе вроде бы налета, налет этот был очень странным. Деньги и драгоценности в магазине остались нетронутыми. Грабители только перерыли несколько полок со старыми книгами и нотами, но никто не знает, взяли они что-нибудь или нет. А потом она сообщила самую тревожную подробность: как убили синьора Падроне. Двумя выстрелами в затылок.

Я смотрю на нее широко раскрытыми глазами:

– Похоже на казнь.

Франческа мрачно кивает:

– Те же самые люди хотят убить и вас.

Она произносит последние слова деловым, спокойным голосом, как иные говорят: «...и потому небо голубое».

– Нет, невозможно, – мотаю я головой. – Зачем кому-то меня убивать?

– Вальс. Они знают, что вы купили его в том магазине. Они знают, что вы интересуетесь композитором и происхождением нот. Поэтому и синьора Падроне убили – он пытался найти для вас ответы. Обратился не к тем людям, задал несколько опасных вопросов.

«Incendio». Опять все возвращается к тому вальсу.

– А вы знаете ответ? – тихо спрашиваю я. – Откуда взялись ноты вальса?

Франческа набирает в грудь побольше воздуха, словно собирается поведать мне длинную невеселую историю.

– Я считаю, что Лоренцо Тодеско и в самом деле написал «Incendio», а родился и жил он на Калле-дель-Форно, пока его не арестовали эсэсовцы. Он и его семья – родители, сестра и брат – оказались среди двухсот сорока шести евреев, депортированных из Венеции. Из всей семьи Тодеско живым

вернулся только Марко. Он умер лет десять назад, но у нас в музее есть расшифровка записи интервью с ним. Он рассказал о той ночи, когда арестовали его семью, о депортации, о поезде, который привез их в лагерь смерти в Польше. Он сказал, брата отделили от семьи в Триесте, когда охранники поняли, что Лоренцо музыкант.

– Его забрали из-за этого?

– Лоренцо и несколько других музыкантов оставили в Рисьера-ди-Сан-Саббе, имевшем также название Стационарный лагерь триста тридцать девять. Поначалу его использовали как транзитный лагерь и лагерь предварительного заключения для итальянцев. Но через Триест провозили все больше и больше заключенных, система перестала справляться с таким объемом, и назначение Сан-Саббы изменилось. В тысяча девятьсот сорок четвертом немцы построили в лагере высокоэффективную систему утилизации казненных заключенных.

– Систему утилизации, – бормочу я. – Вы хотите сказать...

– Крематорий. Его построил сам Эрвин Ламберт, создатель газовых камер в польских лагерях смерти. В Сан-Саббе были казнены тысячи политических заключенных, партизан и евреев. Некоторые умерли от истязаний. Некоторых расстреляли, отравили газом или убили ударом дубинки по голове. – Она тихо добавляет: – Убитым еще повезло.

– Что вы имеете в виду?

– После казни их везли в крематорий. Если по какой-то случайности пуля, дубинка или газ не убивали, то несчастных засовывали в печь живьем. – Франческа замолкает, и молчание подчеркивает ее последующие слова: – Крики тех, кого сжигали заживо, разносились по всему лагерю.

От ужаса я теряю дар речи. Я не хочу слышать то, что она еще собирается рассказать. Сижу замерев, смотрю в глаза Франчески.

– Крики признали нежелательными, они тревожили даже самого нацистского коменданта. Он приказал музыкантам играть во дворе, чтобы их заглушить. Ответственным он назначил офицера итальянских СС полковника Коллотти. Такой выбор, как ни посмотри, подсказывала сама логика. Коллотти считал себя культурным человеком. Он страстно любил симфоническую музыку и коллекционировал неизвестные ноты. Он собрал оркестр из заключенных. Лично выбрал музыкантов и музыку для исполнения. Ансамбль регулярно играл вальс, сочиненный заключенным-музыкантом. После войны, давая показания на процессе, один из охранников описывал тот вальс как навязчивый и прекрасный, с дьявольской концовкой. Коллотти больше всего нравилась эта вещь, и он приказывал, чтобы ее играли снова и снова. Для тысяч обреченных,

которых вели на казнь, тот вальс становился последней музыкой в их жизни.

– «Incendio». «Огонь».

– Огонь крематория, – кивает Франческа.

Меня снова трясет, пробирает такой озноб, что зубы клацают. Франческа исчезает в кухне и вскоре возвращается с чашкой горячего чая. Я делаю глоток, но меня продолжает трясти. Теперь я знаю: найденный мной вальс и в самом деле проклятый. Проклятый теми тысячами охваченных ужасом душ, которые слышали его в свой последний миг на земле. Вальс смерти.

Я не сразу решаюсь задать следующий вопрос:

– Вы знаете, что случилось с Лоренцо Тодеско?

Она кивает:

– Перед бегством эсэсовцы взорвали крематорий, но бросили составленные с немецкой педантичностью бумаги, а потому нам известны имена заключенных и их судьба. В октябре сорок четвертого года Лоренцо Тодеско и его коллег-музыкантов казнили. Их тела сожгли в печи.

Я сижу молча, печально склонив голову в память о Лоренцо и о тех, кто умер вместе с ним, обо всех, кто погиб в аду войны. Я скорблю о музыке, которую он так и не написал, о шедеврах, которых мы никогда не услышим. Он оставил после себя единственный вальс, точно саундтрек к собственной судьбе.

– Значит, нам известна история «Incendio», – тихо говорю я.

– Не до конца. Остался один жгучий вопрос. Как ноты из лагеря смерти Сан-Сабба попали в антикварный магазинчик синьора Падроне?

Я поднимаю на нее взгляд:

– Разве это важно?

Франческа подается ко мне, ее глаза сверкают.

– Вы подумайте. Мы знаем, что они не могли попасть туда через музыкантов: все они погибли. Значит, ноты попали кому-то из охранников или офицеров СС, которые успели бежать, а потому не были арестованы.

Она наклоняет голову и смотрит на меня. Ждет, когда я соображу.

– Ноты купили в доме мистера Капобьянко.

– Да! И фамилия Капобьянко – она как мигающий красный фонарь. Я попросила свою знакомую из Европола покопаться в прошлом покойного синьора Капобьянко. Мы знаем, что он приехал в Касперию около тысяча девятьсот сорок шестого года, дожил там до девяноста четырех, а умер четырнадцать лет назад. Никто в городке не ведал, откуда он, и жители говорят, что он вел затворнический образ жизни. У него и его жены,

которая умерла за много лет до его смерти, родились три сына. Когда он ушел в мир иной, риелтор, действовавший по поручению семьи, продал большинство вещей, включая множество книг по музыке и музыкальных инструментов. Синьор Капобьянко, как стало известно, являлся страстным любителем симфонической музыки. А еще он человек, о котором мы не можем найти абсолютно никаких сведений до его неожиданного и довольно таинственного появления в сорок шестом году.

Коллекционер книг по музыке. Любитель симфонической музыки. Я смотрю на Франческу:

– Он и полковник Коллотти – одно лицо.

– Я уверена. Коллотти, как и другие офицеры СС, бежал из Сан-Саббы до взятия лагеря союзниками. Власти искали его, но так и не нашли, он так и не предстал перед правосудием. Я думаю, он превратился в синьора Капобьянко, спокойно дожил до старости и сошел в могилу, сохранив свою тайну. – Голос ее дрожит от гнева. – И они готовы на все, чтобы так и осталось.

– Теперь он мертв. Какое значение его тайна имеет для других?

– Нет-нет, его тайна для некоторых имеет огромное значение. Для людей во власти. Поэтому мы с Сальваторе и искали вас сегодня вечером. Чтобы предупредить.

Она достает из сумочки итальянскую газету, раскладывает ее на журнальном столике. На первой странице фотография красивого человека лет сорока, он среди восторженной толпы, пожимает людям руки.

– Это восходящая звезда итальянской политики, по прогнозам должен победить на следующих парламентских выборах. Многие видят в нем нашего нового премьера. Семья много лет готовила его к премьерскому посту. Они возлагали на него большие надежды, ожидали, что он не забудет об их бизнес-интересах. Его зовут Массимо Капобьянко. – Она смотрит на мое испуганное лицо. – И теперь выясняется, что он, видимо, потомок военного преступника.

– Но он не совершал никаких преступлений. Он не может отвечать за своего деда.

– А знал ли он о прошлом деда? Скрывала ли семья его преступления? Вопрос вот в чем: как семья Капобьянко или даже сам Массимо реагировали на опасность разоблачения? – Она смотрит мне в глаза. – Подумайте об убийстве синьора Падроне. Может быть, так они пытались сохранить свою тайну.

Из-за меня, получается, убили старика. По моей просьбе мистер Падроне обратился к семье Капобьянко с вопросом, как к их деду попал

неизвестный вальс, сочиненный композитором из Венеции. Я думаю, они быстро установили, кто такой Л. Тодеско – еврей, погибший в Рисьера-ди-Сан-Саббе. А сам факт существования нот доказывает, что Капобьянко тоже находился в том лагере смерти.

– Я считаю, этим объясняется и нападение на вас, – говорит Франческа. – Семья Капобьянко каким-то образом узнала о вашем приезде в Венецию.

– Я сама им сказала, – шепчу я.

– Что?

– Я попросила портье в отеле позвонить семье Капобьянко и спросить о сборнике нот. Оставила свою фамилию и контактную информацию.

Франческа встревоженно покачивает головой:

– Тогда вам тем более необходимо спрятаться.

– Но теперь ноты у вас. У вас оригинал. Какой им резон меня искать?

– Да, оригинал у нас. Но вы свидетель. Вы подтвердите, что купили этот документ у синьора Падроне. А из письма Анны Марии ясно: синьор Падроне приобрел его у семьи Капобьянко. Вы – важное звено в цепочке свидетельств, ведущих напрямую к их семье. – Она подалась ко мне, впилась в меня неистовым взглядом. – Я еврейка, миссис Анделл. И Сальваторе еврей. Нас очень мало в Венеции, но призраки остаются, они вокруг нас. Теперь мы можем упокоить одного из них. Призрак Лоренцо Тодеско.

Раздается стук в дверь, и я от испуга натягиваюсь, как струна.

– Что будем делать? – шепчу я.

– Ложитесь. На пол.

Франческа выключает лампу, и мы погружаемся в темноту. Я ложусь, чувствую, как сердце колотится о ковер, а Франческа тем временем тихо двигается по темной квартире. У двери она что-то говорит по-итальянски. Ей отвечает мужской голос.

Облегченно вздохнув, она открывает дверь и впускает кого-то. Когда свет снова включается, я вижу Сальваторе. По его лицу понятно, что испугана не только я. Он быстро тарабанит по-итальянски.

– Он говорит, у вашего отеля пострадали три человека, – переводит мне Франческа. – Один мужчина убит, но ваша подруга была жива, когда ее забирали в больницу.

Я думаю о двух несчастных – они вышли из отеля как раз вовремя, чтобы предотвратить мое убийство. И еще я думаю о Герде, которая сейчас, возможно, борется за жизнь.

– Я должна позвонить в больницу.

И снова она останавливает меня:

– Это небезопасно.

– Мне нужно знать, что с моей подругой.

– Вам нельзя высовываться. Если с вами что-то случится, если вы не сможете дать показания против них, цепочка доказательств порвется. Вот почему Сальваторе предлагает свой вариант.

Он раскрывает рюкзачок, который принес с собой. Я надеюсь, у него там пистолет, что-нибудь, способное защитить нас. Но он достает камеру с треногой и устанавливает их передо мной.

– Вы должны записать заявление, – говорит Франческа. – Если что-то случится с вами, у нас, по крайней мере, будет...

Она замолкает, понимая, насколько жестокими могут показаться ее слова.

Я заканчиваю предложение:

– Будет запись моего заявления на камеру.

– Пожалуйста, поймите меня правильно. Вы представляете угрозу для очень влиятельной семьи. Мы должны быть готовы к любому развитию событий.

– Да, я понимаю.

Я понимаю, что хоть так им можно оказать сопротивление. Слишком долго я беспомощно отбивалась от неизвестной угрозы. Теперь я знаю, кто мой враг, и у меня есть возможность нанести ответный удар. Сделать это могу только я. Сразу легчает на сердце, и я глубоко вдыхаю. Сажусь и смотрю в объектив камеры.

– Что я должна говорить?

– Почему бы вам для начала не представиться, не назвать свой адрес? Скажите, кто вы, как купили ноты у синьора Падроне. Расскажите нам о содержании письма, полученного вами от его внучки. Расскажите все.

Все. Я думаю о еще неизвестных им фактах. О том, что вальс Тодеско изменил мою дочь и я теперь боюсь ее. О психиатре, которая хочет упрятать меня в сумасшедший дом. О моем муже, который считает, будто я спятила, поскольку убеждена: «Incendio» принес зло в нашу семью. Нет, ничего такого я им не скажу, хотя так и есть на самом деле. Зло и вправду пропитало «Incendio», зло, которое проникло в мой дом и похитило у меня дочь. И победить его я смогу, только рассказав свою жуткую историю.

– Я готова, – говорю я.

Сальваторе нажимает кнопку «запись». На камере, словно недобрый глаз, загорается красный огонек.

Я говорю спокойным и четким голосом:

– Меня зовут Джулия Анделл. Мне тридцать три года, я замужем за Робертом Анделлом. Мы живем в доме номер сорок один двадцать два на Хит-роуд в Бруклине, штат Массачусетс. Двадцать первого июня я посетила антикварный магазин мистера Падроне в Риме, где купила написанный от руки вальс под названием «Incendio» композитора по имени Л. Тодеско...

Красный глазок камеры начинает подмигивать. Сальваторе ищет новую батарейку, а я все говорю. О том, как пыталась определить личность Лоренцо. О том, как узнала о смерти мистера Падроне. О том, как...

19

Я слышу собственное тяжелое дыхание. Ощущаю запах собственного страха. Я бегу по темной улице. Я не помню, что случилось и как мне удалось выбраться из квартиры. Я не знаю, что стало с Франческой и Сальваторе. Помню только: я сижу перед камерой и вижу, как мигает индикатор разрядки батареи. Дальше темнота. Явно случилось что-то ужасное, моя рука порезана; рана кровоточит, а голова пульсирует. Я заблудилась в незнакомом районе.

И меня преследуют.

Где-то впереди я слышу буханье музыки, примитивный заводной ритм. Там должна быть толпа, в которой я смогу спрятаться. Я поворачиваю за угол и вижу многолюдный ночной клуб и людей, стоящих на улице у коктейльных столиков. Но даже здесь найти меня не составит никакого труда. Мой гонитель просто выстрелит мне в спину и, никем не замеченный, растворится среди людей.

Я проталкиваюсь через стайку гуляк, слышу сердитый окрик женщины, чей бокал я перевернула. Стекло звенит о брусчатку, но я двигаюсь дальше. Бегу через многолюдную площадь, останавливаюсь, чтобы оглянуться. Людей здесь уйма, и поначалу даже кажется, что я оторвалась от преследователя. Но потом я замечаю темноволосого человека, спешащего ко мне с целеустремленностью робота. Остановить его невозможно.

Повернув еще за один угол, я вижу указатель налево, на Пьяцца Сан-Марко. В Венеции Сан-Марко – главное место для всех гуляк, там даже ночью веселится толпа. Он, конечно, думает, что я побегу именно туда.

Я прыгаю направо и прячусь за дверь. Вскоре слышу шаги – человек огибает угол и уходит. В направлении Сан-Марко.

Выглядываю из-за двери: улочка пуста.

Двадцать минут спустя я нахожу незапертые ворота и проскальзываю в частный сад, где тени дышат ароматами роз и тимьяна. Света, проливающегося из верхних окон, достаточно, чтобы заметить кровь на блузке. Левая рука порезана. Разбитым стеклом? Взрывом? Не помню.

Я хочу вернуться в квартиру, узнать, живы ли Франческа и Сальваторе, забрать сумочку, но знаю: там небезопасно. Не осмеливаюсь я и идти в отель, где ранили Герду. У меня нет ни вещей, ни сумочки, ни кредитки, ни сотового. Я как сумасшедшая шарю в карманах в поисках денег, но нахожу только несколько монеток и банкноту в пятьдесят евро.

Постараюсь уложиться.

Я целый час пробираюсь по улочкам, бегом пересекаю мосты и наконец оказываюсь на венецианском вокзале Санта-Лючия. Я не отваживаюсь зайти внутрь, потому что именно в подобном месте меня и будут искать люди Капобьянко. Вместо этого я захожу в одно из множества интернет-кафе и трачу часть своих драгоценных денег на покупку часа компьютерного времени. Уже перевалило за полночь, но кафе заполнено хипповатыми молодыми людьми, стучащими по клавиатурам. Я сажусь за компьютер подальше от окна, авторизуюсь на своем почтовом сервере, а потом открываю сайт Европола и ищу контактную информацию. Способа напрямую связаться с их следственным отделом я не нахожу, а потому отправляю послание в пресс-службу:

Меня зовут Джулия Анделл. У меня есть важнейшая информация об убийстве Стефано Падроне, застреленного в Риме несколько недель назад...

Я описываю все в мельчайших подробностях, что только могу припомнить об «Incendio», и Лоренцо Тодеско, и семье Капобьянко. Я пишу им, что мою подругу Герду ранили рядом с нашим отелем, а Франческа и Сальваторе, возможно, мертвы. Как отреагирует Европол? Сочтет меня свихнувшимся конспирологом? Или поймет, что мне и в самом деле угрожает опасность и требуется их немедленная помощь?

Заканчиваю послание – прошло уже сорок пять минут, я приободрилась, но совершенно выбилась из сил. Я могу только нажать «отправить» и надеяться на лучшее. Ставлю в копию Еврейский музей Венеции, тетюшку Вэл и Роба. Если меня убьют, они хотя бы будут знать причину.

Мое послание улетает в эфир.

Остается еще пятнадцать минут компьютерного времени, и я открываю папку входящих. Там пять писем от Роба, последнее отправлено всего два часа назад:

Я с ума схожу от беспокойства. Герда не отвечает, пожалуйста, дай мне знать, что ты жива-здорова. Позвони, пришли эсэмэску, что угодно. Обещаю, мы вместе уладим все твои проблемы. Я тебя люблю и никогда от тебя не откажусь.

Я смотрю на эти слова, и мне очень хочется ему верить. На компьютере начинает мигать счетчик обратного отсчета времени. Остается всего три минуты Интернета.

Набираю:

Мне страшно, и ты мне нужен. Помнишь тот день, когда я сказала тебе, что беременна? Вот там я и буду. В то же время, в том же месте. Никому не говори.

Я нажимаю «отправить».

Время на компьютере заканчивается, остается тридцать секунд, когда в моем ящике входящих вдруг появляется новое письмо. От Роба. И в нем всего два слова:

Уже лечу.

Венеция – идеальное место, если надо спрятаться. Город прорезан бесчисленными узкими улочками, заполненными людьми со всего света, и в толпе легко затеряться. На рассвете, когда улицы потихоньку оживают, я появляюсь из-под арки – убежища, где провела всю ночь. Нахожу рынок и покупаю хлеб, фрукты, сыр и чашечку кофе, без которого я просто труп. Теперь мои пятьдесят евро иссякли, я полный банкрот. Мне остается только не дать себя убить и прятаться, пока меня не найдет Роб. Я знаю: он прилетит. Хотя бы по той причине, что не любит нерешенных уравнений.

Весь день я провожу в попытках не быть на виду. Избегаю вокзалов и речных пристаней, где убийцы, несомненно, ищут меня. Я нахожу убежище в скромного вида церкви на краю Каннареджо. Фасад Сант-Альвизе прост, без всяких претензий, но интерьер – настоящая жемчужина: здесь множество фресок и картин. И потом, внутри прохладно и тихо, в церкви

сидят только две женщины, их головы задумчиво склонены. Я усаживаюсь на скамью, собираясь просидеть на ней много часов. Мне так хочется узнать, жива ли Герда, но я боюсь появляться в больнице. Еще боюсь появляться близ Еврейского музея, а Франческа сказала, что даже полиции нельзя доверять. Я предоставлена сама себе.

Женщины уходят, время от времени появляются другие верующие, чтобы помолиться и поставить свечки. Путешественников среди тех, кто забредает в церковь, нет: Сант-Альвизе слишком далека от найденных туристических маршрутов.

В четыре часа я наконец выхожу из своего убежища под яркие солнечные лучи, чувствую себя совершенно незащищенной, направляясь к мосту Риальто. Толпы становятся все гуще. Жара удушающая, и движения людей кажутся замедленными, они словно плывут в сиропе. Это случилось четыре года назад в такой же жаркий день – тогда я сообщила Робу, что наконец-то у нас будет ребенок. Мы бродили несколько часов, и посреди моста Риальто я уперлась в такую стену усталости, что мне пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание.

«Ты не заболела?»

«Нет. Но мне кажется, я беременна».

Это было одно из мгновений абсолютного счастья, и я помню его в мельчайших подробностях. Солоноватый запах канала. Вкус его губ на моих. Воспоминание, которое делит со мной только один человек. Кроме него, никто не знает, где я буду ждать.

Я сливаюсь с группой туристов, заполняющих мост, и амебообразная толпа быстро поглощает меня. Посреди моста я останавливаюсь у тележки лоточника, продающего бижутерию из венецианского стекла, и рассматриваю ожерелья и сережки. Я задерживаюсь надолго, и лоточник уже думает, что я куплю что-нибудь, хотя я повторяю: мне только посмотреть. Подходит его помощница, шумно предлагает скидки, голос ее так пронзителен, что люди поглядывают на нас. Я отхожу подальше, но она кричит еще громче, раздосадованная потерей клиента.

– Джулия, – слышу я голос за спиной.

Я поворачиваюсь и вижу его, небритого и помятого. Судя по его виду, он не спал несколько дней, и когда он обнимает меня, я чувствую запах его страха, терпкий, точно запах пота.

– Все хорошо, – бормочет он. – Я отвезу тебя домой, и все будет в порядке.

– Я не могу сесть в самолет, Роб. Это небезопасно.

– Абсолютно безопасно.

– Ты не знаешь всего, что случилось. Они пытаются меня убить!

– Поэтому со мной пришли люди, которые тебя защитят. С ними ты будешь в безопасности. Ты просто должна им довериться.

– Им?

Только теперь я замечаю двух приближающихся к нам мужчин. Бежать мне некуда, пути к бегству отрезаны. Роб обнимает меня, прижимает к себе.

– Джулия, дорогая, я делаю это ради тебя, – говорит он. – Ради нас.

Я пытаюсь вырваться, но хотя и отбиваюсь, царапаюсь, Роб крепко меня держит, прижимает к себе так сильно, что кажется, вот-вот переломает мне кости. Я вдруг вижу вспышку, яркую, как тысяча взорвавшихся солнц. А потом – пустота.

20

Сквозь дымку, туманящую взгляд, я вижу женскую фигуру. На ней свободное синее одеяние, взгляд ее устремлен вверх, пальцы сплетены, руки тянутся к небесам. Портрет какой-то святой, но имени ее я не знаю. Все остальное в комнате, кроме портрета на стене, белое – стены, простыни, жалюзи на окнах. Из-за закрытой двери слышится итальянская речь; тележка грохочет по коридору.

Я не помню, как сюда попала, но точно знаю, где нахожусь. В больнице. Глюкоза и жидкость из прозрачного мешочка стекают в трубочку капельницы, трубочка змеится по кровати и иглой впивается в мою левую руку. Рядом – прикроватная тумбочка с графином воды, а на запястье у меня пластиковая идентификационная ленточка с именем и датой рождения. На ней не написано, в какой я клинике, но я подозреваю, что в каком-то итальянском дурдоме, где даже с врачами я не смогу общаться. Я не знаю, существует ли соглашение об экстрадиции психических больных. Отправит ли меня Италия домой, или я обречена вечно смотреть на святую в синем одеянии на стене?

Я слышу шаги в коридоре и сажусь в кровати, когда открывается дверь и входит Роб. Но смотрю я не на него, а на женщину, которая пришла с ним.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает она.

Я недоуменно трясую головой:

– Вы здесь. Вы живы.

Франческа кивает:

– Мы с Сальваторе беспокоились о вас! После того как вы убежали из

квартиры, мы вас повсюду искали. Всю ночь.

– Я убежала? Но мне казалось...

– Вы не помните?

Голова пульсирует, я массирую виски, пытаюсь восстановить события прошедшей ночи. Темная улица. Садовая калитка. Потом вспоминаю блузку в кровавых пятнах и смотрю на свою забинтованную руку.

– Как я поранилась? Был взрыв?

– Никаких взрывов, – качает головой она.

Роб садится на кровать и берет меня за руку:

– Джулия, ты должна посмотреть кое-что, тогда поймешь, почему у тебя порезана рука. Поймешь все, что происходило с тобой в последние недели. – Он смотрит на Франческу. – Покажите ей видео.

– Какое видео?

– Мы сделали эту запись вчера вечером в квартире моей бабушки.

Франческа вытаскивает ноутбук из портфеля, который принесла с собой, поворачивает ко мне монитор и запускает изображение. Я вижу собственное лицо, слышу собственный голос:

«Меня зовут Джулия Ансделл. Мне тридцать три года, я замужем за Робертом Ансделлом. Мы живем в доме номер сорок один двадцать два на Хит-роуд в Бруклине, штат Массачусетс...»

На экране у меня нервный, растрепанный вид, я все время кошу глаза на двух людей, не попадающих в кадр. Но я без запинки рассказываю историю «Incendio» – как я купила ноты у мистера Падроне, как прилетела в Венецию в поисках ответов, как стреляли в Герду у дверей нашего отеля.

«Клянусь, что все сказанное сейчас – правда. Если со мной что-то случится, вы, по крайней мере, будете знать...»

На моем лице внезапно появляется озадаченное выражение. Несколько секунд проходит в молчании.

На записи невидимая для камеры Франческа говорит: «Джулия, что случилось?»

Она появляется в кадре, похлопывает меня по плечу, потом чуть встряхивает. Я не реагирую. Она хмурится и говорит Сальваторе что-то по-итальянски.

Камера продолжает записывать, а я, словно робот, поднимаюсь и выхожу из кадра. Франческа и Сальваторе окликают меня. Раздается громкий удар, звон стекла, потом голос Франчески: «Куда вы? Вернитесь!»

Франческа останавливает видео, и я вижу на экране лишь пустой стул, на котором только что сидела.

– Вы разбили окно и убежали от нас, – говорит девушка. – Мы

попросили коллег из музея помочь найти вас, но поиски были безрезультатны. И тогда мы достали сотовый телефон из вашей сумочки и позвонили вашему мужу. Оказалось, он уже в аэропорту Бостона, ожидает посадки на рейс до Венеции.

– Не понимаю, – шепчу я, глядя на экран ноутбука. – Почему я это сделала? Что со мной такое?

– Детка, я думаю, мы знаем ответ, – говорит Роб. – Когда тебя привезли в больницу несколько часов назад, ты ни на что не реагировала, была словно в ступоре. Доктора экстренно сделали томограмму мозга. И тогда все стало ясно. Врачи уверены, она доброкачественная, ее можно удалить, но тебе нужна операция.

– Операция? Какая?

Он сжимает мне руку и тихо говорит:

– У тебя опухоль в мозгу, и она давит на височную долю. Вот откуда твои головные боли и провалы в памяти. Вот, вероятно, чем объясняется все, что происходило с тобой в последние недели. Ты помнишь, невролог Лили рассказывал о приступах, связанных с височными долями? Он говорил, они могут выглядеть как высокосложное поведение. Люди во время приступа ходят, разговаривают, даже водят машину. Ты убила Джунипера. Ты ранила себя осколком стекла. Просто не помнишь этого. А когда пришла в себя, тебе показалось, что ты слышишь, как Лили повторяет слова: «Мамочке сделать бо-бо. Мамочке сделать бо-бо». Но она говорила другое. Я думаю, на самом деле она говорила: «Мамочка сделала бо-бо. Мамочка сделала бо-бо». Она боялась за тебя. Пыталась тебя успокоить.

Горло сдавливает спазм, и неожиданно я начинаю рыдать от облегчения. Моя дочь любит меня. Моя дочь всегда меня любила.

– Приступы объясняют все, что ты пережила, – говорит Роб. – Это опухоль.

– Не все, – вмешивается Франческа. – Остается еще вопрос с «Incendio» и его происхождением.

Я покачиваю головой:

– Боже мой, я так запуталась, я теперь не знаю, что случилось на самом деле, а что мне привиделось.

– Тебе не привиделся человек, который пытался тебя убить. Человек, стрелявший в твою подругу.

Я смотрю на Роба:

– Герда...

– Она поправится. Ей сделали операцию, и она приходит в себя, – успокаивает меня он.

– Значит, это правда было? Стрельба...

– Правда. Как и охранники у дверей вашей палаты, – кивает Франческа. – Европол ведет следствие, и если то, что мы подозреваем о семье Капобьянко, окажется правдой... – Она улыбается. – Вы погубили карьеру человека, который имел шансы стать нашим следующим премьер-министром. Мои коллеги из музея считают вас героем.

Настроения праздновать победу нет, я думаю о более опасном враге – опухоли, растущей у меня в мозгу. О враге, который настолько искривил мою реальность, что я стала бояться тех, кого люблю больше всего на свете. Я вспоминаю, как часто в приступах боли массировала виски, пытаюсь усмирить то, что росло внутри. Врага, который все еще может одержать победу.

Но я больше не одинока в своем сражении – рядом стоит Роб. Он всегда стоял рядом, даже когда я об этом не знала.

Франческа убирает ноутбук:

– Ну, мне пора на работу. Готовить заявления, оцифровывать документы. Мы собираемся хорошенько поискать в архивах, найти все, что у нас есть, о семье Тодеско. – Она улыбается мне. – И у вас тоже есть работа.

– Какая?

– Поскорее поправиться, миссис Анделл. Мы на вас рассчитываем. Вы вывели нас на эту дорогу. И именно вы должны рассказать историю «Incendio».

21

Восемь лет спустя

На доме одиннадцать по Калле-дель-Форно, где когда-то жили Лоренцо и его семья, установлена мемориальная доска. Простая надпись на итальянском: «Здесь жил композитор и скрипач Лоренцо Тодеско, погибший в октябре 1944 года в лагере смерти Рисьера-ди-Сан-Сабба». Нет ни слова ни об «Incendio», ни о семье Лоренцо, ни о последних месяцах его жизни в Сан-Саббе, но в этом нет необходимости. Сегодня впервые состоится публичный просмотр документального фильма о его жизни. Вскоре вся Венеция узнает его историю.

Узнает и мою историю, ведь именно я нашла «Incendio», и сегодня, в день премьеры фильма в Венеции, мой квартет исполнит это произведение. Хотя тело Лоренцо давно поглотил огонь крематория в Сан-Саббе, его

композиция до сих пор обладает энергией, способной менять человеческие жизни. Вальс Лоренцо пресек карьеру человека, который мог стать премьер-министром Италии. Он предупредил о менингиоме, образовавшейся когда-то у меня в мозгу. А сегодня вечером он привлек в университетский театр в Ка-Фоскари людей из разных стран. Они собрались, чтобы посмотреть фильм «Incendio» и услышать вальс, вдохновивший авторов фильма.

Несмотря на шум в зале – он доносится через опущенный занавес, – за кулисами я чувствую себя пугающе спокойно. Сегодня аншлаг, и Герда так возбуждена, что барабанит пальцами по задней деке скрипки. Я слышу, как у меня за спиной наша виолончелистка нервно разглаживает свою черную юбку из тафты.

Занавес поднимается, и мы выходим на сцену, занимаем свои места.

За ярким светом прожекторов я не вижу публики, но знаю: Роб, Лили и Вэл смотрят на меня со средних кресел в третьем ряду, видят, как я подношу смычок к скрипке. Я больше не боюсь музыки, которая когда-то вызвала электрическую бурю в моем мозгу. Да, вальсу сопутствует страшная история и смерть, которая протянулась за ним из одного века в другой, но на нем нет проклятия, он не несет несчастья. В конечном счете это просто вальс, надолго задержавшееся эхо тех самых нот, что когда-то играл Лоренцо Тодеско, прекрасный вальс. Может быть, душа Лоренцо слышит наше исполнение. Может быть, звуки, что мы извлекаем из струн, каким-то образом пересекают измерения и находят его в тех местах, где он теперь обитает? Если он слышит нас, то знает, что не забыт. А ведь не пропасть в забвении – то главное, на что все мы надеемся.

Мы доходим до финального такта. Последнюю ноту издает скрипка Герды – высокую, нежную и душераздирающую, словно воздушный поцелуй небесам. Публика сидит ошеломленная и безмолвная, никто не хочет нарушать торжественность момента. А потом раздаются громоподобные аплодисменты. Ты слышишь аплодисменты, Лоренцо? Они опоздали на семьдесят лет, но они все твои.

Позднее в артистическом фойе наш квартет с удовольствием обнаруживает бутылку игристого вина в ведерке со льдом. Герда выстреливает пробкой, мы провозглашаем тост за нашу игру, чокаемся, и бокалы отвечают музыкальным звоном.

– Мы никогда не играли лучше! – говорит Герда. – Следующая остановка – премьера в Лондоне!

Мы снова чокаемся, снова смеемся, поздравляя друг друга. Вроде бы в тот вечер, когда мы чтим Лоренцо Тодеско, негоже такое легкомыслие, а

ведь сейчас еще только начало вечерних празднеств. Мы укладываем инструменты, а во дворе уже вовсю идет вечеринка создателей фильма – вечер яств и танцев под звездами. Герда и остальные торопятся присоединиться к празднеству и первыми выходят из артистического фойе в коридор, направляясь к выходу из театрального помещения.

Я уже собираюсь последовать за ними, когда меня окликают:

– Миссис Ансделл?

Поворачиваюсь и вижу женщину лет шестидесяти пяти, в ее черных волосах серебрятся седые пряди, она смотрит на меня серьезными темными глазами.

– Да, я Джулия Ансделл. Чем могу быть вам полезна?

– Вчера я читала ваше интервью в газете, – говорит незнакомка. – Статью об «Incendio» и семье Тодеско.

– Да?

– В той статье рассказана не вся история. Никого из Тодеско теперь уже нет в живых, так что никто не мог бы вам об этом поведать. Но мне думается, вам было бы интересно узнать.

Я хмурю брови, глядя на нее.

– Про Лоренцо?

– В некотором роде. Хотя на самом деле про молодую женщину по имени Лаура Бальбони. И про то, что с ней случилось.

Мою новую знакомую зовут Клементина, уроженка Венеции, она преподает английский в одной из средних школ, вот почему так живо говорит на моем языке. Герда и остальные давно покинули Ка-Фоскари и присоединились к вечеринке, а потому мы с Клементиной одни в артистическом фойе, расположились на просиженном диване с выцветшей обивкой. Клементина рассказывает, что узнала эту историю от своей покойной тетушки, которая работала горничной у профессора Бальбони, знаменитого музыковеда, преподававшего в Ка-Фоскари. У вдовца-профессора была дочь по имени Лаура.

– Тетушка Альда рассказывала, что девочка отличалась красотой и талантом. И бесстрашием, – говорит Клементина. – Она ничего не боялась и еще совсем ребенком забралась на стул посмотреть, что там булькает на плите. Кастрюля перевернулась, и девочка сильно обварила руки, у нее после того случая на коже остались жуткие шрамы. Но она никогда не пыталась их спрятать. Смело демонстрировала миру.

– Вы сказали, что ваша история связана с Лоренцо, – напоминаю я ей.

– Да-да, и вот здесь-то наши истории пересекаются, – подхватывает

Клементина. – В моменте встречи Лауры и Лоренцо. Понимаете, они были влюблены друг в друга.

Я подаюсь вперед, взволнованная новым открытием. Прежде я занималась только трагической гибелью Лоренцо, а теперь слышу подробности не о его смерти, а о его жизни.

– Я не знала о Лауре Бальбони. Как она познакомилась с Лоренцо?

Клементина улыбается:

– Их познакомила музыка, миссис Анделл. И любовь их началась с музыки.

Дуэт скрипки и виолончели, слившихся в идеальной гармонии, объясняет она. Каждую среду Лаура и Лоренцо встречались в доме Бальбони в Дорсодуро и разучивали произведение, которое собирались сыграть на престижном конкурсе в Ка-Фоскари. Я представляю их двоих: темноглазого Лоренцо и златовласую Лауру, они вместе час за часом разучивают дуэт к конкурсу. Сколько сред им понадобилось, чтобы оторвать глаза от нот и сосредоточиться лишь друг на друге?

Понимали ли они, что, пока зреет их любовь, мир вокруг постепенно рушится?

– Когда в Венеции власть захватили эсэсовцы, Лаура попыталась его спасти, – говорит Клементина. – Она и ее отец, рискуя собственной жизнью, сделали все, что могли, чтобы помочь семье Тодеско. Бальбони были католиками, но разве вероисповедание может диктовать сердцу? Конечно, сердце Лауры подчинялось только любви. Но в конце она ничего не смогла сделать, чтобы спасти Лоренцо или его семью. Она видела, как их депортировали. Как вели на вокзал. И тогда она видела его в последний раз.

– И что с ней случилось?

– Тетушка говорила, несчастная девушка никогда не оставляла надежду, все ждала, что Лоренцо вернется к ней. Она читала и перечитывала письмо, присланное им из поезда. Он писал, все в его семье живы-здоровы и он уверен, трудовой лагерь будет не так уж страшен. Он обещал вернуться к ней, если только она будет его ждать. И много месяцев она ждала Лоренцо, но больше никаких известий от него не поступило.

– Она так и не узнала, что с ним случилось?

– Как она могла узнать? Того письма из поезда хватило, чтобы обнадежить ее, и она уверовала: страшнее трудового лагеря его ничего не ждет. Поэтому-то депортированным в поезде и рекомендовали писать письма – чтобы заверить друзей, будто все хорошо. Здесь, дома, никто не подозревал, куда повез их тот поезд. Никто и представить себе не мог, что

их переправляют в Польшу, и всех их... – Голос Клементины стихает.

– И Лаура так никогда и не узнала, что с ним случилось?

– Нет.

– Но она ждала? Когда война закончилась, она искала его?

Клементина печально покачивает головой.

Я разочарованно откидываюсь на спинку дивана. Я надеялась услышать историю преданности, историю влюбленных, хранивших верность друг другу, даже когда война их разъединила. Но Лаура Бальбони не сдержала обещания ждать Лоренцо. Я надеялась услышать историю о всепобеждающей любви, но обманулась.

– Но вы сказали, что она была красива, – говорю я. – Она наверняка нашла себе мужчину.

– Никого она больше не нашла. Не такова Лаура.

– Она так и не вышла замуж?

Женщина смотрит мимо, но взгляд у нее рассеянный, меня словно нет в комнате, и она разговаривает с кем-то мне невидимым.

– Это случилось в мае тысяча девятьсот сорок четвертого года. Через пять месяцев после депортации Тодеско, – тихо произносит она. – Мир воевал, и повсюду в Европе царили смерть и трагедия. Но, как мне говорили, весна случилась прекрасная. Временам года все равно, сколько тел гниет в земле, цветы расцветают. Тетушка Альда рассказывала, что та семья появилась у дверей профессора Бальбони поздно ночью. Супружеская пара с двумя маленькими сыновьями. Евреи несколько месяцев прятались на чердаке у соседней, но эсэсовцы повсюду проводили обыски, и семья стремилась бежать в Швейцарию. Они слышали, что профессор сочувствует евреям, а потому попросили приютить их на одну ночь. Моя тетушка Альда твердила, что оставлять их на ночь слишком опасно. СС уже знают о политических взглядах профессора, они в любой момент могут устроить в доме проверку. Она знала, какой бедой это может обернуться.

– И он послушался вашу тетушку?

– Нет. Потому что Лаура... отважная своевольная Лаура... не позволила ему отказать тому семейству. Она сказала: а если Лоренцо стоит сейчас перед чьей-то дверью и тоже просит убежища? Она не могла вынести мысль о том, что ему откажут. Она убедила отца принять семью на ночь.

От ужаса у меня холодеют пальцы.

– На следующее утро тетушка Альда отправилась на рынок за покупками, – рассказывает Клементина. – А когда вернулась, в доме

орудовали эсэсовцы, двери были сорваны с петель, мебель разломана. Евреев, которые нашли приют у Бальбони, арестовали, а потом депортировали в концентрационный лагерь в Польше. А Бальбони...

Она замолкает, словно ей не хватает духу договорить.

– Что с ними случилось?

Клементина набирает в грудь побольше воздуха:

– Профессора Бальбони и его дочь вытащили из дома. Их поставили на колени у канала на улице, чтобы показать всем, что будет с теми, кто осмелится спрятать еврея. Их расстреляли без суда и следствия.

Я теряю дар речи. Теряю даже способность дышать. Я склоняю голову и утираю слезы, которые льются из глаз, – я оплакиваю молодую женщину, которую никогда не видела. В тот весенний день, когда расстреляли Лауру Бальбони, Лоренцо еще жил. Он погиб в Сан-Саббе только осенью, в то время как его любимая уже несколько месяцев была мертва. Он, конечно, не мог знать о ее смерти, но, может быть, он чувствовал это? Может быть, когда юная душа отлетала в вечность, во сне он услышал ее голос, почувствовал ее дыхание на своей коже? А когда шел к своему выстрелу в затылок, может быть, утешался тем, что идет и к своей Лауре? Она обещала ждать его – и наверняка ждала, готовая обнять по другую сторону смерти.

Мне хочется верить, что так и было.

– Теперь вам известна упущенная часть, – говорит Клементина. – История Лауры.

– А я про нее ничего не слышала. – Я делаю глубокий вдох. – Спасибо. Я бы никогда не узнала ее имени, если бы не вы.

– Я рассказала вам ее историю, потому что важно помнить не только жертв. Мы должны помнить и героев. Вы так не думаете, миссис Анделл? – Она поднимается. – Рада была с вами познакомиться.

– Мама, вот где ты!

Моя одиннадцатилетняя дочь вбегает в артистическую. Лили распустила волосы, и буйные светлые пряди обрамляют ее лицо.

– Папа тебя ищет. Почему ты не вышла к нам? Там во дворе уже все веселятся, танцуют. Ты должна услышать, что играет Герда. Какую-то сумасшедшую клезмерскую^[21] музыку.

Я поднимаюсь с дивана:

– Иду, детка.

– Ваша дочь? – спрашивает Клементина.

– Ее зовут Лили.

Они вежливо обмениваются рукопожатиями, и Клементина спрашивает ее:

– Ты музыкант, как и твоя мама?
– Хотела бы я стать музыкантом, – расцветает в улыбке Лили.
– Она уже музыкант, – гордо говорю я. – У Лили прекрасный слух – у меня такого никогда не будет, а ей всего одиннадцать. Вы должны услышать, как она играет.

– Ты играешь на скрипке?

– Нет, – говорит Лили. – Я играю на виолончели.

– На виолончели, – тихо повторяет Клементина, глядя на мою дочь.

И хотя губы ее улыбаются, я вижу печаль в глазах женщины, она словно смотрит на фотографию человека, которого знала когда-то. Которого давно уже нет на земле.

– Рада с тобой познакомиться, Лили. Надеюсь в один прекрасный день услышать, как ты играешь.

Мы с дочерью выходим из здания в бархатный летний вечер. Лили не идет – она пританцовывает рядом со мной, золотоволосый эльф в сандалиях и цветастой хлопковой одежде прыгает по брусчатке. Мы идем по двору мимо стаяк студентов, смеющихся и болтающих по-итальянски, мимо каменного фонтана, где вода расплескивает собственную благозвучную мелодию. Сверху пикируют голуби, похожие в сумерках на белокрылых ангелов, и я ощущаю запах роз и моря.

Где-то впереди звучит клезмерская музыка – счастливая и пронзительная, и мне хочется пуститься в пляс и захлопать в ладоши.

Хочется жить.

– Ты слышишь, мама? – Лили толкает меня вперед. – Идем, а не то все пропустим!

Я смеюсь, беру дочку за руку, и мы вместе сливаемся с музыкой.

Исторические замечания

Входя сегодня на Кампо-ди-Гетто-Нуово, с трудом представляешь себе, что эта безмятежная венецианская площадь была когда-то местом страшной трагедии. Памятные таблички на стенах площади рассказывают душераздирающую историю без малого двухсот пятидесяти венецианских евреев, арестованных и депортированных в 1943–1944 годах. Только восемь из них вернулись живыми. В течение тех ужасных лет погибли двадцать процентов из сорока семи тысяч итальянских евреев, большинство из них – в лагерях смерти.

Какими бы ужасающими ни были эти цифры, они бледнеют в сравнении с тем, сколько евреев погибло в оккупированной Европе. В Польше, Германии, Прибалтике нацисты уничтожили девяносто процентов еврейского населения. Семьдесят пять процентов голландских евреев и шестьдесят процентов бельгийских исчезли в лагерях смерти. Почему в Италии процент погибших евреев относительно мал? Чем Италия отличалась от других европейских стран?

Этот вопрос не давал мне покоя, когда я бродила по узким улочкам Каннареджо – венецианского района, где жило много евреев. Отличался ли итальянский характер какими-то свойствами, благодаря которым итальянцы пренебрегали несправедливыми, на их взгляд, законами, даже активно сопротивлялись им? Как человек, которого Италия притягивает снова и снова, который влюблен в ее народ, я хотела верить, что итальянцы особенные. Но я прекрасно знала, что у каждой страны есть свои темные стороны.

Ответ на вопрос «почему Италия другая?» пытаются найти авторы двух превосходных книг: Сюзан Цукотти («Итальянцы и холокост») и Ренцо Де Феличе («Евреи в фашистской Италии»). Оба автора сходятся в том, что Италия по отношению к евреям отличалась от остальной оккупированной Европы. Хорошо ассимилированные и внешне неотличимые от своих соседей евреи легко смешивались с основным населением. До войны много евреев занимали высокие посты в правительстве, науке, бизнесе, медицине, адвокатуре. Сорок четыре процента браков итальянские евреи заключали с неевреями. Во многих смыслах они, вероятно, чувствовали себя полностью интегрированными в итальянское общество. Даже любовница и биограф Бенито Муссолини, очень успешная Маргарита Царфати, была еврейкой.

Но безопасность на поверку часто оказывается иллюзией, и на протяжении 1930-х годов евреи все больше осознавали, что даже в Италии почва уходит у них из-под ног, превращается в опасную трясину. Поначалу это были всего лишь вызывающие беспокойство симптомы: появление нескольких антисемитских передовиц, за которыми последовало изгнание евреев из газеты «Пополо д’Италия». К 1938 году кампания против них ужесточилась, что привело к появлению ряда еще более дискриминационных законов. В сентябре 1938 года евреям запретили преподавать или поступать в школы. В ноябре 1938 года евреям запретили смешанные браки, их изгнали с государственной службы. В июне 1939 года евреям запретили отправлять профессии, требующие высокой квалификации, – таким образом, врачи, адвокаты, архитекторы и инженеры остались без работы. Им запрещалось владеть радиоприемниками и входить в общественные здания, посещать популярные курортные места. Музыка, сочиненную евреями, запрещалось передавать по радио.

По мере ужесточения законов росло число евреев, покидавших страну, но большинство оставалось. Хотя опасные симптомы накапливались, евреи Италии верили: в Италии невозможно то, что происходит в Германии и Польше. Как метафорическая лягушка, которая варится заживо в медленно закипающей воде, большинство итальянских евреев приспособивались к новым жестоким реалиям и просто продолжали жить. Да и куда могли уехать семьи вроде семьи Лоренцо, прожившие в Италии многие столетия?

В 1943 году началась немецкая оккупация Северной и Центральной Италии, и проживавшие там еврейские семьи оказались в ловушке. Немецкие и итальянские СС выслеживали их, а они пытались спрятаться или бежать. Одним удавалось перебраться через горы в Швейцарию. Другие нашли приют в монастырях. Третьи прятались в домах сочувствующих друзей или соседей.

Но большое число было арестовано и депортировано, как семья Лоренцо, отправлено поездом на север. Большинство считало, что их направляют в трудовые лагеря, и лишь немногие предполагали, что путешествие закончится в крематориях лагерей смерти в Польше.

В Венеции операцию провели так неожиданно, что многих застали прямо в кровати. В начале декабря 1943 года завывали сирены воздушной тревоги, заглушившие все крики, и власти арестовали около сотни евреев. Их поместили в школу, превращенную в центр временного содержания. Там они провели несколько дней без пищи, и сострадательные соседи забрасывали еду через окна. Изголодавшихся, их повели через весь город на вокзал, посадили в поезд, а они, вероятно, все еще верили, что останутся

в живых, потому что многие из них написали успокоительные письма друзьям в Венеции.

На пути в Освенцим они неизбежно оказывались в транзитном лагере Рисьера-ди-Сан-Сабба на окраине Триеста. На этом месте прежде стояли корпуса предприятия по шелушению риса, но впоследствии Рисьера-ди-Сан-Сабба стал единственным лагерем смерти на итальянской земле. К весне 1944 года там построили крематорий, где сожгли тысячи казненных политических заключенных, бойцов Сопротивления и евреев. Сообщалось, что выстрелы, а иногда и крики из печей были такими громкими и жуткими, что их пытались заглушить музыкой.

На этом жестоком историческом ландшафте легко обнаруживаются всевозможные негодяи: от политиков, ратовавших за антисемитские законы, фашистской полиции, с готовностью арестовывавшей и депортировавшей своих соотечественников, до информаторов, выдававших своих соседей и коллег. Но так же легко обнаруживаются и герои: глава еврейской общины профессор Джузеппе Йона, который, получив приказ передать властям список венецианских евреев, уничтожил все документы и покончил с собой; тысячи бойцов Сопротивления, многие из которых погибли от рук мучителей в Сан-Саббе; сострадательные карабинеры, полицейские, чиновники, которые отказывались арестовывать местных евреев и даже помогали им прятаться; бесчисленные монахини, священники и простые итальянцы, которые кормили, одевали и давали приют незнакомцам, оказавшимся в отчаянной ситуации.

Как и Бальбони, некоторые из безвестных героев заплатили жизнью за свою самоотверженность. В романе «Игра с огнем» я хотела воздать должное этим людям, обычным мужчинам и женщинам, чьи отважные и жертвенные поступки всем нам дают надежду. Даже в самые темные времена всегда найдется Лаура, чтобы осветить путь.

Рассказы

Паутина смерти

1

Прибыла «королева мертвых».

Когда в тот промозглый день судмедэксперт Маура Айлз вышла из своего черного «лексуса», ее внешний вид точно соответствовал прозвищу, которое давным-давно дали ей копы бостонской полиции. Черная машина, черное пальто, черный шарф. Так оно и должно быть в зимний день с его сгущающимися тенями и предчувствием неминуемого первого снега.

Детектив Джейн Риццоли вскинула руку в перчатке.

– Привет, док! – крикнула она. – Надеюсь, ты захватила фонарик.

Маура пересекла улицу, подошла к ступенькам церкви и оглядела аркообразную дверь и заколоченные досками окна.

– Святой Антоний? Это сооружение много лет не используется.

– Жертве удалось проникнуть внутрь, – сказала Джейн.

Дрожь пробрала Джейн, когда ветер растрепал ее волосы и запутался в полах пальто.

– К несчастью, это удалось и ее убийце, – добавила она.

– Убийце? – Маура кинула на Джейн вопросительный взгляд. – Ты, значит, уже решила, что тут произошло убийство.

– Увидишь тело – поймешь почему.

Джейн дождалась, когда Маура наденет бахилы и перчатки, потом толкнула массивную дубовую дверь, и они вошли внутрь. Хотя стены теперь и защищали их от ветра, во влажном помещении не показалось теплее, каменная кладка словно сама излучала холод. Электричество здесь отсутствовало, и свет давала только аккумуляторная лампа криминалистической бригады, сверкавшая в дальнем конце. В гулком пространстве наверху висели густые, словно ночь, тени.

– Как обнаружили тело?

– Проходившая мимо женщина услышала крики изнутри и позвонила девять-один-один. Первый приехавший полицейский сказал, что задняя дверь не была заперта. Он вошел и увидел тело.

Джейн включила свой фонарик и повела Мауру к алтарю меж рядов пустых скамей. Там их ждали детектив Барри Фрост и три криминалиста. Они образовали скорбный кружок у тела, словно защищая покойную от хищников, прятавшихся в темноте. Мужчины расступились, и Джейн с

Маурой увидели молодую женщину; она лежала на полу – голова откинута назад, рот раскрыт.

– По документам ее зовут Кимберли Рейнер, возраст – семнадцать лет, – сказал Фрост.

Никто не произнес ни слова, когда к телу подошла Маура и уставилась на распухшее лицо. Светлые волосы девушки засалились и спутались, лицо запятнала грязь.

– Одежда на ней не тронута, на сексуальное насилие не похоже. Но ты видишь странгуляционные борозды? – спросила Джейн.

Она направила луч фонарика на выгнутую шею убитой: горло в ссадинах, оставленных безжалостной рукой убийцы. После смерти лицо опухло, но сама девица была кожа да кости, ключицы нелепо торчали, запястья казались прутиками. От плохого питания тело девушки начало поедать само себя, поглотило жиры и мышцы в попытке прокормить мозг и сердце.

– Хочешь увидеть, что нас по-настоящему напугало? – спросила Джейн.

– Одного трупа разве мало?

– Ты посмотри сюда.

Джейн повернулась, и что-то сверкнуло в луче ее фонарика. Даже невозмутимая Маура Айлз при виде этого чего-то испуганно охнула.

При виде гроба. Со снятой крышкой.

2

Что-то вспорхнуло в темноте над ними. Джейн подняла голову, и ее пробрала дрожь, когда она увидела летящую тень высоко наверху.

– Там на колокольне и в самом деле живут летучие мыши, – сказала она. – Мы их уже видели – они летали вокруг.

– Летучие мыши? – с нервным смешком переспросила Маура. – И открытый гроб?

– Постой. Тут не все так плохо. – Джейн подошла к гробу. – Посмотри.

– Только не говори, что там спит вампир.

Джейн посветила фонариком в гроб. На атласной подушке виднелось с полдюжину черных волосков.

– Здесь кто-то лежал. Вот только непонятно – мертвец ли. Может, кто-то просто спал.

Джейн нервно хохотнула.

Маура встала над гробом, уставилась на красноречивые волоски. Наконец она тряхнула головой, словно прогоняя наваждение, навеянное на всех обстановкой.

– Джейн, этому есть логическое объяснение.

– Ты всегда так говоришь.

Маура повернулась и показала на капли воска, застывшие на полу:

– Кто-то здесь зажигал свечи. И посмотри, вот коробка с одеялами. В церкви кто-то поселился, только и всего. Может быть, жертва.

– Или тот тип, который спал в гробу. Где бы он теперь ни находился.

Маура снова подошла к телу:

– Тут слишком темно, я не могу ее толком осмотреть. Нужно доставить тело в морг на вскрытие. – Она достала сотовый. – Говорит доктор Айлз. Нам нужно вывезти труп...

– Может, прежде забить ей осиновый кол в сердце? На всякий случай, – пробормотал один из криминалистов.

Стало еще холоднее. Джейн видела в сумраке собственное дыхание – призрачные облачка, рассеивавшиеся в темноте. Кимберли Рейнер, вероятнее всего, заканчивала школу, подумала Джейн, посмотрев на тело. Семнадцатилетняя девчонка должна флиртовать с парнями, готовиться к поступлению в колледж и думать о будущем. А не лежать мертвой на холодном как лед каменном полу.

– Детектив Риццоли! – позвал криминалист. – Я нашел отпечаток обуви.

Джейн подошла к тому месту, где присел криминалист, нацеливший луч фонарика на грязный след.

– Похоже, мужской ботинок восьмого или девятого размера. Для жертвы великовато будет.

Светя фонариком в пол, Джейн шла по следу, пока не оказалась у двери, но не у той, через которую вошел вызванный патрульный. Нет, через этот вход в здание проник кто-то другой. Дверь была приоткрыта, и она чувствовала, как сквозь щель внутрь сочится ледяной ветер.

Она распахнула дверь и оказалась в заросшем боковом дворике, усыпанном осенней листвой. Треснула ветка, и Джейн инстинктивно вскинула голову, навела на звук луч фонарика.

В темноте сверкнула пара глаз, уставившихся на нее.

В мгновение ока пистолет оказался в руке Джейн.

– Бостонская полиция! Назовитесь! – потребовала она.

Облаченная в черное фигура спрыгнула с веток и ринулась прочь.

– Стой! – крикнула Джейн, но беглец и не подумал остановиться.

Джейн бросилась следом, под ее сапожками крошилась тонкая корочка льда. Кто-то убегал неясной тенью, то исчезающей, то вновь появляющейся, как нечто не вполне материальное. Не вполне человеческое.

За спиной она услышала крик Фроста:

– Риццоли?

Она ни на секунду не скинула темп. Неясная фигура впереди двигалась стремительно – на удивление стремительно. Ноги Джейн заработали быстрее, мышцы словно загорелись огнем. Холодный воздух, казалось, обжигал ей горло. Она увидела, как беглец вскарабкался на ограду и исчез из виду.

Джейн тоже залезла на ограду, чувствуя, как занозы впиваются в руку. Она тяжело спрыгнула на другой стороне, боль пронзила щиколотки. Она оказалась в закрытом дворе. Где он, где? Она лихорадочно оглядывала темноту в поисках любого движения.

Кажется, тень проскользнула в тот сарай.

Держа пистолет обеими руками, Джейн подошла к дверям. Внутри стояла темнота, настолько черная, что казалась материальной. Детектив потихоньку продвинулась вперед, остановилась на пороге, попыталась заглянуть внутрь – ничего не видно.

Из темноты донесся звук, от которого волосы встали дыбом. Быстрое, отчаянное дыхание. Но раздался он не из сарая, а у нее за спиной.

Она развернулась и увидела его – облаченный во все черное, он сидел в тени на корточках, съежившись от страха. Она направила луч фонарика на его лицо, и беглец вскинул руки, защищаясь от яркого света.

– Кто вы? – спросила она.

– Никто.

– Покажитесь! Встаньте!

Фигура медленно поднялась на ноги и опустила тощие руки. Джейн увидела перед собой лицо потусторонней белизны и волосы, отливающие чернотой воронова крыла. Такого же цвета, как и на подушке в гробу.

– Ух ты, он и в самом деле похож на вампира, – сказал Барри Фрост,

глядя в одностороннее зеркало на бледного молодого человека, сидевшего в комнате для допросов.

Задержанному было восемнадцать лет, а звали его Лукас Генри. Поменяй фамилию и имя местами, и они станут зловеще знакомыми: Генри Лукас^[22]. Понимала ли его мать, что называет ребенка именем самого страшного серийного убийцы всех времен? Но парень в соседней комнате казался не опасным, а испуганным. Он сидел сгорбившись за столом, черные волосы ниспадали на его белый лоб. Он напоминал живой скелет – выступающие скулы, глубоко запавшие глаза. В многочисленных пирсинговых проколах в носу, губах и еще бог знает где красовалось столько всевозможных железок, что, когда он входил в управление Бостонской полиции, сработала рамка металлоискателя.

– На кой черт молодежь дырявит себе кожу? – спросил Фрост. – Никогда этого не понимал.

– Субкультура готов. Смерть, боль, забвение. И подобная смешная чушь, – фыркнула Джейн.

– Но ему явно не смешно.

– Пойдем-ка разнообразим ему вечерок весельем.

Когда Джейн и Фрост вошли в комнату, Лукас выпрямился на стуле и посмотрел на них огромными от страха глазами. Несмотря на устрашающий пирсинг и черную кожаную куртку с переводной картинкой в виде черепа, Лукас казался всего лишь перепуганным мальчишкой. Мальчишкой, который, возможно, ухватил своими тонкими руками Кимберли Рейнер за шею и прикончил ее.

Джейн села напротив и посмотрела в глаза парню: обильно подведенные карандашом, они покраснели от слез.

– Вы уверены, что вам не нужен адвокат? – спросила она.

– Я не сделал ничего плохого!

– Значит, ваш ответ – «не нужен».

– Когда я уходил, она была жива. Клянусь вам.

– Скажите, как вы познакомились с Кимберли Рейнер?

Парень набрал в грудь воздуха:

– Я познакомился с ней несколько месяцев назад, когда мы оба гуляли на Гарвард-сквер. Мы сразу же узнали друг друга.

– Насколько я поняла, вы только тогда познакомились.

– Я хочу сказать, я сразу же понял, кто она. А она поняла, кто я.

– И кто же?

– Мы не такие, как все. Мы не похожи на других ребят. Ни на кого не похожи.

- Каждый молодой человек считает себя ни на кого не похожим.
 - Но мы действительно другие.
 - В каком смысле?
- Он сделал глубокий вдох:
- Мы не люди.

5

Последовала долгая пауза. Стоявший в углу Фрост закатил глаза.

– Забавно, – сказала Джейн. – А по мне, так вы вполне себе человек.

– Это только на первый взгляд. Но если вы исследуете мои клетки, если посмотрите на них под микроскопом, то увидите: я другой. Я с самого детства знал, что я не такой, как все. Мне не нужна еда, как вам. Я могу прекрасно жить, питаюсь одним воздухом и...

– Пойдите, я сама догадаюсь, – предложила Джейн. – И кровью?

– Вы смеетесь надо мной, – прищурился парень.

«О, ты так думаешь?»

– Ты хочешь сказать, что ты – вампир? – спросил Фрост, с трудом сохраняя серьезное выражение лица.

Лукас посмотрел на него:

– Если вам так угодно нас называть. Мы – подвид людей ночных и гематофагных. То есть мы питаемся кровью.

– Да, я понял. Так чьей кровью вы питаетесь?

– Мы не убиваем людей, если вы об этом. Мы пацифистская разновидность нашего подвида. Иногда волонтеры дарят несколько колб, чтобы нас накормить.

– Волонтеры?

– Друзья. Одноклассники. Или кто-нибудь, кто готов украсть мешочек другой донорской крови. Но главным образом мы поглощаем кровь животных. Ее можно купить в любом хорошем мясном магазине. – Он распрямился, надул тощую грудь. – Она придает нам сверхчеловеческие силы.

Джейн посмотрела на анемично-бледное лицо, глаза, глубоко утонувшие в глазницах, и подумала: «Сверхчеловеческую глупость она тебе придает».

– Значит, Кимберли Рейнер тоже была вампиром?

– Да. Несколько недель назад она убежала из дома. Я пригласил ее ночевать со мной в церкви.

– Вы вместе спали в том гробу?

– Нет, у нас были абсолютно платонические отношения. Я нашел для нее старую упаковочную коробку, и она в ней спала. Туда свет не проникает.

– А я думала, вампиры бессмертны. Что же с ней случилось?

– Не знаю. Я проснулся от ее крика. Она каталась по полу, говорила, у нее болит живот. Хотя еще был день, я пошел купить ей пепто-бисмол^[23]. Когда приблизительно час спустя я вернулся, у церкви стояла полицейская машина. – Он уронил голову. – Я не знал, что она мертва.

– Может, расскажешь, как было на самом деле? – предложила Джейн.

– Я правду рассказал.

Подавшись к юноше, Джейн принялась сверлить его взглядом:

– А вот как, я думаю, все случилось. Тебе хотелось секса. А может быть, хотелось попробовать ее крови. А может, она тебя чем-то разозлила. И ты напал на нее. А она закричала.

– Нет, все было не так...

– Она все кричала, ты ухватил ее за горло, чтобы она замолкла. Но она все кричала, и ты давил сильнее. Еще сильнее. И вдруг она перестала кричать. – Джейн выдержала паузу, а потом добавила: – Ведь это несчастный случай? Разве не так все произошло?

– Вы никогда не заставите меня признаться в том, чего не было.

Раздался стук в дверь, и в комнату засунул голову детектив Даррен Кроу:

– Риццоли, приехал отец девицы. Я его посажу подождать в...

В комнату, оттолкнув детектива Кроу, ворвался человек. Он остановился, уставившись на Лукаса Генри:

– Ты, урод!.. – и бросился на парня.

6

– Если бы кто-то убил вашего ребенка, – сказал Тони Рейнер, – вам бы тоже хотелось разорвать его на части.

Отец Кимберли Рейнер был человеком мощного сложения, и трем детективам лишь с трудом удалось оторвать его от парня, который теперь забился в угол.

– Мистер Рейнер, мы еще не установили его вину, – заметила Джейн.

– Да вы посмотрите на него! – рявкнул Рейнер, сверля Лукаса взглядом. – Какие могут быть сомнения? Он ее и убил.

– Можешь увести отсюда Лукаса? – попросила Джейн Фроста. – Пусть ждет в другой комнате.

– Нужно было тебя отметить несколько месяцев назад, – процедил Рейнер. – Когда ты ее обхаживал. Может, сейчас была бы жива.

– Она из-за вас убежала, не могла больше с вами жить, – отбрил его Лукас.

– Если бы я заметил тебя прежде, псих...

– Я был ее единственным другом!

– Урод!

– Она вас ненавидела! – прокричал Лукас, которого Фрост тащил к двери. – И мама ее вас ненавидела!

Джейн хватило одного взгляда на лицо Рейнера, чтобы подумать: сейчас начнется. Она встала между Рейнером и парнем, защищая последнего. В следующий миг Джейн почувствовала, как рвется на ней блузка, услышала крик ужаса, сорвавшийся с губ Лукаса, когда Фрост вышвырнул его из комнаты. Джейн и Кроу оттеснили Рейнера к столу, зафиксировали на месте и держали, пока Джейн не защелкнула на нем наручники.

– Вот и повеселились, – сказал Кроу, толчком усаживая Рейнера на стул. – Нехорошо, приятель. И посмотри, что ты сделал с рубашкой детектива Риццоли.

Джейн глянула на свою разодранную блузку – в разрыве виднелся бюстгальтер. В холодной ярости она схватила со спинки стула свой блейзер. Застегивая пуговицы, детектив увидела, что Кроу усмехнулся, демонстративно отвернувшись.

– У вас будут неприятности, – сказала она Рейнеру сквозь сжатые зубы.

– Я потерял дочь, а вы на меня же наручники? В тюрьме должен сидеть этот урод, вот кто!

– Его вина не доказана.

– Да бога ради, он же верит, будто он – вампир.

– Это еще не значит, что он ее убил.

Рейнер глубоко вздохнул:

– Слушайте, я прошу прощения за вашу блузку. Можете вы снять с меня наручники?

Джейн и Кроу переглянулись. Она подумала, какая же головная боль – заводить на него дело. Представила свое выступление в суде: «Да, ваша честь, я знаю, что он потерял дочь и был эмоционально взвинчен. Но блузка обошлась мне в сто долларов».

Вздохнув, она расстегнула наручники.

– А он? – спросил Рейнер, потирая запястья. – Вы его арестовали?

– Этот вопрос решается.

Он посмотрел на нее:

– Ну посмотрим, посмотрим.

7

– Похоже на классический случай folie à deux^[24], – сказала Маура. – Таков мой диагноз.

Конечно, куда же Маура без диагноза, подумала Джейн. Стоит Мауре с кем-нибудь познакомиться, как она тут же ставит диагноз – так ученый мысленно препарирует лабораторную крысу. Джейн отложила порванную блузку, надела и застегнула новую и тут увидела, что Маура разглядывает погубленную вещь, явно анализируя прочность нитей и силу, необходимую, чтобы их порвать.

– Жаль, – сказала Маура. – Кажется, натуральный дикий шелк.

– И купила я ее на распродаже.

– Тем печальнее. – Маура повернулась к кухонному гарнитуру Джейн. – Я привезла еду из китайского ресторана. Разложить по тарелкам?

– А из картонок поесть нельзя?

– Джейн, побойся Бога. – Маура открыла шкаф и вытащила тарелки.

– Так расскажи мне про твой парный психоз.

– Это галлюцинация, разделяемая двумя людьми, – пояснила Маура. – В данном случае их галлюцинация состояла в том, что они вампиры. И кажется, они довели свой обоюдный бред до крайности. Они избегали дневного света. Спали в гробу.

– Куда парень, вероятно, и вернется, поскольку у нас недостаточно улик для его задержания. – Джейн покачала головой. – Лукас клянется, что они питались одним воздухом и кровью. Такое возможно?

Маура извлекала из контейнеров полные ложки курицы кунбао^[25] и гороховые побеги, зажаренные в раскаленном масле, размышляя над вопросом Джейн.

– В крови много железа, но нет важных витаминов. А поскольку калорийность крови составляет семьсот единиц на литр, человеку нужно выпивать три литра крови в день. – Маура поставила тарелку с едой перед Джейн. – Bon appétit^[26].

– Такие подробности вовсе не обязательны.

– Но это объясняет худобу Кимберли Рейнер. Я видела умерших от анорексии, так у них жира было больше. Если она питалась одной кровью, то никак не могла отбиться от душителя.

– Черт побери, да она от простудного вируса не могла бы отбиться.

Умело работая палочками, Маура изящно подцепила кусочек курицы.

– С научной точки зрения обычную простуду вызывает не какой-то определенный тип вируса. Тут целое созвездие симптомов, которые...

Она вдруг замолчала, нахмурилась.

– Что такое?

– Джейн, ты затронула очень важную тему.

– Да?

– Когда заговорила о недостаточной сопротивляемости болезням.

– А при чем тут сопротивляемость? Ее ведь задушили.

– На первый взгляд вроде бы задушили. – Маура отложила палочки. – Но вскрытие может выявить что-нибудь совершенно другое.

8

Через смотровое окно Джейн и Фрост видели мертвую девушку на столе в соседнем помещении. Обнаженное тело казалось даже еще истощеннее, чем помнилось Джейн: выступающие тазовые кости, под кожей видны все ребра. Но над шеей в карикатурном контрасте с тощим телом – раздувшееся лицо, веки, опухшие настолько, что закрывают глаза.

– Ты уверен, что выдержишь? – спросила Джейн.

– Я в порядке. Никаких проблем, – отмахнулся Фрост.

– То же самое ты говорил в прошлый раз, – пробормотала Джейн, исчезая в прозекторской, где Маура и ее помощник уже собрали все необходимые ножи и скальпели, костные пилы и пинцеты.

Джейн старалась не смотреть на пугающий набор инструментов, сосредоточив все свое внимание на Кимберли Рейнер. Когда-то она, вероятно, была хорошенькой голубоглазой блондинкой, могла бы веревки из парней вить. Теперь, когда ее тело почти лишилось жиров и мышц, она представляла собой скелет в оболочке. В чем причина? Несколько месяцев «воздушно-кровяной» диеты?

– Рентгенограмма не выявила ничего неожиданного, – сказала Маура, включая яркий свет. – Осмотрим повнимательнее шею.

– И все же, на мой взгляд, тут у нее странгуляционные борозды. – Джейн посмотрела на Фроста, который остановился в нескольких ярдах от

стола, найдя для себя стратегически верное место у раковины. – Ты должен взглянуть на это поближе.

– Я и отсюда прекрасно все вижу, – сказал он.

– И посмотри, как распухло ее лицо, – добавила Джейн. – Такое ведь происходит, когда сдавливают шею?

– Тут один механизм, – кивнула Маура.

– Так что еще может вызвать отек лица?

– Аллергическая реакция. Анафилаксия.

Лоб Мауры над хирургической маской неожиданно нахмурился.

– Или *Latrodectus*, – тихо сказала она.

– Как?

Маура не ответила – она достала увеличительное стекло. Наклонилась и повернула голову трупа на сторону, чтобы увидеть шею сбоку. Глядя на кожу, она пробормотала:

– Господи боже! Такой маленький – я чуть не пропустила.

– Что?

– Прокол.

Неожиданно зазвонил телефон Фроста.

Маура не отрывала взгляда от горла мертвой девушки. Она повернула голову в другую сторону и принялась разглядывать шею с противоположной стороны.

– И здесь тоже.

– Ты имеешь в виду что-то вроде проколов для отсасывания крови?

– Нет, вроде...

– Риццоли, едем! – прокричал Фрост. – Церковь Святого Антония!

– Что там?

– Отец девушки. Он взял Лукаса Генри в заложники и угрожает его убить!

9

Четыре патрульные машины бостонской полиции, припаркованные перед церковью Святого Антония, мигали проблесковыми маячками, когда Джейн и Фрост выскочили из автомобиля и побежали к церкви.

– Он захватил парня в церкви, – доложил патрульный. – Мы контролируем все выходы. Попытались поговорить с ним, но он отказывается сотрудничать.

– Дайте я с ним поговорю, – сказала Джейн, надевая

пуленепробиваемый жилет.

– Мэм, он уже несколько раз стрелял. Нас поэтому и вызвали – кто-то из соседей сообщил о стрельбе.

– Парень жив?

– Он отзывался. Больше я ничего не знаю.

Патрульный оглядел Джейн с ног до головы, словно сомневаясь в ее способности справиться с ситуацией.

– С нами спецназ. Я думаю, вам не следует...

– Я знаю Рейнера. Именно я и должна это сделать.

Джейн двинулась ко входу в церковь.

– Мистер Рейнер! – крикнула она через дверь. – Это детектив Риццоли.

Я хочу поговорить с вами!

Изнутри донесся голос Рейнера:

– Можете не суетиться! Вы не в силах ничего изменить!

Ну по крайней мере, он не угрожал.

– Я открываю дверь, – объявила Джейн. – Я иду одна.

Ответа не последовало. Она набрала в грудь воздуха и перешагнула порог.

Внутри стоял полумрак, единственная свеча, мерцавшая вдали, не могла его рассеять. Джейн не видела ни Рейнера, ни Лукаса, но слышала испуганный голос парня где-то в темноте. Наверху захлопали крыльями летучие мыши.

– Он сумасшедший! – рыдал Лукас. – Ворвался сюда, когда я спал. Говорит, что убьет меня.

Глаза Джейн приспособились к темноте, и теперь она разглядела их. Лукас ссутулился на скамье, Рейнер стоял над ним, направив ствол пистолета в голову парня.

– Отпустите его, – произнесла Джейн. – Этим вы никому не поможете.

– Речь идет о справедливости, – отрезал Рейнер. – А она чего-то да стоит.

– Стоит вашей собственной жизни?

– Кто-то должен понести наказание. Мы оба знаем: ее убил он.

– Не убивал я ее! – завопил Лукас. – Я уже сто раз говорил!

– Если парень виновен, пусть это докажет суд, – сказала Джейн.

– Ничего суд не докажет, – возразил Рейнер. – Вы сами вчера говорили, что нет никаких доказательств. И не будет. Моя девочка умерла, а убийце ее смерть сойдет с рук.

Даже в полумраке Джейн увидела, как рука Рейнера выпрямилась, пальцы крепко ухватились за ствол. Она вытащила собственный пистолет,

и в этот момент зазвонил ее сотовый. Все трое замерли на пороге насилия. Телефон все звонил, а Джейн не сводила глаз с Рейнера.

– Если Лукас ее убил, клянусь вам, я найду способ доказать это. И он отправится за решетку.

Они с Рейнером разглядывали друг друга в темноте. Звонил еще один телефон – на сей раз Рейнера. Не отрывая от детектива глаз, он ответил:

– Слушаю.

Наступила долгая пауза, потом он наклонился и толкнул телефон по полу в сторону Джейн:

– Вас.

Джейн в недоумении подняла трубку:

– Риццоли.

– Джейн, я стою у церкви, – раздался голос Мауры. – Парень ее не убивал!

– Тогда кто?

– Убийца находится в церкви. Рядом с тобой.

10

Шаги Мауры гулким эхом отдавались от каменного пола – она приближалась в полумраке.

– Я одна, – громко произнесла Маура. – Оружия у меня нет, только фонарик, и сейчас я его включу.

– Что тут происходит, черт побери? – крикнул Рейнер.

– Я доктор Маура Айлз, судебно-медицинский эксперт. Я делала вскрытие тела вашей дочери и могу доказать, что Лукас Генри не убивал ее.

– Как вы можете это доказать?

– Я вам покажу настоящего убийцу.

Вспыхнул луч фонарика, и Джейн прищурилась от неожиданности.

– Лукас, покажите, где спала Кимберли.

В темноте раздался дрожащий голос парня:

– Я не смог найти для нее гроб, поэтому мы притащили сюда картонную коробку. Вон она.

Луч фонарика Мауры описал дугу в темноте и остановился на гигантской упаковочной коробке. Она подошла к ней, прочла транспортировочную надпись.

– Коробка попала сюда из Северной Каролины.

– И что? – спросил Рейнер.

Маура наклонилась и принялась разглядывать коробку.

– Джейн, хочешь посмотреть?

Детектив присела рядом на корточки и прошептала:

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Я же тебе сказала – идентифицирую убийцу.

Маура порыскала лучом по содержимому коробки – помятым одеялам и грязной подушке, потом луч остановился в верхнем уголке.

– Вот наш преступник.

Джейн уставилась на легкую паутинку и существо, которое сплело ее.

– Паук?

– Вид *Latrodectus*. «Черная вдова». Вероятно, приехала в коробке из Северной Каролины и укусила жертву, пока та спала. Кимберли, возможно, даже не почувствовала укуса. Для большинства здоровых взрослых яд «черной вдовы» не смертелен, но здоровье Кимберли оставляло желать лучшего. Она долгое время недоедала и в медицинском смысле была слаба. – Маура понизила голос, и следующие ее слова услышала только Джейн. – Смерть, вероятно, была мучительна. Мышечные судороги, боль в животе, а потом приостановка дыхания. Неудивительно, что прохожие слышали крики.

Джейн поднялась и повернулась к Рейнеру:

– Вашу дочь никто не убивал, сэр. Она умерла от укуса паука. Нелепая смерть. И ее убийца все еще здесь – в коробке.

Рейнер медленно опустил пистолет. Джейн забрала у него оружие, защелкнула на нем наручники, а он все стоял, склонив голову.

– Я хотел одного – справедливости, – проговорил он. – Справедливости для моей маленькой девочки.

– И справедливость восторжествует, мистер Рейнер. В данном случае для свершения справедливости достаточно вашего ботинка.

Неопознанное тело

1

Доктор Маура Айлз не любила коктейльные приемы. На ее вкус, не существовало ничего мучительнее, чем весь вечер ходить кругами по комнате, набитой незнакомыми людьми, и тем не менее она была здесь, стояла под тираннозавром-рексом с бокалом шампанского в руке. Кости тираннозавра, слава богу, не ждали от нее ни улыбки, ни светского разговора – и в том и в другом Маура была исключительной неумехой. Найдя убежище в нетребовательном обществе ти-рекса, она в десятый раз перечитывала информационную табличку и радовалась тому, что не конкурирует с ордами детей, обычно толпившихся у ног динозавра. Сегодня здесь собрались только взрослые – на официальном приеме в честь благотворителей Бостонского музея науки, и Маура, будучи членом организационного комитета, никак не могла улизнуть до начала торжественной части. Она стоически улыбалась и прихлебывала шампанское, а мимо нее проплывали мужчины в смокингах и женщины в вечерних платьях, они беседовали и объединялись в группы с легкостью, которая никак не давалась Мауре.

– Вы с тираннозавром удивительно разговорчивы, – раздался голос.

Маура повернулась и увидела улыбающегося ей привлекательного темноволосого мужчину. Хотя она и надела туфли с четырехдюймовым каблучком, незнакомец смотрел на нее сверху вниз с высоты своего роста, он казался хорошо сложенным и спортивным в сшитом на заказ смокинге. Она прочла имя на бейджике – Эли Килгур. Золотая точка над именем подсказала, что мистер Килгур жертвует музею крупные суммы.

– Я вижу, вы член организационного комитета, – сказал он, прочтя ее имя на бейджике точно так же, как она прочла его. – Превосходное мероприятие, доктор Айлз.

Она улыбнулась в ответ:

– Моей заслуги в этом нет. Я только выписала чек и одолжила мероприятию свое имя. – Она пожала ему руку. – Спасибо за ваши щедрые дары музею. Нужно у всех детишек в городе разжечь любовь к науке.

– А докторская степень перед вашим именем... – Он показал на ее бейджик. – Вы доктор медицины или философии?

– Медицины. Я патологоанатом. А вы?

Он скромно пожал плечами:

– Ничего столь впечатляющего. Пожалуй, мое основное занятие – поддержка начинаний, которые кажутся мне важными.

Его слова и объясняли золотую точку на беджике. У него не было работы, потому что явно были деньги.

– А какие начинания кажутся вам важными? – спросила она.

– Ну например, привлечение молодых людей к занятию наукой. Потому-то мы с вами сегодня здесь в наших танцевальных туфлях.

– Танцевальных? – Она поморщилась. – Скорее хромательных. Это туфли на два часа.

Он посмотрел на ее высокие каблуки:

– А что происходит через два часа?

– Либо я их скидываю, либо кому-то приходится нести меня домой.

– Обе перспективы представляются мне довольно волнующими.

Маура рассмеялась, удивляясь тому, что флиртует с привлекательным незнакомцем. Она быстро убедилась: обручального кольца на его пальце нет. И вечер тут же стал интереснее: шампанское вдруг повкуснело, приятное тепло залило щеки.

– Так вы здесь одна? – спросил он, оглядывая зал в поисках ее спутника.

– Да. Выполняю свой гражданский долг.

– А мистер Айлз существует?

– Нет, к сожалению, – вздохнула она. – А миссис Килгур?

– Если не считать моей матушки, другой миссис Килгур нет. И слава богу, потому что сегодня я, не испытывая чувства вины, могу насладиться разговором с красивой женщиной в ошеломительном платье.

– Похоже на отработанный прием, – с улыбкой сказала Маура.

– Сегодня я говорю искренне. – Он посмотрел на ее пустой бокал. – Позвольте, я принесу вам выпить. Если вы пообещаете не исчезнуть.

Она протянула ему бокал:

– Спасибо, вы избавили меня от необходимости хромать к бару.

– Вернусь через секунду. Скажите ти-рексу, чтобы не шалил.

Он зашагал прочь с ее бокалом с уверенностью человека, который знает, как себя держать среди толпы, облаченной в смокинги. Как только он исчез из виду, ожила система громкоговорителей:

– Добрый вечер, леди и джентльмены! Меня зовут Джордж Гилман, я председатель организационного комитета. Я рад – сегодня здесь так много людей, небезразличных к судьбе музея и тем возможностям, которыми он обогащает наш город, пробуждает интерес в наших детях и удивляет нас

чудесами науки...

Двухчасовые туфли Мауры почти выбрали свой лимит. Маура прислонилась к колонне, пытаясь снизить нагрузку на занемевшие пальцы ног. Джордж Гилман закончил вступительную речь. Микрофон взял директор музея и заговорил о просветительской и научной миссии – обо всем том, во что истово верила Маура. Она не сводила глаз с выступающего, но слов его почти не воспринимала – ее отвлекал гул толпы, жар собственной кожи. И внимание некоего незнакомца.

Он неожиданно вернулся.

– Прощу, – прошептал он, передавая ей наполненный бокал. – Что я пропустил?

– Вступительную речь.

– Ти-рекс не пытался с вами флиртовать?

– Он был паинькой, – сказала она, сделав глоток шампанского.

– Вы обедали?

– Канаве оказались довольно сытными.

– Я пришел с опозданием – мне не досталось. А потому...

– Да? – Она посмотрела на него.

– Когда речи закончатся, позвольте мне отвезти вас куда-нибудь перекусить.

Он смотрел на нее так, будто ее и собирался съесть. Шампанское придало ей храбрости, даже бесшабашности, но некий блеск в его глазах заставил ее задуматься. Она отхлебнула еще шампанского, давая себе время взвесить приглашение.

– Мы едва познакомились, Эли.

– Верно. Но у меня особая золотая точка. – Он указал на свой беджик. – Разве это не в счет?

Теперь она не могла не улыбнуться. Если где и можно познакомиться с уважаемым человеком, так это на приеме в Музее науки. Какой бы блеск ни видела она в его глазах, что бы ни включало ее внутреннего сторожа, теперь оно исчезло.

– Когда закончатся речи, – сказала она.

– Конечно. Мы и пришли сюда их послушать.

– А потом я хочу узнать о вас побольше. Чем вы еще занимаетесь, кроме благотворительности?

– Расскажу за десертом. И я знаю подходящее местечко. Французское кафе неподалеку. Клубничные пирожные там ничуть не хуже, чем в Париже. Совсем рядом – можно и пешком.

– Ой-ой. – Она посмотрела на свои туфли. – Даже и не произносите

этого слова.

Он сочувственно кивнул:

– Могу предложить другой способ добраться туда. Тыкву. Лимузин. Носилки.

– Даже тыква меня устроит.

Теперь к микрофону подошел основной докладчик. Известный ученый-климатолог из Массачусетского технологического института. Маура допила шампанское, готовясь к блестящей лекции о неминуемом близком конце – к рассказу о тающих ледяных шапках на полюсах и исчезновении фитопланктона. Хотя она и была в шелковом платье на бретельках, ей показалось, что в зале вдруг потеплело, а воздух словно застыл.

– ...И как эта страна может адекватно реагировать на глобальные вызовы, если экзаменационные баллы наших школьников так упали?

Она почувствовала руку на своем локте и заглянула в лицо Эли.

Тот взял ее пустой бокал и поставил на ближайший поднос.

– Я думаю, вам нужно подышать свежим воздухом, – сказал он.

– ...И вот где мы оказались сегодня – в стране, которую быстро затмевают научные школы, набирающие силу в Азии, где...

Свет пробивался сквозь опущенные веки. Маура отвернулась от слепящего сияния, но солнце все равно светило ей в лицо, как инфракрасная лампа, грозя обжечь кожу. Во рту было так сухо, что казалось, будто от жажды даже болит голова. И треклятый телефон все звонил и звонил.

Она открыла глаза и прищурилась – солнечный свет проникал сквозь окно гостиной. «Почему я не в кровати?» Она попыталась сосредоточиться на окружающей обстановке, увидела свой журнальный столик, персидский ковер, книжный шкаф. Все на своих местах. Кроме ее самой. «Как же я умудрилась уснуть на диване?»

Телефон затих.

Застонав, Маура села, но ей тут же пришлось уронить голову – комната закружилась перед глазами. Она села, согнувшись пополам и поддерживая голову руками, и только теперь поняла: на ней все еще вечернее платье, которое она надевала вчера на прием в музей. Шелковая материя смялась за ночь, одна туфля на высоком каблуке лежала под столиком. Куда подевалась вторая, она понятия не имела.

Она снова медленно выпрямилась, и теперь комната не поплыла. Маура увидела на полу свою сумочку и лежащий рядом ключ. «Вероятно, я

сумела доехать до дому, – подумала она. – Отперла дверь и рухнула на диван. Только почему я ничего не помню?»

Она встала. Ее шатало как пьяную, но на нетвердых ногах она все же добрела до кухни, выпила два стакана воды – глотала жадно, капли стекали по подбородку на шелковое платье. Ее это ничуть не волновало. Утолив наконец жажду, Маура оперлась на стол и так почувствовала себя устойчивее. Сильнее. В голове по-прежнему пульсировало, но она уже в достаточной мере проснулась, чтобы ощутить первые уколы страха. Кухонные часы показывали тридцать пять минут двенадцатого. Она вспомнила: сегодня воскресенье, но даже по выходным она никогда не спала так долго.

«Что случилось со мной вчера вечером? Почему я ничего не помню?»

Она посмотрела на свое платье. Оно помялось и местами пропиталось водой, но в остальном казалось целым. Ее не ограбили, ведь сумочка и ключи...

«Моя сумочка».

Она метнулась в гостиную, принялась рыться в вечерней сумочке: визитница, губная помада и кошелек. Застегнутый кошелек. С возрастающим чувством паники она открыла его, с облегчением увидела на месте все свои кредитки. Отсутствовали только права. Нет, права не пропали – они лежали на дне сумочки.

Раздался звонок в дверь.

Маура повернулась, сердце ее вдруг забило как сумасшедшее. Может быть, ответы ждут ее на крыльце? Хотя она только что и выпила два стакана воды, горло, когда она открывала дверь, по-прежнему жгло, на сей раз от тревоги.

Детектив Джейн Риццоли сняла солнцезащитные очки и нахмурилась, оглядывая наряд Мауры.

– Я думала, вечерние платья до полудня не надевают, – сказала Джейн.

Маура поднесла руку к пульсирующей голове:

– Боже мой, Джейн, я совершенно ничего не понимаю.

– Что случилось?

– Не знаю. Не знаю, что случилось.

Джейн вошла в дом и закрыла за собой дверь.

– Кажется, тебе лучше сесть, – сказала она, ведя Мауру к дивану. – Я целый час звоню. Где ты была?

– Здесь. – Маура посмотрела на белые диванные подушки и неожиданно рассмеялась. – Да, вот прямо тут. Здесь я и проснулась.

– На диване? Наверное, провела безумную ночь.

Голова у Мауры раскалывалась, и она зажмурила глаза. Она и так знала: Джейн разглядывает ее беспощадным профессиональным взглядом, а этого Мауре сейчас хотелось меньше всего. Она опустила голову на руки.

- Почему ты приехала?
- Ты не отвечала на звонки.
- Сегодня воскресенье. Я не на связи.
- Я знаю.
- Так зачем я тебе понадобилась?

Молчание было ей ответом. Маура подняла голову и увидела – Джейн смотрит на нее. Обычно скальпелем работала Маура, но сегодня вскрытие делала Джейн, а Мауре ох как не нравилось быть объектом исследования.

– Я приехала с места преступления, – сказала Джейн. – Олмстед-парк. На берегу Мадди-ривер, чуть южнее пруда Леверетт, найден труп.

– Нет, я за это не возьмусь. Сегодня – нет. Зачем ты мне рассказываешь?

- У нас есть основания полагать, что ты его знаешь.
- Кого – его?

– В том-то и дело: нам пока неизвестно, кто это. При нем не обнаружилось ни телефона, ни бумажника. В данный момент он – неопознанное тело.

– С чего ты взяла, что я его знаю?

– В его нагрудном кармане нашли твою визитку.

– Она могла там оказаться по самым разным причинам. Я раздаю свои визитки всем, кто имеет дело с...

– Маура, на обратной стороне написан твой адрес.

Маура замерла, пытаясь думать в тумане, который окутал ее мозг. Она редко кому сообщала личные сведения о себе – номер телефона и, уж конечно, домашний адрес. Она слишком высоко ценила свою личную жизнь.

– Убитый – он как выглядит? – тихо спросила она.

– Темноволосый. Лет сорока с небольшим. Хорошо сложен. Пожалуй, его можно назвать привлекательным.

Маура подняла голову:

– Как он одет?

– Забавно, что ты спрашиваешь, – сказала Джейн, глядя на вечернее платье Мауры. – На нем отличный смокинг. По крайней мере, был отличный, пока кто-то не разрезал его ножом.

Маура вскочила на ноги.

– Извини, – выдохнула она и бросилась в ванную.

Она едва успела добежать до унитаза, как ее начало рвать. Одной водой – те два стакана, которые она так быстро выпила, вышли из нее до капли. После рвоты ее охватили слабость, дрожь, она едва услышала стук в дверь.

– Маура? Ты там жива, Маура?

– Я сейчас... через минуту.

Маура неуверенно поднялась на ноги и уставилась на себя в зеркало. Ее обычно аккуратно расчесанные волосы спутались. Лицо, перечеркнутое напояженными губами, болезненно побледнело.

Мертвец в смокинге.

Она включила кран и дважды вымыла лицо, стирая все следы косметики. Наклонившись над раковиной и плеская воду на щеки, она вдруг вспомнила лицо. Улыбающегося ей темноволосого человека. Она вспомнила буйство красок, женщин в вечерних платьях. И бокал шампанского.

Она стояла прямо, вода капала на платье. Платье, которое она больше никогда не захочет надеть. Она расстегнула молнию и скинула с себя шелк. Стащила колготки и нижнее белье, желая освободиться от всего, казавшегося ей грязным. Отравленным. Но, даже бросив одежду в угол, она понимала: это вещественное доказательство и стирать ее нельзя. Пока нельзя.

И душ принимать нельзя.

В спальне она надела джинсы и футболку, но стоило им прикоснуться к ее немытому телу, как они тут же стали нечистыми, поскольку нечистой была сама она. Возможно, была.

Когда она вернулась в гостиную, Джейн разговаривала по сотовому. Она кинула взгляд на Мауру и тут же отключила телефон.

– Я хочу увидеть тело.

– Его сейчас, вероятно, везут в морг.

– А фотография у тебя есть?

– Да, я сделала одну. Подумала, тебе, наверно, нужно будет посмотреть. – Джейн нашла фото в своем телефоне, но прежде, чем дать его Мауре, спросила: – Ты уверена?

– Я должна знать, он ли это.

Она взяла телефон Джейн и уставилась на лицо мертвеца. Вспомнила, как на нем играла улыбка, когда мужчина протягивал ей бокал с шампанским. Вспомнила беджик с золотой точкой.

– Эли Килгур, – сказала она.

– Так его зовут?

– Да. Я познакомилась с ним вчера вечером на приеме в Музее науки. Он благотворитель.

– Хорошо, значит, имя у нас есть. – Джейн взяла свой телефон, не сводя глаз с Мауры. – Ты не хочешь рассказать все остальное? Я же вижу – тебе есть что рассказать.

– Мне нужно в больницу, Джейн.

– Ты больна?

– Не исключено – надо убедиться... – Маура подошла к креслу и рухнула в него. – Не думаю, что оно случилось. Но я должна пройти обследование. На изнасилование.

– Ты не знаешь?

– Я не помню! – Маура уронила голову на руки. – Я не помню, как попала домой. Не помню, как заснула на диване.

– А что ты помнишь?

– Прием. Как мы с ним познакомились. Мы вышли из музея. У меня кружилась голова. Помню, мы вошли в паркинг, а потом... – Она тряхнула головой. – А дальше я не помню.

– Но ты каким-то образом добралась до дому. Твоя машина здесь?

– Я не проверяла.

Джейн вышла из гостиной, вернулась через несколько секунд:

– Твоей машины в гараже нет.

– Но ключи здесь. – Маура показала на пол.

– Кто-то тебя привез. Открыл дверь и перетащил на диван.

«Тот же самый человек, который подсыпал мне какую-то дрянь в шампанское? И который теперь мертв – убит ножом?»

Джейн успокоительно положила руку на плечо Мауры:

– Я тебя отвезу в больницу, ладно? Мне нужна твоя одежда. Та, что ты надевала вчера вечером.

– На полу в ванной. Там все – нижнее, колготки. – Маура вздохнула. – Я знаю правила.

– И еще ты знаешь, какая у меня проблема. Человека, с которым ты вчера познакомилась, находят убитым. А ты не можешь вспомнить, как закончился вечер.

Маура посмотрела на нее:

– Пожалуй, проблемы у нас обеих.

Джейн привыкла видеть Мауру собранной, владеющей собой – «королеву мертвых» не могли смутить даже ужасы секционного стола. И потому Джейн переживала шок, глядя на Мауру, – та, такая уязвимая, сидела на смотровом столе в больничном халате. Маура поморщилась, когда ей в вену вонзилась игла и в пробирку потекла темная кровь.

– Проверка на наркотики? – спросила Джейн.

– Доктор Мурата распорядился сделать несколько анализов мочи и крови.

Больше медсестра ничего не сказала, она сняла жгут и приложила ватку к месту прокола:

– Все. Как только подпишете выписной бланк, вы свободны, доктор Айлз. Мы вам позвоним, когда будут результаты.

Она вышла с пробирками и задернула за собой занавеску.

– Спасибо, Джейн, что не оставила меня одну, – прошептала Маура.

– Тебе лучше?

– Теперь, когда вроде бы ясно, что меня не... – Маура смолкла, так и не произнеся этого слова. – Я хотела увериться.

– Тем не менее нужно будет проверить твою вчерашнюю одежду, а еще все собранные физические следы.

Маура нахмурилась:

– Хочешь взять у меня пробу из-под ногтей?

Прежде чем Джейн успела ответить, зазвонил ее сотовый.

– Извини, – сказала она, выходя.

Она прошла по коридору достаточно далеко, чтобы Маура не слышала ее.

– Риццоли, – сказала она в трубку.

– Я по поводу имени, которое ты назвала, – Эли Килгур, – сказал ее напарник детектив Барри Фрост.

– Ты нашел родственников?

– Даже лучше. Я нашел его самого. Мистер Килгур жив-здоров и обитает со своим партнером на Бикон-стрит.

– Партнер – мужчина?

– В точку. Он сказал, что он – благотворитель Музея науки, но не смог прийти на прием, поскольку его ждали в другом месте. Человек, с которым вчера познакомилась доктор Айлз, видимо, взял биджик из оставшихся на столе.

– Классический способ явиться без приглашения. Но вообще-то, это дело рискованное. Нужно иметь в виду: в таком собрании все друг друга знают.

– Я позвонил в музей, и они передали мне записи с камер наблюдения. Вчера к ним пришли четыреста гостей, и затеряться в такой толпе не составило труда. Видать, человек поднаторел в таких делах, если уж заявился в смокинге. Черт побери, а у меня даже и смокинга нет.

– Значит, мы вернулись в самое начало. Кто такой наш неопознанный труп?

– Доктор Айлз накануне разговаривала с ним – и она ничего не знает?

– Она говорит, что ничего не помнит. А машина Мауры? Ты ее нашел?

– Да. Машина все еще в паркинге музея, там, где Маура припарковала ее вчера. Машина заперта, ничего необычного не видно.

– Если машина осталась в музее, значит он привез ее домой.

– Так где же его машина? Близ тела никаких машин нет, – сообщил Фрост.

Джейн припомнила географию Бостона и поняла: если прямо из музея незнакомец повез Мауру в ее дом в Бруклине, то тело его оказалось как раз на пути туда. Ей не понравилось то, куда могла завести такая логика. А вела она к версии, согласно которой неизвестного убили и выкинули из машины на пути к дому Мауры. А значит, во время преступления та была вместе с убийцей.

Или она и есть убийца.

– Посмотри машины близ дома Мауры, – сказала Джейн. – Все, которые покажутся подозрительными, проверь.

– Ты же не думаешь, что...

– У нас нет другого пути, Фрост. Нет выбора.

В коридор из смотровой вышла Маура в своей одежде.

– Пока она наш единственный подозреваемый, – констатировала Джейн.

Машина стояла по другую сторону улицы напротив дома Мауры – черный «бьюик-лактос» с массачусетскими номерами, зарегистрированными на Кристофера Сканлона из Брейнтри. Никто из соседей про машину ничего не знал, все говорили одно: утром, когда они проснулись, она там уже была.

– Не заперта. Ключи в зажигании, – сказал Фрост. – И посмотри, что там у нас.

Он показал на пол под пассажирским сиденьем, и сердце у Джейн упало, когда она увидела женскую туфлю на высоком каблуке. Точно такую же она заметила под журнальным столиком в гостиной Мауры.

– Сюда едет эвакуатор, – сообщил Фрост. – Лаборатория наверняка

обнаружит в тачке отпечатки пальцев Мауры.

– Господи боже, с каждым часом все хуже и хуже.

– Будь это кто-то другой, мы бы уже зачитывали ей права.

– Но это не кто-то другой, – напомнила Джейн, – это Маура.

– И мы оба знаем нескольких полицейских, которые с удовольствием отправили бы ее за решетку.

Кое-кто из полицейских считал, что Маура перешла черту, дав некоторое время назад показания против одного бостонского копа, на основании которых тот получил срок.

– Что у нас есть на этого Кристофера Сканлона? – спросила Джейн.

Фрост вывел файл на экран своего смартфона:

– Возраст сорок один, рост шесть и два, вес сто восемьдесят фунтов. Волосы каштановые, глаза голубые. – Он показал ей фотографию с водительских прав. – Похоже на нашего мертвеца.

– Который, таким образом, перестает быть неопознанным телом.

– И еще. Судмедэксперт отправил отпечатки пальцев убитого в Автоматизированную систему идентификации отпечатков пальцев. Сканлон есть в базе данных. Два ареста, и оба за посягательство на половую свободу и побои.

– Он насильник? Были приговоры?

– Нет. Похоже, наша жертва была очень плохим мальчиком. Из тех, что умеют уходить от ответственности.

Но не на сей раз, подумала Джейн, переходя улицу к дому Мауры.

Маура все еще сидела на кухне, где Джейн оставила ее несколько минут назад. Ее чашка кофе была нетронута, и она даже не посмотрела на Джейн, когда та вошла.

– Ну – его машина? – спросила Маура.

– Похоже. Настоящее имя Кристофер Сканлон. Живет – жил – в Брейнтри. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Я уже сказала: вчера я видела его в первый раз.

Джейн не могла отвести глаз от деревянной колодки с кухонными ножами. Она уже отметила: одного ножа не хватает.

– Вустхофским ножом? – тихо спросила Маура.

– Что?

– Его убили вустхофским ножом? Фирма-изготовитель моих кухонных ножей – «Вустхоф».

– Оружие убийства не найдено.

– Тогда возьми мои, чтобы сравнить с характером ранения. Отпечатки пальцев, кровь. И не забудь нож в посудомойке. – Она подняла голову,

посмотрела на Джейн. – Это твоя работа – ты должна ее делать. Я понимаю.

Джейн села за стол:

– Тогда ты понимаешь и то, что...

– Я подозреваемая. – Маура иронически рассмеялась. – Некоторые бостонские полицейские будут очень довольны. Великий и всемогущий судмедэксперт... ненавидеть ее – одно удовольствие.

– Неправда.

– Они с радостью укажут: убийство у нас – семейное хобби. Яблочко от яблони.

– Твоя мать и ты – разные люди.

– Моя мать монстр. Как ты думаешь, нам позволят поселиться в соседних камерах?

– Прекрати, Маура. Бога ради.

– Я просто называю вещи своими именами.

– В тебе говорит та дрянь, которой он тебя вчера опоил. Ты от нее вырубилась и теперь готова ручки поднять. – Джейн подалась вперед и горячо проговорила: – Я этого не допущу.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Маура с улыбкой откинулась на спинку:

– У всех должна быть своя Джейн Риццоли.

Джейн встала и пододвинула стул к столу:

– И у этой Джейн Риццоли есть дела.

Кристофер Сканлон жил в арендованном таунхаусе на две спальни. Дом стоял на зеленой улице Брейнтри. Мистер Сигел, агент по аренде, встретивший детективов у дома, все покачивал головой и приговаривал:

– Ужасно, просто ужасно.

Они поднялись по ступенькам к входной двери.

– Не арендатор, а мечта. Недвижимость содержал в безукоризненном состоянии. – Агент махнул рукой в сторону подстриженного газона. – Сами видите, какой вылизанный дворик.

– И никаких проблем с ним у вас не было? – спросил Фрост.

– Никогда. Он снял жилье месяцев девять-десять назад. Финансовая проверка дала блестящие результаты. Превосходная кредитная история. На банковском счете сто тысяч долларов. Заплатил за три месяца вперед. – Сигел отпер дверь. – Любой агент мечтает о таком арендаторе.

Пока не узнает, что его арендатор – насильник.

Джейн и Фрост, войдя в квартиру, увидели диван, обитый черной

кожей, телевизор с большим экраном, журнальный столик, сверкающий стеклом и хромом. Казарма, подумала Джейн. И никаких тебе мягких тонов. Если здесь и жила какая-то женщина, то в этом холодном отполированном интерьере она не оставила ни малейшего следа.

– Видите, какой здесь порядок? – спросил мистер Сигел. – Все содержалось в идеальном состоянии.

– Безусловно, – сказала Джейн, разглядывая громадную фотографию в рамочке на одной из стен: леопард со сверкающими глазами, притаился в траве, мощные мышцы напряжены, изготовлены к прыжку. Совершенный хищник.

– Насколько я понимаю, вы ищете какие-нибудь зацепки? – спросил мистер Сигел.

Джейн и Фрост, продолжая осмотр квартиры, перешли из кухни в кабинет, в большую спальню – все помещения были обставлены в строгом черно-белом стиле.

– У вас есть сведения о его ближайших родственниках? – спросил Фрост.

– Он никогда не говорил о родственниках. И жил один.

– Друзья? Контакты?

– Я всего лишь агент по аренде. Завязывать дружеские отношения с арендаторами не входит в мои обязанности. – Он нахмурился, когда Джейн открыла ящики комода. – А как его убили? Ограбление или что-то другое?

– Идет следствие, – сказала она.

– Его застрелили? Зарезали?

Проигнорировав вопросы, Джейн занялась ноутбуком на прикроватной тумбочке. Включив, увидела: он защищен паролем.

– У меня такое чувство, будто ограбление тут ни при чем, – сказал мистер Сигел. – Мне есть о чем беспокоиться? Ну, например, не замешан ли он в чем-нибудь противозаконном?

Агент нахмурился, видя непроницаемое выражение лица Джейн, и застонал:

– Господи боже! А ведь я думал: уж слишком он хорош – не может такое быть правдой. Арендную плату вперед за столько месяцев. Он был наркоторгером или кем-то еще?

– Риццоли! – крикнул Фрост из ванной.

Фрост стоял на коленях перед шкафчиком под раковиной. Он поднялся, держа в руке пакетик с застежкой-молнией.

– Посмотри, что я нашел. Засунуто подальше от глаз, за всякую бытовую химию.

В пластиковой упаковке она увидела блистеры с названием фармацевтической компании – «Рош»^[27]. Джейн посмотрела на Фроста:

– Флунитразепам^[28].

– Это вроде как рогипнол? – заметил мистер Сигел. – На кой черт он ему понадобился?

– Я могу предположить только одну причину, – отрезала Джейн, поворачиваясь к агенту. – Расскажите мне все о Кристофере Сканлоне.

– Я уже говорил: он был хорошим арендатором.

– Да-да, я слышала. Платил вовремя, стриг газон. Женщин он сюда не водил? Соседи не жаловались на шум?

– Нет. Никогда. Никаких вечеринок. Никакой громкой музыки. И вообще он редко бывал здесь по вечерам. Я думал, он ездит к любовнице. Но он сказал, что у него нет любовницы.

Зазвонил телефон Фроста, и тот вышел из ванной, чтобы ответить.

– А его работа? Вы сказали, он программист.

– Мелкий предприниматель, работал на дому – так он мне сказал. Я решил, нет нужды запрашивать его налоговую декларацию – у него столько денег на счете. Вы считаете, это неправда? Он не работал программистом?

– Я не знаю, где правда, а где неправда, когда речь идет о мистере Сканлоне.

Джейн знала наверняка только одно: его таблеток хватит, чтобы усыпить несколько десятков женщин.

В дверях снова появился Фрост.

– Не выйдешь? Нужно поговорить, – сказал он Джейн.

Видя мрачное выражение на его лице, она сразу же последовала за напарником из таунхауса. Детективы остановились на тропинке, где мистер Сигел не мог их услышать.

– Некоторые подробности двух арестов Сканлона, – пояснил Фрост.

– Почему его не осудили?

– В первом деле его зафиксировала камера наблюдения бара – он уезжал с жертвой, некой Китти О’Брайан, двадцати шести лет. К сожалению, она сообщила о преступлении лишь неделю спустя. Обвинения пришлось снять, поскольку Китти ничего не помнила. К тому же она в тот вечер сильно напилась, и дело рассыпалось бы в суде. Несколько месяцев спустя она совершила самоубийство. Взяла пистолет отца и выстрелила себе в голову.

– Сканлон погубил жизнь несчастной девушки, и это сошло ему с рук.

– Отец ее был вне себя от горя. Гарри О’Брайан на людях говорил: он

убьет Сканлона. И за это бедняге О'Брайану было предъявлено обвинение.

– Значит, Гарри О'Брайан явный подозреваемый. Если О'Брайан его убил, то я перед арестом пожму старику руку.

– Мы с тобой оба пожмем ему руку.

– А второй арест Сканлона? Как ему удалось уйти от ответственности в другой раз?

– Тут все сложно, – вздохнул Фрост.

– Только не говори, что дело тоже закончилось самоубийством.

– Нет, вторая жертва жива. Полтора года назад Сара Шапиро, тридцати двух лет, на приеме в художественной галерее познакомилась с неким человеком. На следующее утро она проснулась дома и поняла: ее изнасиловали. Одна женщина в галерее обратила внимание на странное поведение Сары, когда та уходила со Сканлоном, и записала номер его машины. Так его и нашли.

– И почему это дело не закончилось приговором?

– Сканлон сказал, что он всего лишь подвез Сару до дома.

– Если ее изнасиловали, то разве на ней не обнаружили его ДНК?

– Вот тут-то самая странная часть дела. На Саре обнаружили мужскую ДНК, но не Сканлона. А бойфренда у нее не было.

Джейн уставилась на Фроста:

– Ее изнасиловал кто-то другой?

– Тут появляется второй человек. – кивнул Фрост. – Его профиль ДНК уже имелся в Объединенной базе ДНК в связи с пятью разными нападениями в Массачусетсе.

– Серийный насильник.

– Хуже. Его последняя жертва в прошлом месяце найдена задушенной. Наш неизвестный теперь перешел на убийства. И похоже, Кристофер Сканлон доставлял ему жертв.

3

Гарри О'Брайану было шестьдесят два года, но человек, открывший дверь, выглядел гораздо старше: глаза его ввалились, плечи сутулились, словно под грузом скорби.

– Я знал, что полиция в один прекрасный день захочет со мной поговорить, – сказал он. – Значит, Сканлон снова отметился?

– Мы так считаем, – сказала Джейн.

– Такие монстры, как он, никогда не завязывают. Продолжают и

продолжают, губят жизни других людей. – Гарри посторонился, пропуская их внутрь. – Входите, детективы. Расскажите, как мне помочь вам покончить с этим ублюдком.

Дом был старый, и Джейн почувствовала его возраст, входя в гостиную, через застоявшийся запах пыли, плесени и затоптанных ковров. Ее взгляд в первую очередь привлекло множество фотографий на стене: изображения одной и той же темноволосой девушки по мере ее взросления. Вот снята она девочкой, сидит на качелях. Вот тинейджером, в одеянии выпускника школы. Вот молодой женщиной, обнимающей улыбающегося мужчину. Джейн вздрогнула, узнав в мужчине на фотографии Гарри О’Брайана – более молодую, счастливую версию того сломленного горем человека, который стоял сейчас в комнате вместе с ними.

– Китти столько всего могла дать миру, – сказал он, глядя на фотографию дочери. – Не только свое большое сердце, но и свой звонкий смех. Такая умная девочка, первая в моей семье поступила в колледж. Работала по вечерам, днем училась. Только-только получила кандидатскую степень по истории. Тем вечером пошла праздновать. Закончила празднество в баре и выпила многовато. Тут-то он и... – О’Брайан сглотнул. – Она никак не могла смириться со случившимся. Когда обратилась в полицию, почти все улики были утрачены. Она все время винила себя. Такая умненькая девочка. И такая глупенькая.

– Она не виновата в том, что случилось, – сказал Фрост.

– Вы думаете, я не повторял ей это тысячу раз? – ответил О’Брайан; гнев его неожиданно прошел, он уронил голову. – Она взяла мой пистолет. Я и себя виню в случившемся. Я видел, она в глубокой депрессии. Почему я не избавился от пистолета?! Но я и подумать не мог, что она... – Он покачал головой и вздохнул. – Столько людей чувствуют себя виноватыми, тогда как виноват один Сканлон. Тот, кто погубил мою маленькую красавицу. Моего единственного ребенка.

– Кристофера Сканлона уже нет в живых, – сказала Джейн.

– Как? – вскинул голову О’Брайан.

– Его тело нашли в Олмстед-парке.

– Его убили?

– Да, убили. Вчера вечером.

О’Брайан помолчал секунду-другую, осмысливая новость.

– Хорошо. Я рад – кто-то его прикончил еще при моей жизни. – Он сделал паузу. – Вы поэтому здесь?

– Когда-то вы угрожали мистеру Сканлону.

– Можете не сомневаться. Жаль, что я не прикончил его собственными

руками. Мне не хватило духа. – В его голосе слышалось отвращение к самому себе. – Не смог себя преодолеть.

– Вы, вероятно, знаете мой следующий вопрос, – сказала Джейн.

– Пожалуй, знаю: где вы были вчера вечером?

– Не хотите на него ответить?

– Да. Был у знакомой в Свампскотте. Пообедал у нее, посмотрел несколько дивиди, выпил лишнего. Домой приехал, вероятно, вскоре после полуночи.

Джейн посмотрела на изнуренное лицо О’Брайана и не смогла представить его засиживающимся допоздна в обществе женщины.

– Как зовут вашу знакомую? – спросила она.

– Моника Варгас. С нами и ее мать была. Моника есть в телефонной книге, можете ей позвонить и убедиться.

– Позвоним.

Вторая жертва Кристофера Сканлона, Сара Шапиро, беседовала с детективами менее охотно. Она, чуть приоткрыв дверь и не сняв цепочку, подозрительно посмотрела на них.

– Я не хочу об этом говорить, – отрезала она.

– Мы расследуем убийство, миз Шапиро, – пояснила Джейн.

– Если Сканлон мертв, я устрою праздник. Больше мне нечего сказать.

– У вас имелись все основания желать ему смерти.

– Абсолютно верно.

– А значит, у нас есть все основания для разговора с вами. Я знаю, вам нелегко вспоминать о том несчастье. Но вы, конечно, понимаете, что поговорить с вами мы обязаны.

Сара вздохнула и наконец сняла цепочку и открыла дверь:

– Давайте покончим с этим. А потом я открою бутылочку шампанского.

Квартира у нее оказалась изумительная: окна от пола до потолка с видом на Коммонуэлт-авеню. Мебель и предметы искусства подобраны со вкусом, полки черного дерева заставлены дорогими книгами по искусству.

Отметив явный интерес Джейн к ее библиотеке, Сара спросила:

– Интересуетесь искусством, детектив?

– Просто знаю, что мне нравится.

– Большинство не может сказать и таких слов.

– Вы владеете галереей?

– На Ньюбери-стрит. Но вы наверняка уже это знаете.

Сара оставилась перед собой.

– Так он меня и нашел, – тихо сказала она. – На приеме в галерее друга. Из всех приглашенных выбрал именно меня. Так лев выбирает ягненка.

– Извините, что возвращаем вас к тем мучительным воспоминаниям, – сказал Фрост.

– Возвращаете? – Сара отрицательно покачала головой. – Они меня никогда не покидают. Он казался таким обаятельным. С такой готовностью принес мне бокал вина. А проснувшись на следующее утро, я поняла, что со мной случилось, хотя и ничего не помнила. Но я перенесла все до конца. Все сделала правильно, как полагается жертве изнасилования. Не принимала душ, сразу поехала в больницу и написала заявление в полицию. Одна из гостей видела, как я ковыляла в машину Сканлона, и ей хватило сообразительности записать номер. Когда мне показали фотографию, я его сразу узнала. Я заявила полиции: меня опоил именно Кристофер Сканлон.

– Но изнасиловал вас не он.

На лице Сары появилось напряженное выражение.

– Я все время повторяла: тут какая-то ошибка. В лаборатории подменили образцы ДНК. Или образец был загрязнен. Но нет, вину возложили на меня. Ненадежный свидетель. Женщина, обвинившая невиновного в нападении.

– А второго человека вы в тот вечер не помните?

– Я много чего не помню. Иногда в памяти вспыхивает что-нибудь. Лицо человека. Я не знаю, где тут реальное воспоминание, а где игра воображения. – Она резко рассмеялась. – Так же как и мои обвинения – они тоже игра воображения. Ни один прокурор не пожелал взять это дело, после того как они получили результаты анализов ДНК.

– Вы уверены, что на приеме познакомились именно с Кристофером Сканлоном?

– Абсолютно. Позднее я узнала, что стала не единственной его жертвой. Была и другая – Китти О’Брайан. Она только-только защитила кандидатскую и праздновала в баре. Я прочла о Китти, когда она покончила с собой, и тогда поняла: Сканлон выбирает определенный тип женщин. Уверенных. Состоявшихся.

И привлекательных, подумала Джейн, глядя на Сару Шапиро. Те же самые слова она могла сказать и применительно к Мауре. Ее мороз подрал по коже, когда она представила себе, как хищник выбирает Мауру в толпе. Кружит над жертвой. Маура каким-то образом избежала судьбы Сары и Китти. Не подверглась сексуальному насилию.

Жертвой в конечном счете оказался Сканлон.

– Так кто же это сделал? – спросила Сара. – Кто его убил?

– Вот это я и пытаюсь выяснить, – сказала Джейн.

– А у меня есть мотив.

– Вполне объяснимый.

– К счастью, у меня есть и алиби. Вы сказали, что его убили вечером в субботу?

– Верно.

– В субботу вечером ко мне приезжала подруга. Она осталась у меня ночевать. Мы поели. Много говорили. Спать легли около полуночи.

– Как зовут вашу подругу? – спросил Фрост, вынимая блокнот.

– Джулия Чан. – Сара достала адресную книгу, нашла Чан. – Я вам дам ее номер телефона. Вы ведь наверняка захотите с ней переговорить.

– Ну, их алиби мы подтвердили, – констатировал Фрост. – Джулия Чан провела вечер с Сарой Шапиро. А Моника Варгас сказала, что Гарри О’Брайан был в ее доме в Свампскотте. Следовательно, обоих можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

В управлении бостонской полиции шла утренняя летучка, за столом в конференц-зале сидели Джейн и Фрост, детективы Мур и Кроу, а также начальник их подразделения лейтенант Маркетт. С момента обнаружения тела Сканлона прошло больше сорока восьми часов. Орудие убийства оставалось найденным; вскрытие подтвердило: причиной смерти стали множественные колотые раны спины и груди, бешеное нападение, свидетельствующее о неконтролируемой ярости.

– Значит, мы возвращаемся к доктору Айлз, – сказал лейтенант Маркетт.

– Я все время твержу: на этом мы и должны сосредоточиться, – поддакнул Кроу.

Он никогда не пытался скрывать неприязнь к Мауре: ее авторитетность раздражала его. Или ему угрожал ее ум?

– Ее туфлю и отпечатки пальцев обнаружили в машине убитого. Камеры наблюдения музея зафиксировали, как они вместе выходят...

– Маура не шла – она чуть ли не падала, – вставила Джейн.

– И его машину мы находим напротив ее дома. Если хотите знать мое мнение, я скажу: они ушли из музея вместе, она заколола его в Олмстед-парке, а потом уехала домой на его машине.

– В полусознательном состоянии?

– Ее рассказ о полном беспамятстве уж слишком удобен, вам не

кажется? Кроме того, нет никаких свидетельств того, что имело место сексуальное насилие, спермы на ней не обнаружено. Если Сканлон пошел на то, чтобы опохмелить ее и отвезти домой, почему же он не взял главный приз?

Джейн взбесили его столь презрительные рассуждения об интимных подробностях испытания Мауры. Они говорят не о жертве, они говорят о ее подруге. Она подалась вперед на стуле, уперев кулаки в стол.

– Тогда почему нет крови на ее платье? Ну-ка ответь мне. Невозможно ударить ножом человека пятнадцать раз и не замазаться кровью.

– Она переоделась.

– На ней было то же платье, что и на видео с камеры наблюдения.

– Если его убил кто-то другой, после того как завез ее домой, то как он попал в Олмстед-парк? – возразил Кроу. – Машина осталась стоять у ее дома.

– Явно была и другая машина, – сказала Джейн. – В этом деле замешан кто-то еще. Он и отвез Сканлона в Олмстед-парк, а там убил.

– Ну да, таинственный второй человек, о котором ты все время твердишь.

– Неизвестный, чью ДНК обнаружили на Саре Шапиро. Второй человек есть.

– Или Сара Шапиро просто ненормальная. Наврала о том, когда в последний раз трахалась с бойфрендом, а потом обвинила невиновного.

– Сара вовсе не показалась мне похожей на ненормальную, – вставил Фрост. – Она серьезный профессионал, и у нее есть голова на плечах.

Кроу посмотрел на Фроста и рассмеялся:

– Так говорит наш доморощенный эксперт по женщинам.

Это был удар ниже пояса: от Фроста ушла жена и он все еще тяжело переживал разрыв с нею. Фрост хотя и напрягся, но не ответил тем же, считая подобное ниже своего достоинства.

– Ты так зациклился на Мауре – просто подтягиваешь факты под свою теорию, – сказала Джейн.

– Это ты называешь ее Маурой, – заметил Кроу. – Значит, с объективностью проблемы у тебя. – Он повернулся к Маркетту. – Трудно вести следствие, когда главный подозреваемый – твой друг.

– Она не подозреваемый, а жертва.

– Вот такой подход ей от нас и нужен, – сказал Кроу. – Слушай, я ведь не возражаю: Сканлон заслужил то, что получил. Кто бы его ни убил, он всем нам оказал услугу. Может быть, он пытался ее изнасиловать. Доктор Айлз потеряла контроль над собой и совершила маленький акт правосудия.

В конце концов, она зарабатывает на жизнь, разрезая людей. И у нее хватит ума изобрести хорошую историю для прикрытия.

Джейн оглядела сидящих за столом:

– Этот бред невозможно принимать всерьез.

– Мы должны учитывать все предположения, Риццоли, – заметил Маркетт. – Что у нас есть еще? – Он посмотрел на детектива Мура. – Что с машиной Сканлона?

Мур, самый спокойный детектив подразделения, неизменно ровным тоном сказал:

– Криминалисты все еще работают по сотовому, найденному под передним сиденьем. Модель «Тракфон», защищен паролем, мы пока не смогли снять с него информацию. Но то, что его нашли засунутым глубоко под сиденье, говорит: пользовались им редко.

– Для звонков партнеру.

– Когда вскроем телефон, вероятно, узнаем личность Хищника номер два, – сказал Мур. – Я проверил другие дела по общей базе ДНК. Все изнасилования, в которых появлялась та неизвестная ДНК. Они происходили на протяжении четырех лет не дальше тридцати миль от Бостона.

Он постучал по клавиатуре своего ноутбука и развернул экран к Маркетту – тот увидел фотографии трех женщин.

– Вы можете заметить общие черты у этих жертв, и у Сары Шапиро, и у Китти О’Брайан. Все они образованные, состоявшиеся женщины. Все они познакомились с насильником на закрытых мероприятиях, например коктейльных приемах или бизнес-конференциях. Большинство из них перед изнасилованием были замечены в обществе мужчины, подходящего под описание Сканлона.

– Но его ДНК не обнаружена ни на одной из них, – напомнил Маркетт.

– Да, не обнаружена, – кивнул Мур. – Вероятно, Сканлон их похищал, но не насиловал.

Маркетт нахмурился:

– Он действовал всего лишь в роли поставщика.

– Может быть, этим и объясняется то, что он не нуждался в работе, – сказал Фрост. – Он заявлял, будто работает программистом, но мы не нашли ни одного подтверждения его словам. Он умер, имея триста тысяч долларов на различных счетах. Вот в чем заключалась его работа. – Фрост показал на фотографии жертв на экране. – И видимо, ему хорошо платили за его труды.

– Неудивительно, – согласился Маркетт. – Сканлон берет на себя весь

риск. Светится на публике. Довозит жертв на своей машине до их домов.

– Адрес легко узнать по водительским правам, – заметил Фрост.

– Вот тут-то и появляется второй человек. Женщины без сознания, значит они не видят, кто их насилует. На них остается ДНК, не имеющая отношения к Сканлону, а потому если его и арестовывают, то предъявить ему обвинение в изнасиловании не удастся. Идеальное партнерство, в котором Сканлон выступает в роли наемного работника.

– А его наниматель, кто бы он ни был, явно не беден и неплохо платит работнику, – сказал Фрост. – Но может быть, Сканлон пожадничал. Может, он пытался шантажировать босса. Вот и мотив для убийства.

– Тогда почему Сканлон продолжал на него работать? – спросил Маркетт. – Мне представляется, именно этим он и занимался в субботу вечером. Он появился на том приеме в поисках новой жертвы.

И выбрал женщину того самого типа, который нравился его боссу, подумала Джейн. Умную. Привлекательную. Состоявшуюся. Именно такую, какой является Маура Айлз.

– Он хочет только лучшее, – тихо сказала Джейн, разглядывая лица на ноутбуке Мура. – Может, он боится таких женщин. Или зол на них. И вот он завоевывает их подобным образом, приводит к общему знаменателю. Тут вот что интересно: почему он сам не мог искать таких женщин? Зачем рисковать, привлекая к делу партнера?

– Может, он обезображен, – ответил Фрост. – И сам не способен их соблазнить.

– Или слишком известен, – предположил Мур. – Человек, мгновенно узнаваемый.

Второй вариант встревожил Джейн. Власть и деньги, подумала она. Неужели они противостоят такому человеку? Убийце, который платил другому за риск, а сам сидел в ожидании очередной жертвы.

Ею могла стать Маура.

Но вечером в субботу между партнерами что-то пошло наперекосяк. На приеме все началось хорошо: Сканлон выбрал жертву и подсыпал рогипнол в ее бокал. Его жертва с каждой минутой все хуже держалась на ногах, и он поспешил отвести ее в машину. Он нашел в сумочке Мауры права и записал адрес на обороте визитки, а потом сунул ее в нагрудный карман. Он довез ее до дома в Бруклине, открыл ее ключом дверь, отнес в дом, положил на диван – она была без сознания и не могла защитить себя от насильника.

Но его напарник по какой-то причине не овладел ею. Может быть, он вообще не появился тем вечером? Или решил дождаться другого случая?

Ведь теперь он знал, где ее найти.

4

Маура вошла в морг ближе к вечеру, увидела, как замер с чашкой в руке перед кофейником доктор Костас. Она увидела своего секретаря Луизу – та смотрела на нее поверх монитора компьютера. Ничего не сказав, Маура прошла мимо стола Луизы в собственный кабинет и закрыла дверь. Все они наверняка слышали новость про нее: среди медиков и копов почти не бывает секретов. Маура не присутствовала при вскрытии Кристофера Сканлона, но знала, что аутопсию делал доктор Бристоль, а значит ему были известны обстоятельства его смерти. Он знал, что в кармане убитого нашли визитку с адресом Мауры, что машину Сканлона отыскиали у дома Мауры, что в машине обнаружены ее туфля и отпечатки пальцев.

Но больше всего мучило ее не то, что все эти чертовы подробности указывали на нее как на подозреваемую, – нет, сильнее ее мучили подробности, указывавшие на нее как на жертву. На доверчивую женщину, очарованную и опоенную хищником. Хотя ее не изнасиловали, она испытывала стыд оттого, что ее будто выставили напоказ точно так, как любую жертву насилия, и сегодня Мауре потребовалось все ее мужество, чтобы прийти на работу. «Вот как нужно наносить ответный удар, – подумала она. – Первым делом открой свое лицо».

Луиза постучала и вошла в ее кабинет, закрыла за собой дверь.

– Как вы? – спросила она. – Я так волновалась. Мы все волновались.

– Я в порядке, Луиза.

Маура спокойно включила свой компьютер, словно этот день не отличался от всех других дней, когда она исследовала чужие раны, а не свои собственные.

– Правда?

Луиза работала в бюро судебно-медицинской экспертизы очень давно, Маура даже не помнила того времени, когда Луиза не встречала ее весело по утрам, не приносила ей кофе. В бюро, где каждый день разражались трагедии, у Луизы всегда находилось доброе слово, утешительная улыбка. Но сегодня Маура не хотела никакого сочувствия от Луизы.

– Мне нужны результаты вскрытия Кристофера Сканлона, – сказала она.

Эта просьба испугала Луизу.

– Того самого... кто...

– Я знаю, кто он такой. Можете принести?

– Да, конечно. – Луиза открыла дверь, собираясь уходить, но оглянулась на Мауру. – Если хотите поговорить, если вообще что-нибудь нужно – я рядом.

Луиза явно думала, что Мауре не терпится, чтобы ее обняли, подставили плечо, на котором она могла бы поплакать. Но больше всего Мауре требовалась информация. Любая информация, которая помогла бы ей восстановить события тех не сохранившихся в памяти минут. Кто знает – может быть, она в тот вечер убила человека.

Она уже немало знала о Кристофере Сканлоне. Знала о двух его арестах на основании обвинений двух женщин, рассказавших пугающе похожие истории. Сканлон познакомился с ними на многолюдных собраниях и предложил принести выпивку. И Китти О’Брайан, и Сара Шапиро проснулись у себя дома несколько часов спустя, не помня о случившемся. В обоих случаях обвинения были сняты.

Китти О’Брайан так и не оправилась от психической травмы. Спустя несколько месяцев она покончила с собой, положив душераздирающий конец истории.

Нет, не совсем конец.

Маура нашла в Интернете статью об отце Китти, Гарри О’Брайане, который угрожал убить Сканлона. На фотографии она увидела бесконечную скорбь на лице Гарри, впавшие глаза, затравленное выражение. Его лицо так ошеломило ее, что она едва заметила, как Луиза положила отчет с результатами вскрытия Сканлона ей на стол и тихонько вышла.

«Гарри О’Брайан. Почему твое лицо кажется знакомым?»

Она открыла отчет и прочла описание ран Сканлона. Доктор Бристоль насчитал пятнадцать ножевых ранений различной глубины в спине и груди. Она перешла к выводам и поразилась заключению, сделанному Бристолем.

Раны имели разную ширину и глубину, и потому патологоанатом предположил, что использовались два ножа.

Нападение в состоянии крайнего возбуждения. Два разных ножа.

Насколько она знала, орудие убийства так и не нашли. Ее собственный драгоценный набор ножей бостонская полиция изъяла, и теперь их исследовали в криминалистической лаборатории. Неужели это сделала она? Снова и снова вонзала нож в спину и грудь Сканлона? Она знала: под воздействием золпидема пациенты водят машину, едят, совершают осмысленные действия и, кажется, пребывают в полном сознании, но после пробуждения ничего не помнят. Не могла ли и она под воздействием

рогипнола автоматически совершать похожие действия? Или некий монстр, спавший в ней до поры до времени, выпущенный из самого темного уголка подсознания, проснулся и овладел ею?

«Может быть, я в конечном счете не так уж сильно отличаюсь от матери».

Потрясенная такой вероятностью, Маура закрыла глаза, пытаясь найти в памяти хоть какую-то зацепку. Она видела сверкание, слышала голос, похожий на далекое эхо. Но ничего существенного, ничего такого, за что могла бы уцепиться.

«Если его убила я, то я должна узнать место, где это случилось».

Она вышла из кабинета, более чем формально попрощалась с Луизой, снова почувствовала на себе взгляды коллег, идя по коридору, – возможно, они задавались вопросом, не она ли в самом деле убийца? Даже она сама не знала ответа.

Стоял теплый летний вечер, и в Олмстед-парке Маура увидела бегунов, которые добросовестно трусили по дорожке вдоль реки; влюбленные парочки сидели на берегу пруда. Она пошла по тропинке вдоль Мадди-ривер к тому месту, где, согласно отчету вскрытия, обнаружили труп. Найти его оказалось нетрудно: яркая вспышка полицейской ленты все еще огораживала заросли кустов. Маура узнала скамейку на берегу реки, два сомкнувшихся кронами дерева, которые видела на фотографии места преступления. Она разглядывала развороченную ногами криминалистов землю, параллельные канавки в земле – след, оставленный колесиками тележки, на которой вывозили тело.

Судя по отчету, во время нападения Сканлон находился на мощеной дорожке. Потом его тело оттащили вниз по крутому берегу и оставили почти у самой воды – камни там все еще имели бурый цвет. Там он умер, истекая кровью, подумала Маура. А здесь, на тропинке, где она стоит сейчас, ему наносили удары ножом.

Она закрыла глаза и попыталась представить, как это место выглядело в темноте. Попыталась отыскать в своей памяти след пребывания здесь. Вспомнить, как она держала нож, снова и снова вонзала его в тело.

Маура услышала треск веточки и открыла глаза. Повернулась: в нескольких ярдах от нее среди деревьев стоял человек. Давно ли? Вероятно, она была настолько одержима идеей найти место преступления, что просто не заметила его. Она тут же обратила внимание на тишину уединенной части пруда. Ни бегунов трусцой, ни отдыхающих пар. Только она и человек, смотревший на нее из-за деревьев.

Незнакомец двинулся к ней, и когда вышел из тени на солнце, Маура обратила внимание на его седые волосы и хромоту, словно у человека болела нога. Страх прошел, и она осталась на прежнем месте, а неизвестный медленно приближался к ней.

– Вы из полиции? – спросил он.

– Нет. Нет, я просто пришла посмотреть...

– Значит, вы слышали, что здесь случилось. Убили мужчину в субботу вечером. Об этом во всех новостях говорили. – Он остановился рядом с ней, устремил взгляд на речку. – Представить себе: его убили прямо здесь.

Она некоторое время разглядывала его лицо и вдруг поняла, почему оно ей знакомо.

– Вы – Генри О’Брайан.

Он вздрогнул, посмотрел на нее, и ей показалось, она увидела подобную же вспышку узнавания в его глазах. Но нет, невозможно, подумала она, – они никогда не встречались.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросил он.

– Я знаю, ваша дочь – одна из его жертв. – Она махнула на реку, где нашли тело Сканлона. – Я читала статью в «Глоуб». О том, что вы угрожали ему, после того как она...

Ее голос смолк.

Он закончил за нее мучительную мысль:

– После того как она покончила с собой.

– Я вам очень сочувствую, мистер О’Брайан. Даже представить себе не могу, как ужасно потерять собственного ребенка.

– Никто не может, пока оно не случается. И тогда вы ни о чем другом не можете думать, не можете чувствовать ничего другого. – Он посмотрел в сторону реки. – Я пришел плюнуть на его могилу. Вы думаете, я плохой человек?

– Думаю, вы скорбящий отец.

Он кивнул, его худые плечи ссутулились.

– Я полагал, мне станет лучше, когда я узнаю о его смерти. А я чувствую только... облегчение.

Он посмотрел на нее, и снова Мауру охватило странное чувство узнавания. «Я откуда-то знаю его. И думаю, он знает меня».

– А вы почему здесь? – спросил он.

– Хотела посмотреть, где его убили.

– Вы его знали? – Он помолчал, потом тихо спросил: – Неужели и вам досталось от этого ублюдка?

Она не ответила, но не сомневалась: О’Брайан прочитал ответ на ее

лице. «Да, мне досталось от него. Но вопрос в другом: досталось ли ему от меня?»

– Запомните это мгновение, – сказал он. – Смерть монстров всегда нужно праздновать. Я боялся, что не доживу до этого счастливого часа, но вот я здесь. А он горит в аду.

Последние три слова подожгли бикфордов шнур воспоминания. Не сами слова, но голос, дрожащий от ярости. Маура слышала его прежде.

– Извините, – сказала она, отступая.

Он посмотрел прямо на нее, вперился взглядом в ее лицо. Увидел слишком многое.

Из-за поворота появились два бегуна. И тут Маура решила, что наступил удобный момент для отступления. Она быстрым шагом пошла назад, к пруду Леверетт, туда, где люди. Только раз она остановилась, оглянулась и увидела: О’Брайан стоит на том же месте, но по-прежнему не сводит с нее глаз.

Она ехала домой, вцепившись дрожащими руками в баранку. И только когда завела машину в гараж и закрыла двери, дыхание ее стало выравниваться, сердце перестало колотиться как сумасшедшее.

Первым делом Маура позвонила Джейн.

– Гарри О’Брайан, – выпалила она. – Ты его допрашивала?

– Конечно, мы его допрашивали, – сказала Джейн. – Откуда ты про него знаешь?

– Я читала, что он когда-то угрожал Сканлону. После самоубийства Китти О’Брайан о нем писали в газетах. Я думаю, он тут как-то поучаствовал. Я узнала его голос.

– Ты с ним разговаривала? Что, черт побери, ты делаешь?! Вмешиваешься в ход следствия?!

– Мы случайно встретились в Олмстед-парке. Я поехала посмотреть на место преступления, думала, может, вспомню что-нибудь. И там был О’Брайан. Мы обменялись несколькими словами, и меня вдруг как обожгло. Я слышала его голос прежде. Может быть, в ту самую ночь.

– В субботу?

– Ведь такое возможно! Хотя я многого и не помню, какие-то обрывки в памяти все же сохранились. Лицо, голос.

– В ту ночь ты не могла с ним пересечься. У него алиби.

– Ты абсолютно в нем уверена?

– Он ездил к знакомой в Свампскотт. Мы с Фростом с ней разговаривали, она клянется, что О’Брайан просидел у нее до полуночи.

– Ей можно верить?

– Она архитектор. И ее мать присутствовала. Судя по всему, вечер дочка устроила, желая познакомиться маму с Гарри. Алиби железное, Маура.

Но и повесив трубку, Маура не могла отделаться от уверенности, что тем вечером слышала голос Гарри О’Брайана.

Она села на диван в гостиной, вытянулась на подушках, пытаясь вызвать еще одно воспоминание. Здесь она проснулась утром в воскресенье. А предыдущей ночью кто-то уложил ее на диван. Произносили ли здесь какие-то слова – слова, которые она все еще могла помнить? Маура закрыла глаза.

В дверь позвонили.

Маура резко села, сердце стукнуло в груди. Она заставила себя подняться, заглянуть в глазок.

На крыльце стояла молодая темноволосая женщина, невысокая и хорошенькая.

Маура глубоко вздохнула, чувствуя, как страх отпускает ее. Открыла дверь:

– Слушаю вас.

– Извините, что беспокою, – сказала женщина. – Я ищу дом Дэвида Чатуорта. Знаю, он живет где-то здесь, но у меня в сотовом сел аккумулятор. Не могли бы вы дать мне на минутку вашу телефонную книгу?

– Конечно. Подождите, – ответила Маура.

Она пошла на кухню, где лежала телефонная книга. Пройдя половину пути, Маура услышала, как захлопнулась входная дверь.

Услышала за спиной приближающиеся шаги.

5

Джейн, встревоженная разговором с Маурой, села за письменный стол. «Меня словно обожгло» – так Маура описала свою реакцию на О’Брайана, уверенная, что она с ним встречалась. Но встреча не могла произойти в тот субботний вечер, так как О’Брайан находился в доме знакомой в Свампскотте.

Она открыла файл с записью разговора с Моникой Варгас – женщиной, к которой ездил О’Брайан. Тридцать пять лет, архитектор, живет во впечатляющем доме с видом на море. Она без запинки рассказывала о визите О’Брайана, уверяла Джейн и Фроста, что О’Брайан приехал около шести, пообедал с Моникой и ее матерью, а потом они

втроем смотрели на дивиди фильмы Вуди Аллена. О'Брайан покинул их дом около полуночи. Моника дала полицейским телефон матери на случай, если они захотят получить еще одно подтверждение.

Да, железное алиби.

Но теперь, думая о том разговоре, Джейн вспомнила подробности о Монике, которые внезапно показались ей важными. Ее самообладание, ее красота. Привлекательная женщина, профессионал, уверенная в себе и состоявшаяся.

Как Сара Шапиро и Китти О'Брайан. Как Маура Айлз.

Она повернулась к компьютеру, собираясь поискать что-нибудь о прошлом Моники, но тут зазвонил телефон.

– Нам наконец удалось снять защиту со смартфона Сканлона, – сказал Фрост.

– И у нас есть доступ к его звонкам?

– Ко всему. И ты не поверишь, что мы нашли.

Войдя в криминалистическую лабораторию, она увидела возбужденное лицо Фроста. Он сидел перед монитором компьютера, а принтер выплевывал распечатанные листы.

– Он почти не звонил с этого телефона. Но зато отправлял с него эсэмэски. – Фрост показал на экран. – Они все здесь – первая отправлена четыре года назад. Их всего около дюжины. И все отправлены одному получателю.

Джейн уставилась на дату последней эсэмэски.

– Одну Сканлон отправил вечером в субботу. В восемь тридцать.

– Посмотри, что он написал.

Фрост щелкнул по заголовку, и появился текст – всего одно предложение. Адрес в Бруклине. Адрес Мауры.

– Так Сканлон сообщил своему партнеру, где найти новую добычу, – догадалась Джейн, возбужденно хлопнув Фроста по спине. – У нас есть второй преступник!

– Постой. Ты должна увидеть кое-что еще. Другие тексты. – Он прокрутил список. Видишь даты? Вот здесь – полугодовой давности, время нападения на Сару Шапиро. А вот, немногим раньше, – на Китти О'Брайан.

– Таким образом, у нас есть запись о каждом нападении. Адреса всех жертв.

– Верно. А теперь посмотри сюда.

Он кликнул по заголовку девятимесячной давности. Джейн уставилась

на адрес – Свампскотт.

– Это же Моника Варгас! Она тоже была жертвой?

– Только она не заявляла об изнасиловании, – ответил Фрост. – И Джулия Чан, которая обеспечила алиби Сары Шапиро. Ее адрес тоже здесь есть. Они каким-то образом соединились. Нашли друг дружку. Тут целая коллекция жертв, и одни прикрывают других. Таким образом, все алиби теперь под сомнением.

– А значит, Гарри О’Брайан мог убить Сканлона. Он мог быть... боже мой!

Джейн выхватила из кармана сотовый.

– Что?

– Маура говорила с О’Брайаном сегодня вечером. Она его узнала.

– Ему это известно?

Джейн повесила трубку и сказала:

– Она не отвечает.

Когда детективы подъехали к дому Мауры, уже опустилась темнота. Свет внутри не горел, а входная дверь оказалась не заперта. Джейн и Фрост переглянулись в мрачном предчувствии. Они оба вытащили оружие, и Джейн толкнула дверь. Она проскользнула внутрь первой, прошла в гостиную.

Внезапно загорелся свет.

Гарри О’Брайан прикрывался Маурой как щитом, прижав ствол к ее виску.

– Бросайте оружие, О’Брайан! – приказала Джейн, подняв свой пистолет.

Она услышала, как Фрост двигается рядом с ней, краем глаза увидела в его руках пистолет.

– Мы не хотим насилия, детектив, – прозвучал еще один голос, и Джейн с удивлением увидела Сару Шапиро, поднимающуюся с кресла. – Гарри просто старается уладить это дело раз и навсегда.

– Убив свидетеля? Единственного человека, который помнит, что он приходил сюда в ту ночь? – Джейн посмотрела на О’Брайана. – Вы следили за Сканлоном. Ах да, вы это делали ради справедливости. Негодяй заслужил смерти, и любое жюри присяжных отнесется к вам сочувственно.

– Я не хочу в тюрьму, – сказал О’Брайан.

– Об этом нужно было думать до того, как вы его убили.

– Я его убил? – Он отрицательно покачал головой. – Я же вам говорил, я ездил тем вечером к знакомой.

– Она вас прикрывает. Ваше алиби развалится в суде.
– Нет, не развалится. Мы построили крепость, детектив. Вы пока не поняли, потому как не закончили свою работу.
– Я знаю, вы все замешаны. И я знаю, ваши теперешние действия вам не помогут. – Она покрепче сжала рукоять «глока». – Бросайте пистолет.
– С какой стати? Мне терять нечего.
– А вашу жизнь?
О’Брайан горько рассмеялся:
– Моя жизнь кончена. Она кончилась в тот день, когда умерла Китти. Я просто подчищаю хвосты.
– Вроде Сканлона?
– И его напарника.
Он знает о существовании второго человека.
– Мы найдем его напарника, Гарри. Клянусь вам. И он заплатит за все.
– Да, я знаю, вы найдете.
– Бросайте оружие – поговорим. Мы вместе будем его искать. Справедливость восторжествует.

Он, казалось, взвешивает ее слова, Джейн читала в его глазах внутреннюю борьбу. Неуверенность.

– Она всегда опаздывает, – тихо сказал О’Брайан.
– Кто опаздывает?
– Справедливость. Иногда приходится ее подтолкнуть.
С этими словами он с такой силой толкнул Мауру, что та упала на диван. Он поднял пистолет, прицелился в Джейн.

Выстрелы раздались мгновенно – огонь открыли Джейн и Фрост. Пули попали в грудь О’Брайана, его отбросило к книжному шкафу. Он простоял так несколько мгновений, глядя на них с неуместной улыбкой на губах. Пистолет выпал из его руки, а сам он медленно осел на пол, и Сара с криком и рыданием упала рядом с ним на колени.

Он не произвел ни одного выстрела.

Маура присела рядом с телом, проверила пульс, стала делать искусственное дыхание. Но Джейн, посмотрев в глаза О’Брайана, увидела, что свет уходит из них. Его было не спасти.

Еще через день они нашли тело.

Отследили получателя эсэмэсок Сканлона, им оказался обитатель великолепного особняка в Ньютоне, некто Уильям Хиткоут, сорока двух лет. Они нашли мистера Хиткоута в его серебристом «мерседесе», он сидел, завалившись на бок, а машина стояла в гараже при доме. Он вот уже

несколько дней как умер, то есть, вполне вероятно, в тот же день, что и Сканлон. Причину смерти долго искать не пришлось: единственный выстрел в правый висок. Пули из пистолета «смит-вессон» калибра 9 мм. Пистолет, похищенный, как выяснилось, год назад в Майами, мертвец держал в руке.

В багажнике обнаружился пластиковый мешок с двумя кухонными ножами, на лезвиях обоих засохла кровь. Наверняка кровь Сканлона, подумала Джейн, глядя, как криминалисты прикрепляют бирки к пакетам с вещдоками. Все улики нашлись здесь же, и они не оставили у полиции никаких сомнений. Хиткоут убил Сканлона в Олмстед-парке, потом приехал домой и покончил с собой. В течение одного кровавого вечера оба хищника отправились на тот свет.

Джейн, как и Маура, ни на одну секунду не поверила этой версии.

Вдвоем они стояли на подъездной дорожке у дома Хиткоута, глядя, как эвакуатор увозит «мерседес» в криминалистическую лабораторию. День клонился к вечеру, надвигались черные тучи, и в воздухе стояло предчувствие грома.

Но для Мауры гроза уже закончилась.

– Гарри вел себя как настоящий герой, – сказала она Джейн. – У него и в мыслях не было меня убивать. Он пришел в мой дом с незаряженным пистолетом.

– Мы же не знали. Выбора у нас не оставалось.

– Конечно не оставалось. Он все так и задумал. Хотел уйти громко, чтобы не забыли про его дочь. И ему не пришлось бы отвечать ни на какие вопросы. – После паузы Маура добавила: – Он умирал от рака.

– Он сам тебе сказал?

– Нет. Доктор Бристоль сегодня утром делал вскрытие. Тело Гарри пронизано метастазами. Я думаю, он знал о близкой смерти и сам выбрал, как ему уйти.

«Отчего меня теперь мучают кошмары? – подумала Джейн, глядя на темнеющее небо. – Когда убиваешь человека, на твоей душе остаются пятна, даже если убийство было вынужденным. Даже если жертва сама хотела, чтобы ты нажала на спусковой крючок».

– Мы обе знаем: тут имел место заговор, – сказала Джейн. – Гарри и те жертвы – они вместе спланировали все случившееся. Они прикрывали друг друга. Насколько я понимаю, они все наносили удары Кристоферу Сканлону. Пятнадцать колотых ран, два разных ножа. И ни одного отпечатка пальцев.

Джейн разочарованно вздохнула:

– Я знаю, что случилось, но ничего не могу доказать.

– А хочешь ли?

– Ведь ты сама всегда цепляешься за факты, ищешь истину. Но в данном случае готова пренебречь истиной.

– Я ведь тоже могла стать жертвой. Я исполняла роль козы на привязи: меня опоили и уложили на диван, а там – делай со мной что хочешь. Но со мной ничего не сделали, так как они предотвратили насилие. Я не знаю, кто из них заходил в мой дом и сколько их было. Они поймали и убили двух монстров. – Маура посмотрела в глаза Джейн. – И спасли меня.

Может быть, это дороже истины, подумала Джейн, глядя на Мауру, а та села в свой «лексус» и уехала. И тут Джейн вспомнила слова Гарри О’Брайана: «Справедливость. Иногда приходится ее подтолкнуть».

И вы это сделали, мистер О’Брайан. Сделали.

notes

Примечания

1

Цыгане (*ит.*).

2

Пожар, огонь (*ит.*).

3

Сколько это стоит? (*ит.*)

Венецианское гетто – район Венеции, где принуждали селиться евреев во времена Венецианской республики. Гетто располагалось в сестьере (так называются районы Венеции, которых всего шесть, откуда и название sestiere – «шестая часть») Каннареджо и разделялось на Новое гетто и Старое гетто (Гетто-Веккьо). На самом деле Новое гетто старше Старого. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Ка-Фоскари – государственный университет в Венеции.

6

Fegato – жареная печень, приготовленная по особому итальянскому рецепту.

По мере сближения Италии и Германии Муссолини копировал антисемитские законы и политику Германии. «Расовый манифест» – один из таких примеров, опубликован 14 июля 1938 года, его подписали преподаватели самых престижных итальянских университетов.

Джузеппе Вольпи (1877–1947) – итальянский бизнесмен и политик, активный участник фашистского движения. *Луиджи Луццатти* (1841–1927) – итальянский политик еврейского происхождения, в 1910–1911 годах занимал пост премьер-министра.

Чернорубашечники – вооруженные отряды фашистского движения в Италии. Униформа этих отрядов включала черные рубашки.

Большой фашистский совет – правительственная структура во время правления Муссолини.

«*Ла Фениче*» («Феникс») – оперный театр в Венеции.

Перемирие между союзниками (к тому времени занявшими юг страны) и Италией было заключено 3 сентября 1943 года и повлекло за собой капитуляцию Италии. Вскоре после перемирия немецкие войска оккупировали север Италии.

16 октября 1943 года в Риме специальными частями СС было арестовано более 1000 евреев. Их отправили в Освенцим, где почти все погибли.

Местре – центральный и наиболее населенный район материковой Венеции.

Озеро Комо в предгорьях Альп – популярный курорт Италии.

Последний поезд (*ит.*).

Сан-Марко – центральная из шести сестер Венеции.

«*Беллини*» – алкогольный коктейль, изобретенный в Венеции в первой половине XX века, представляет собой смесь игристого вина и персикового пюре.

Рисьера-ди-Сан-Сабба – нацистский концентрационный лагерь, созданный в сентябре 1943 года близ Триеста.

Эрвин Герман Ламберт (1909–1976) – нацистский деятель, один из организаторов холокоста, руководитель строительства газовых камер и крематориев в лагерях смерти.

Клезмер – традиционная народная музыка восточноевропейских евреев.

Генри Ли Лукас – американский серийный убийца, на счету которого, вероятно, более 200 жертв.

Пепто-бисмол – название лекарства, применяемого для снятия болей в желудке.

Психоз на двоих (фр.).

Классическое блюдо сычуаньской кухни. Готовится из куриного филе, обжаренного с орешками и перцем чили.

Приятного аппетита (*фр.*).

Имеется в виду «Ф. Хоффманн Ля Рош Лтд.», швейцарская фармацевтическая компания, одна из ведущих в области фармацевтики.

Флунитразепам (рогипнол) оказывает седативное, снотворное и противосудорожное действие.